

SlavVaria

1

2024

PTE BTK Szlavisztika Intézet

SlavVaria

1/2024

SlavVaria

1/2024

Lendvai Endre professzor 80. születésnapjára

Szerkesztette

Blazsetin Vjekoslav, Komjáti Diána, Wolosz Robert

Pécs

2024

SlavVaria

A Pécsi Tudományegyetem
Bölcsészeti- és Társadalomtudományi Kar
Szlavisztika Intézetének
folyóirata

Szerkesztőbizottság
Editorial Committee

Blazsetin István, Blazsetin Vjekoslav, Bockovac Tímea,
Komjáti Diána, Kovács Ekaterina, Povarnyicina Marina,
Pozsgai István, Végh Andor, Wolosz Robert

Főszerkesztő
Editor-in-Chief
SZABÓ TÜNDE

Technikai szerkesztő
Technical and Layout Editors
Povarnyicina Marina, Pozsgai István, Wolosz Robert

HU ISSN 2786-2550 (Online)
HU ISSN 2786-2569 (Print)

A cikkeket a következő e-mail címre küldjék
Articles should be sent to the following e-mail address
slavvaria@pte.hu

TARTALOMJEGYZÉK

<i>Lendvai Endre Kálmán egyetemi tanár köszöntése a 80. születésnapja alkalmából</i>	7
<i>Tabula gratulatoria</i>	9

FÓKUSZBAN: Kétnyelvűség, többnyelvűség, nyelvi közvetítés

Bibok Károly: Как понимаются заголовки новостей? К вопросу кликбейта	13
Bogović Lidija: Tragovi mađarskoga jezika u hrvatskom	23
Ясаи Ласло: Размышления по поводу языковой интерпретации при обучении студентов-русистов	35
Korljan Bešlić Josipa: Najčešće pogreške u uporabi prijedloga hrvatskoga jezika kod izvornih govornika španjolskoga jezika	47
Nikolin-Dukai Lilla: The Syntax and Semantics of Converbs in Modern Slavic Languages	61

NYELVÉSZET és SZAKMÓDSZERTAN

Восковач Timea – Plavac Morana: Tko se to našao u čudnovatim zgodama: Hlapić ili Dikics?	77
Эбрахими Лиалестани Нахид: Правильное чтение новоперсидских слов в этимологическом словаре М. Фасмера	93
Györfi Beáta: The Evolution of OES ся: a Corpus Investigation	99

IRODALOMTUDOMÁNY és KULTUROLÓGIA

Бебеши Дёрдь – Колонтари Аттила: Ранняя социалистическая модель государства и общества. Утопия Павла Пестеля в 1820-х гг.	119
Иоскевич Марина Михайловна: Мифологический подтекст «мессианской» деятельности героя в трилогии «На ростанях» Я. Коласа	131
Пекарь Яна Яновна: Автор и рассказчик в книге Э. Лимонова «Мои живописцы»: маска или подлинное Я?	143

KÖNYVISMERTETÉS és RECENZIO

Mágocsi Nyina: Публикации Института славянской и балтийской филологии факультета гуманитарных наук университета имени Лоранда Этвеша (Будапешт) за период 2020–2023 гг.	153
Сабо Тünde: The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture	169
Вельмезова Екатерина: Антропология в междисциплинарном измерении: о книге А.Г. Козинцева Язык – реальность – игра – смех (Антропологические фрагменты)	175

Lendvai Endre Kálmán egyetemi tanár köszöntése a 80. születésnapja alkalmából

A SlavVaria folyóirat idei számát szeretettel ajánljuk kedves kollégáknak, az idén 80. születésnapját ünneplő Lendvai Endre Kálmánnak.

Lendvai Endre 1944. július 6-án született Bábaapátiban. 1970-ben szerzett orosz-testnevelés szakos általános iskolai tanári diplomát, majd 1975-ben középiskolai orosz nyelv és irodalom szakos tanári diplomát. Ugyanebben az évben kezdett el tanítani a PTE jogelődjén, a Janus Pannonius Tudományegyetem Orosz Tanszékén. 1981-ben doktorált, 1987-ben szerzett kandidátusi fokozatot nyelvtudományból az MTA-n, 2000-ben habilitált, 2003-ban pedig az MTA doktora lett.

Nevéhez fűződik egyetemünkön a Szláv Filológia Tanszék megalapítása, amelyet 1991 és 1998 között irányított. Alapító tagja volt a PTE BTK Nyelvészeti Doktori Iskolájának. A pécsi Fordítástudományi Kutatóközpont létrehozója, vezetője, mozgatórugója volt, és egyúttal intézetünk legmagasabbban kvalifikált oktatója is.

Publikációs tevékenysége kiemelkedő, a nevéhez fűződő közlemények (szakkönyvek, cikkek, fordítások) listája közel 200 tételes. Tudományos tevékenysége jelentős, angolul és oroszul megjelent publikációival nemzetközi tekintélyre is szert tett. Szerkesztőként és szervezőként az általa szerkesztett kötetekben (*Slavica Quinqueecclesiensia*, *Translatologia Pannonica*) igyekezett publikációs lehetőséget biztosítani tanszéki munkatársainak; az általa kezdeményezett és szervezett nemzetközi konferenciák (*Kultúrák dialógusa a soknyelvű Európában*) felpezsdítették karunk tudományos életét.

Tudományos érdeklődése szerteágazó. Kiemelkedő eredményeket ért el a nyelvi humor strukturális elemzésében, a lefordíthatatlan nyelvi elemek (nyelvi reáliák, szójátékok) fordításelméleti tanulmányozásában, a kultúrák közti verbális és nonverbális párbeszéd vizsgálatában, valamint az orosz nyelv lexikai szemantikájával és pragmatikájával kapcsolatos kutatások terén.

2014-ben ment nyugdíjba, de professor emeritusként továbbra is szoros kapcsolatot tartott az egyetemmel és a tanszékkel, ahol továbbra is órákat vállalt. Kutatói érdeklődése sem lankadt, jelenleg elsősorban a társadalmi kommunikáció kérdései, ezen belül a politikai diskurzusban tapasztalható valóságghamisítások foglalkoztatják.

Munkásságát számos tudományos díjjal, ösztöndíjjal ismerték el. Egyebek között 1998–2002 között Széchenyi Professzori Ösztöndíjas volt, valamint több szervezetben – az Orosztanárok Nemzetközi Egyesületében (MAPRJAL), a Magyarországi Orosztanárok Egyesületében (elnökként), a Magyar Nyelvtudományi Társaságban, a Magyar Alkalmazott Nyelvészek és Nyelvtanárok Egyesületében tevékenykedett. Szerkesztőségi tagja volt a *Русский язык за рубежом* nemzetközi folyóiratnak.

A laudáció műfajától nem idegen a személyes hangnem, emiatt szeretném megemlíteni két, keretként is értelmezhető, az ünnepelthez kötődő emlékemet. 1993 szeptemberének elején érkeztem Pécsre, hogy lengyel lektorként munkába álljak a JPTE-n. Mivel erről a lehetőségről csak két-három nappal korábban szereztem tudomást, eléggé bizonytalan voltam. Endre a pályaudvaron várt, és kedvességgel, segítőkészséggel oldotta a feszültségemet – emiatt úgy éreztem, jó helyen leszek. Így is lett. Ugyanígy mellettem volt, amikor négy évvel később, lektori megbízatásom lezárásakor a tanszéki kollégáktól búcsúztam, és nem volt konkrét tervem arról, hogyan folytatom tovább. Elbeszélgettünk, és Endre pár nap múlva jelentkezett is egy olyan hírrel, ami aztán tartósan Pécshez kötött. Ezért is mindig hálás leszek neki.

A magam és a tanszékünk nevében kívánok a Professor Úrnak sok erőt, jó egészséget, hogy tovább dolgozhasson az őt foglalkoztató témákon, és találjon örömet a mindennapi tevékenységeiben is!

Robert Wołosz

PTE BTK Orosz Filológia Tanszék

TABULA GRATULATORIA

1. Andokné Pörnecz Gabriella
2. Békés Lajosné
3. Bernard Béláné
4. Bodor Tímea
5. Csekéné Jónás Erzsébet
6. Csikai Zsuzsanna
7. Erdei Ilona
8. Fodor Mónika
9. Font Márta
10. Fresli Mihály
11. Goretity József
12. Györke Zoltán
13. Hajnády Zoltán
14. Háy László
15. Háryné Barta Ágnes
16. Hegedűs Iván
17. Horváth Iván
18. Huszti Judit
19. Janurik Szabolcs
20. Kéri Katalin
21. Kiss Kálmán
22. Komjáti Diána
23. Koósz Margit
24. Kovács Ekaterina
25. Kovács Marina
26. Laczházi Aranka
27. Lepahin Valerij
28. Majdán János
29. Mohos Mária
30. Mrázik Julianna
31. Palágyi Angéla
32. Pálné Porst Andrea
33. Pap Gáborné
34. Pátrovics Péter
35. Ponyó Csilla
36. Povarnyicina Marina
37. Pozsgai István

38. Sashalmi Endre
39. Schmidt Andrea
40. Szabó Tünde
41. Szűcs Tibor
42. Szvák Gyula
43. Thuróczy Gergely
44. Tóth László
45. Tuboly Ágnes
46. Turi Katalin
47. V. Gilbert Edit
48. Varga Melita Aleksa
49. Végvári Valentyina
50. Wolosz Robert
51. Zaharova Jelena
52. Zoltán András

FÓKUSZBAN:
Kétnyelvűség, többnyelvűség, nyelvi közvetítés

VIBOK KÁROLY
(Szeged, Magyarország)

Как понимаются заголовки новостей? К вопросу кликбейта¹

Аннотация: В предлагаемой вниманию читателя статье исследуются заголовки русских и венгерских новостей в рамках прагматического подхода, который заметно вырисовывается в последнее время (FINKBEINER 2024). Демонстрируется тезис, что понимание заголовка происходит с учетом самого текста, даже при интерпретации заголовка остальная часть является собственно контекстом. Кваликативный анализ заголовков показывает более обширный диапазон способов (пере)интерпретации, чем выявлено в работе В. Апресян и А. Орлова (APRESJAN, ORLOV 2022). Для иллюстрации новизны моего подхода выбраны два примера из последнего труда, которые подлежат пересмотру. (Со всеми способами, примененными в анализе, можно познакомиться по докладу автора настоящих строк (VIBOK 2024).)

Ключевые слова: (пере)интерпретация заголовков, расширение контекста, коммуникативные (конверсационные) импликатуры, экспликатура, неоднозначность

1. Введение

В настоящей статье исследуются заголовки русских и венгерских новостей в рамках прагматического подхода, который заметно вырисовывается в последнее время и идет на смену более традиционным подходам лингвистики текста, стилистики и семиотики (FINKBEINER 2024). Уже два года ведутся интенсивные работы прагматического характера по отношению к материалам, помещенным на веб-страницах в области медицины и здравоохранения (NÉMETH T. et al. 2023).

Превышая ранее общепринятое положение о том, что заголовок указывает на содержание текста или суммирует его (ср. TOLCSVAI NAGY 2006: 171), с помощью новостей о поступках деятелей в политической сфере я демонстрирую **тезис о том**, что понимание заголовка происходит

¹ Работа над настоящей статьей поддержана подпрограммой «Лингвистическая идентификация фейковых новостей и псевдонаучных воззрений» (*Subprogram for Linguistic Identification of Fake News and Pseudo-scientific Views*), являющейся частью национальной программы «Наука за венгерский язык» (*Science for the Hungarian Language National Program*) под эгидой Венгерской академии наук (MTA).

с учетом самого текста, даже при интерпретации заголовка остальная часть является **собственно контекстом**. При этом я опираюсь на различие непосредственных и расширенных контекстов (BIBOK 2017), а также к трем методам расширения контекста посредством типов информации: (а) из предшествующего рассмотренному высказыванию дискурса, (б) из физического окружения и (в) из энциклопедических знаний (SPERBER, WILSON 1986/1995) добавляю четвертый, а именно расширение контекста через высказывания, идущие за рассмотренным высказыванием.²

2. Способы (пере)интерпретации заголовков новостей

Кваликативный анализ заголовков показывает **более обширный диапазон** способов (пере)интерпретации, чем выявлено в статье В. Апресян и А. Орлова (APRESJAN, ORLOV 2022). Во всех кликбейтных случаях они говорят о нарушении максим четырех категорий: качества, количества, отношения или способа, конкретизирующих коммуникативный принцип кооперации «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» (GRICE 1975/1985: 222).³ В теории Г.П. Грайса нарушение максим 4-х названных категорий вызывает значения имплицитного типа, а именно т.н. коммуникативные (конверсационные) импликатуры. В моем же анализе, о котором я сообщил в докладе (BIBOK 2024) на конференции «Что новое в семантических и прагматических исследованиях?» (Сегед, 26.04.2024), диапазон способов (пере)интерпретации распространяется от конструирования фреймов, обусловленного лексическими особенностями разных стилей, через трактовку неоднозначности, до экспликатур (в случае недоспецифицированных заголовков) и импликатур (их подтверждения или отмены). В принципе они разделяются на две большие группы:

I. Установление «рамки» интерпретации: (пере)конструирование фреймов

II. Преобразование (неполной) логической формы в полную пропозицию и вычисление имплицитных значений

² В связи с последним новым и первым методами расширения контекста стоит указать на общеизвестные типы отсылки к референтам в тексте: катафора и анафора.

³ Основополагающая статья Г.П. Грайса первоначально была опубликована в 1975 г. Она цитируется здесь в русском переводе, вышедшем в свет в 1985 г. – Одно терминологическое примечание: Хотя в русском переводе употребляется слово *постулат*, в этой статье я придерживаюсь русского эквивалента *максима* английского *maxim* в оригинале.

Как видно, моя типология основывается – с одной стороны – на анализе фреймов, широко распространенном в гуманитарных науках (см., напр., PAN, KOSICKI 1993, МАЛИНОВА 2015: 100–115) и в конечном счете восходящем к социологу И. Гофману (GOFFMAN 1974/2004), а с другой, на теории релевантности (SPERBER, WILSON 1986/1995), трактующей решение неоднозначности не как случай импликатуры и выделяющей – помимо импликатуры – экспликатуру для дополнения неполноты кодированного языковыми средствами значения. Для иллюстрации новизны моего подхода выбраны – за неимением места – лишь два примера из статьи В. Апресян и А. Орлова (APRESJAN, ORLOV 2022), которые подлежат пересмотру в рамках теории релевантности.

3. Альтернативные анализы в рамках теории релевантности

3.1. Прежде чем приступить к двум выбранным примерам и их пересмотру, стоит обратить внимание читателя на то, что вышесказанное об интерпретационных способах вовсе не значит, что импликатуры никогда не выступают при интерпретации заголовков. Можно вспомнить, что они присутствуют и в нашей типологии. Рассмотрим следующий заголовок из венгерского онлайн-медиа:

- (1) Magyarország nevében adott ki közleményt Nagy-Britannia a húszik elleni támadásról⁴
'Великобритания выпустила сообщение об атаке против хуситов от имени Венгрии'

Если читатель думает, что – как ни странным кажется ему данное высказывание – говорящий (пишущий) передает столько информации, сколько нужно для передачи смысла, т.е. соблюдается – несмотря на вид – одна из максим количества «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется» (GRICE 1975/1985: 222), то он приходит к выводу, что говорящий (пишущий) имплицировал:

- (2) 'Кроме Венгрии нет другой страны, от имени которой Великобритания выпустила сообщение'.

Однако импликатура отменяется в дальнейшем тексте статьи, где читается о том, что лондонский офис премьер-министра выпустил совместное сообщение от имени 23-х стран, в частности Венгрии. Попав в ситуацию отмены импликатуры, читателю статьи следует осознать (и, наверно, читатель этих строк согласен с этим), что журналист вел себя нечестно, не придерживаясь коммуникативного принципа кооперации.

⁴ <https://index.hu/kulfold/2024/01/25/london-nagy-britannia-egyeseult-allamok-huszik-kozlemeny-legicsapas/> – дата обращения: 26.04.2024.

Более того, читатель (не только статьи, но и этих строк) вправе заключить, что журналист намеренно сформулировал заголовок так. Он хотел вызвать любопытство у читателя, на каком основании Великобритания могла выпустить сообщение от имени Венгрии, и, следовательно, заставить читателя нажать заголовок, чтобы получить ответ из остальной части новости.

Тем не менее, настаивая на выдвинутом тезисе о разнообразности способов интерпретации заголовков, ниже я представлю пересмотр двух примеров из статьи В. Апресян и А. Орлова (APRESJAN, ORLOV 2022), проанализировавшей их в грайсовских терминах.

3.2. Сначала возьмем пример (3):

(3) Путин наградил кричавшего «Слава Украине» хорвата⁵

В (3) о причине награждения как о семантической валентности глагола *наградить* эксплицитно не сказано, но она имплицитно подсказывается. При предположении соблюдения одной – выше уже процитированной – максимы количества («Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется»), читатель может установить импликатуру:

(4) 'Причина того, что Путин наградил хорвата –, это то, что хорват кричал: «Слава Украине!».'

Сами Апресян и Орлов признают в своей статье на с. 95, что импликатура (4) является нонсенсом, противоречащим фоновым знаниям (русского) читателя. Выявляя неверность данной импликатуры, дальнейший текст новости и отменяет ее: он рассказывает о том, что после финала чемпионата мира по футболу в 2018 г. хорваты (не один хорват!) получили серебряную медаль от президента организующей страны В.В. Путина. Таким образом, стараясь удовлетворить любопытство, читатель обманулся в своих ожиданиях.

Предлагаемый мною альтернативный анализ примера (3) в рамках теории релевантности, ставящей целью слушающего (читателя) найти релевантную интерпретацию, обеспечивающую наибольший эффект за цену наименьшего усилия, также исходит из того, что глагол *наградить* – кроме семантических валентностей (аргументов) агенса и пациенса – имеет третий аргумент, а именно причину.⁶ Собственно говоря, надо выделить и четвертый аргумент у глагола, объект награды, но теперь его

⁵ lenta.ru, 15.07.2018 – APRESJAN–ORLOV 2022: 95.

⁶ По номенклатуре семантических ролей, находящейся в работе Ю. Д. Апресяна и его сотрудников (АПРЕСЯН и др. 2010: 370–377), данному семантическому аргументу принадлежит не роль причины, а роль мотивировки.

можно оставить на заднем плане. Модель управления показывает, как оформляются эти валентности. Для интересующей нас третьей валентности это предложно-падежная форма *за что-л.*⁷ Хотя такой формы, по видимому, не встречается в заголовке, причина награждения все-таки требуется на основе лексико-семантической репрезентации глагола *наградить*. Без нее пропозиция, лежащая в основе высказывания, является неполной. Заключение о причине необходимо для полноты пропозиции. Как видно из сказанного, причина относится не к имплицитной части значения, а она нужна для экспликации пропозиции. Иными словами, она представляет собой не импликацию, а экспликацию. В этом же заключается принципиальное различие между грайсовским и релевантно-теоретическим подходами к интерпретации высказывания.

Поиск причины, приводящий к релевантной интерпретации, начинается в непосредственном контексте глагола *наградить*, т.е. в самом заголовке. Первым кандидатом, на основе которого можно надеяться найти причину, считается причастие *кричащий*. Тем не менее, стоит иметь в виду, что понимание не тождественно принятию пропозиции. Понимание одновременно является принятием пропозиции лишь в том случае, если эпистемическая бдительность не сталкивается с сомнениями (ни по отношению к источнику информации, ни по отношению к содержанию информации) (SPERBER et al. 2010: 368–369). По предупреждению эпистемической бдительности крик неприемлем как причина награждения. Нахождение релевантной интерпретации автоматически сочетается с обнаружением непоследовательностей, влияющих на эпистемическую оценку (оценку с точки зрения истинности/ложности) (SPERBER et al. 2010: 376).

Следует еще отметить, что в случае невозражения эпистемической бдительности установление причины награждения вполне возможно по прилагательному или причастию, фигурирующему в качестве определения перед существительным. См. например:

(5) Зеленский раскритиковал не пускавшего к нему людей прокурора⁸

Тогда как причина награждения не достигается в заголовке, она ожидается (наряду с объектом награды) в расширенном контексте, т.е. в высказываниях, последующих за заголовком. Эта надежда и не обманывает читателя: он может построить полную пропозицию, т.е. экспликацию посредством выполнения (saturation) лингвистически недостающей информации. Однако, стоит еще отметить, что ожидание

⁷ О теоретических основаниях лексикографического представления слова типа *наградить* см.: АПРЕСЯН 2014).

⁸ lenta.ru, 31.07.2019 – АПРЕСЯН, ORLOV 2022: 95.

читателя оказывается неправильным в том отношении, что был награжден не один хорват, а больше.

Независимо от предполагаемого механизма интерпретации, как за проверку имплицатуры, так и за информацию, нужную для построения полной пропозиции (эксплицатуры) безусловно надо нажать заголовок. Тем не менее в случае последнего механизма можно явно разделить друг от друга нажатие с целью достижения информации, необходимой для полноты сказанного, и кликбейт как способ оформления заголовка (URL1), вводящий в заблуждение, намекая на (так или иначе) сенсационный характер причины награждения, и поэтому поощряющий кликать на заголовок.

3.3. А теперь возьмем второй пример, подлежащий пересмотру:

(6) Франция рассказала об отмене санкций ЕС против России⁹

В статье В. Апресян и А. Орлова (APRESJAN, ORLOV 2022: 95–96) указывается, что у многих глаголов речи, в том числе *рассказать*, дополнение может соотноситься с разными семантическими валентностями (аргументами), а именно либо с темой (Topic), либо с содержанием (Content). Эти два аргумента могут оформляться по-разному: тема – предложно-падежной формой неотглагольного существительного, напр.: *о Маше*, а содержание – пояснительным придаточным предложением с союзом *что*. В случае же отглагольного существительного возможны обе интерпретации: и с темой и с содержанием. Такую неоднозначность можно проиллюстрировать, пользуясь простыми примерами процитированных авторов. Ср.:

(7) Он рассказал нам о приезде Маши.

О том, что отглагольное существительное с предлогом *о* в (7) понимается не только как содержание, но и как тема, свидетельствует дополненный вопросительным местоимением *что* (в винительном, а не предложном падеже) вариант примера (7), спрашивающим о деталях самого события приезда. Ср.:

(8) Что он рассказал о приезде Маши?

Похожая на (7) неоднозначность встречается и в (6). Таким образом, (6) нарушает одну из максим способа: «Избегай неоднозначности» (GRICE 1975/1985: 223). Однако, В. Апресян и А. Орлов не выясняют в своей статье, как эксплуатируется нарушение максимы и какая имплицатура

⁹ lenta.ru, 26.06.2019 – APRESJAN, ORLOV 2022: 95.

порождается. Сам Г.П. Грайс (GRICE 1975/1985: 232–233) различает два типа неоднозначных высказываний, (а) «имеющих две в равной степени правдоподобные прямые интерпретации» и (б) «для которых одна интерпретация значительно менее естественна, чем другая». Кажется, в связи с примером (б) релевантна вторая ситуация, потому что В. Апресян и А. Орлов говорят о естественности интерпретации с семантическим аргументом содержания. В то же время согласно комментариям, добавленным Г.П. Грайсом к примеру соответствующего характера, то, что автор речи заведомо выражает (вне зависимости от того, передает ли он и прямую интерпретацию) –, это непрямая интерпретация. Можно было бы спасти трактовку примера (б), предложенную В. Апресян и А. Орловым, с учетом следующих моментов. Во-первых, в качестве не прямой интерпретации следует признать высказывание с семантическим аргументом содержания, предполагая метонимическую связь между темой и содержанием, излагающим смысл, заданный темой.¹⁰ Во-вторых, не прямую (метонимическую) интерпретацию с семантическим аргументом содержания можно считать более естественной в том смысле, что она заведомо выражается (вне зависимости от того, передается ли и прямая интерпретация) – как высказывается сам Г.П. Грайс в связи со своим примером.

Тем не менее мой альтернативный анализ в духе теории релевантности не зависит от принятия выдвинутых предположений, касающихся имплицатуры. А суть скорее в том, что разрешение неоднозначности необходимо для построения экспликуры. Иными словами, первое предшествует второму и, таким образом, становится понятным, что разрешение неоднозначности не имеет никаких отношений к имплицатурам.

Выполнение задачи разрешения неоднозначности (б) проходит по такой линии, как и в случае построения полной пропозиции в подразделе 3.1: лексико-семантическая репрезентация – учет непосредственного контекста – расширение контекста.

О первом компоненте достаточно сказать, что на лексическом уровне, наверное, нет неоднозначности, потому что глагол *рассказать* может одновременно иметь при себе оба аргумента темы и содержания (ср. (7)). Следовательно, неоднозначность проявляется из-за наличия того или иного аргумента в синтаксической структуре. Далее, разрешение неоднозначности не осуществляется в непосредственном контексте неоднозначного выражения, т.е. в заголовке, тогда как читатель чувствует сильное давление в пользу интерпретации с семантическим аргументом содержания, которая придала бы ему более весомую, но одновременно сенсационную и вместе с тем сомнительную информацию по эпистемической бдительности (ср. подраздел 3.2). В расширенном

¹⁰ Относительно примера с метафорической связью между двумя интерпретациями см.: FLOWERDEW 2013: 99.

контексте, а именно в последующих за заголовком высказываниях разрешение неоднозначности происходит в пользу тематической интерпретации косвенного дополнения «о + NP», которая релевантна и соответствует смыслу текста статьи, но – в отличие от интерпретации с валентностью содержания – вовсе не сенсационна.

После пересмотра второго примера, взятого из статьи В. Апресян и А. Орлова, можно еще раз подчеркнуть различие между нажатием на заголовок с целью достижения информации, необходимой для разрешения неоднозначности, и кликбейтом. Последний состоит в том, что одна из возможных интерпретаций имеет гораздо более сенсационный характер на основе того, что сообщение о событии отмены санкций ЕС против России намного более весомая информация, чем сообщение темы рассказа.

4. Заключение

В настоящей статье я показал, что при (пере)интерпретации заголовков новостей могут быть использованы разные способы в отличие от метода В. Апресян и А. Орлова (APRESJAN, ORLOV 2022), опирающихся только на понятие импликатуры. В связи с отменой импликатуры, когда происходит переинтерпретация, можно утверждать, что при создании кликбейтного заголовка журналист злоупотребляет доверием читателя, не придерживаясь грайсовского коммуникативного принципа сотрудничества. Более того, он манипулирует посредством имплицитной информации, от которой он может даже отказаться, ссылаясь на то, что импликатура не входит в содержание собственно сказанного. Интерпретация же заголовков в терминах теории релевантности дает возможность явно отличать ее от их кликбейтного характера. Интерпретация ориентирована на построение полной пропозиции (экспликатуры), а кликбейтный характер заголовков обманчивым образом вызывает интерес к содержанию статьи и пробуждает любопытство к разумно неполностью обоснованно предполагаемой сенсации. Однако, сочетаясь с эпистемической бдительностью, поиск релевантной интерпретации заголовков оказывается достаточно разумным процессом.

Литература

- АПРЕСЯН и др. 2010 = АПРЕСЯН Ю.Д. (отв. ред.) Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. Москва: Языки славянских культур, 2010.
- АПРЕСЯН 2014 = АПРЕСЯН Ю.Д. Об Активном словаре русского языка // Апресян Ю.Д. (отв. ред.) Активный словарь русского языка. Т. 1. А–Б. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 5–36.
- МАЛИНОВА 2015 = МАЛИНОВА О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва: Политическая энциклопедия, 2015.

- APRESJAN, ORLOV 2022 = APRESJAN V., ORLOV A. Pragmatic mechanisms of manipulation in Russian online media: How clickbait works (or does not) // *Journal of Pragmatics* 195. 2022. 91–108. DOI: [10.1016/j.pragma.2022.02.003](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.02.003)
- BIBOK 2017 = BIBOK K. Szójelentés: a lexikai szemantikától a lexikai pragmatika felé. Budapest: Loisier, 2017.
- BIBOK 2024 = BIBOK K. Újságcikkek címeinek (újra)értelmezése a szövegtest kontextusában // *Újdonságok a szemantikai és pragmatikai kutatásokban c. konferencia*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem, 2024. április 26.
- FINKBEINER 2024 = FINKBEINER R. The pragmatics of headlines: Central issues and future research avenues // *Journal of Pragmatics* 222. 2024. 17–22. DOI: [10.1016/j.pragma.2024.01.006](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2024.01.006)
- FLOWERDEW 2013 = FLOWERDEW J. *Discourse in English language education*. New York: Routledge, 2013. DOI: [10.4324/9780203080870](https://doi.org/10.4324/9780203080870)
- GOFFMAN 1974/2004 = GOFFMAN E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1974. Русский перевод: Гофман И. *Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта*. Москва: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
- GRICE 1975/1985 = GRICE H.P. *Logic and conversation* // Cole P. – Morgan J.L. (eds.) *Syntax and semantics*, vol. 3. New York: Academic Press, 1975. 41–58. Русский перевод: Грайс Г. П. *Логика и речевое общение* // *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVI (общ. ред. Падучевой Е. В.). Москва: Прогресс, 1985. 217–237. DOI: [10.1163/9789004368811_003](https://doi.org/10.1163/9789004368811_003)
- NÉMETH T. et al. 2023 = NÉMETH T.E. – NAGY C.K. – NÉMETH Zs. What is hidden from you: Implicit pragmatic phenomena in Hungarian fake news headlines // *18th International Pragmatics Conference*. Brussels, 9–14 July, 2023.
- PAN, KOSICKI 1993 = PAN Z. – KOSICKI G.M. Framing analysis: An approach to news discourse // *Political Communication* 10. 1993. № 1. 55–75. DOI: [10.1080/10584609.1993.9962963](https://doi.org/10.1080/10584609.1993.9962963)
- SPERBER et al. 2010 = SPERBER D., CLÉMENT F., HEINTZ C., MASCARO O., MERCIER H., ORIGGI G., WILSON D. Epistemic vigilance // *Mind & Language* 25. 2010. № (4). 359–393. DOI: [10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x)
- SPERBER, WILSON 1986/1995 = SPERBER D., WILSON D. *Relevance: Communication and cognition*. Cambridge (Massachusetts) – Oxford: Blackwell. 1st ed. /2nd ed. 1986/1995.
- TOLCSVAI NAGY 2006 = TOLCSVAI NAGY G. *Szövegtan* // Kiefer F. (főszerk.) *Magyar nyelv*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006. 149–174.
- URL1 = <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B1%D0%B5%D0%B9%D1%82> – дата обращения: 18.06.2024.

How to (re-)interpret titles of news? Case studies of clickbaits. The present paper investigates titles of Russian and Hungarian news items in pragmatic frameworks definitely emerging in recent years (FINKBEINER 2024). It shows a claim that the understanding of news headlines should proceed considering the texts themselves. What is more, the body of the text does inevitably figure as a necessary context for the understanding. A qua-

litative analysis of headlines recovers a wider spectrum of (re-)interpretation compared to the paper by V. Apresjan and A. Orlov (APRESJAN, ORLOV 2022). To illustrate the novelty of my approach, two examples taken from their paper are submitted to a thorough revision. (For other types of (re-)interpretation applied during my qualitative analysis of headlines, see BIBOK 2024.)

Keywords: (re-)interpretation, context extension, conversational implicatures, explicatures, ambiguity

LIDIJA BOGOVIĆ
(Zagreb, Hrvatska)

Tragovi mađarskoga jezika u hrvatskom

Sažetak: Hungarizmi su riječi posuđene iz mađarskoga jezika koje su tijekom povijesti, zbog dugotrajne političke i kulturne povezanosti hrvatskoga i mađarskoga naroda, integrirane u hrvatski jezik. U radu je napravljen izbor učestalih hungarizama u hrvatskom jeziku koji su jezično analizirani na razini leksikologije i tvorbe riječi te je dana usporedba s istovrijednicama iz druge polovice 19. stoljeća. Ujedno, dan je pregled kako su se određeni hungarizmi mijenjali, prilagođavali ili ostali nepromijenjeni kroz vrijeme. Također, tvorbeno su analizirane istovrijednice kojima su pojedini hungarizmi zamijenjeni (ili kojima ih se pokušalo zamijeniti) te je prikazano korištenje tvorbenoga potencijala hrvatskoga jezika. Rad doprinosi razumijevanju povijesnih i sociolingvističkih utjecaja na hrvatski jezik te naglašava važnost leksikografskih izvora u proučavanju jezičnoga posuđivanja.

Ključne riječi: hungarizmi u hrvatskom jeziku, leksikologija, rječotvorje, jezik u 19. stoljeću

Uvod

Hungarizmi su riječi posuđene iz mađarskoga jezika koje su tijekom povijesti, zbog dugotrajne političke i kulturne povezanosti hrvatskoga i mađarskoga naroda, integrirane u hrvatski jezik. U radu je napravljen izbor učestalih hungarizama u hrvatskom jeziku prema popisu riječi posuđenica iz mađarskoga jezika u *Etimološkom rječniku* Petra Skoka iz 1971. godine. Ti su hungarizmi analizirani i uspoređeni s istovrijednicama u današnjem hrvatskom književnom jeziku te su također uspoređeni s istovrijednicama iz druge polovice 19. stoljeća. Kao primarni izvori za usporedbu, korišteni su rječnici Bogoslava Šuleka i Dragutina Antuna Parčića.

Koristeći metodu komparativne analize, posebna je pažnja posvećena riječima koje su zadržale svoj izvorni posuđeni oblik, kao i onima koje su zamijenjene hrvatskim riječima praslavenskoga podrijetla u čijem je nastanku korišten tvorbeni potencijal hrvatskoga književnoga jezika.

Devetnaesto je stoljeće izabrano zato što se nakon narodnoga preporoda hrvatska književna i znanstvena produkcija 2. polovice 19. stoljeća ubrzano razvija, što je utjecalo na razvoj jezika. U to doba i terminologija postupno doživljava svoj uzlet, a tvorbom novih riječi obogaćen je hrvatski književni jezik. S tom je polaznom premisom pretpostavljena veća mogućnost za

hrvatsku riječ praslavenskoga podrijetla koja je ponuđena kao istovrijednica za pojedini hungarizam.

Novi način života suočava govornike pojedinoga jezika s brojnim novim stvarima, pojavama i pojmovima, što neizbježno rezultira potrebom za novim riječima kojima će se to novo označavati. Dva su osnovna načina na koji se nove riječi uvode u pojedini jezik. Prvi je od njih tvorba novih riječi na temelju već postojećih riječi u tom jeziku, a drugi jezično posuđivanje. Vitalnost pojedinoga jezika, a posebice književnoga jezika ponajprije se mjeri mogućnošću toga jezika da tvori nove riječi na temelju postojećih. Budući da živimo u doba velikoga elektroničkoga razvoja i novih mogućnosti širenja informacija, rječotvorje je stalno pred novim izazovima. Također, živimo u vrijeme velike dostupnosti i brzoga protoka informacija pa tako i posuđenice lakše ulaze u pojedini jezik, nego što je to prije bilo moguće. Danas je postupak ulaska novih posuđenica u jezik ubrzaniji od prošlih vremena, uglavnom zbog utjecaja medija, obrazovanja i putovanja, nove posuđenice lakše ulaze u pojedini jezik, najčešće iz engleskog jezika. Iz tih razloga, tvorba riječi, ali i samo jezično posuđivanje imaju važnu ulogu u formiranju leksika hrvatskoga književnoga jezika. Također, u današnje vrijeme snažniji je prodor novih posuđenica u hrvatski jezik, a pokušaji da se ponudi hrvatska riječ praslavenskoga podrijetla minimalni su.

Usporedbom se željelo utvrditi jesu li u drugoj polovici 19. stoljeća dane istovrijednice za postojeće hungarizme u jeziku, zatim kakva je slika u današnjem suvremenom književnom jeziku u odnosu na izabrane istovrijednice i zbog čega nije više iskorišten tvorbeni potencijal hrvatskoga jezika kada je riječ o hungarizmima koji su kroz povijest ušli u hrvatski književni jezik i danas se rabe bez da prosječan govornik uopće zna da je riječ o posuđenici.

Također, usporedbom rječotvorja druge polovice 19. stoljeća s rječotvorjem suvremenoga hrvatskoga književnoga jezika, dan je pregled iskorištenosti jezičnoga bogatstva hrvatskoga jezika te je prikazana jezična mogućnost rječotvorja i tvorbeni potencijal hrvatskoga jezika.

Teorijski pristup

Veći je broj jezikoslovaca znanstveno istraživao hungarizme u hrvatskom jeziku. Problematiku jezika posrednika istraživao je Krunoslav Puškar 2010. godine u radu „Tragom njemačko-mađarsko-hrvatskih jezičnih dodira: problematika jezika posrednika” objavljenom u *Časopisu povijesnoga društva Križevci*. U radu je kontrastivno analiziran utjecaj njemačkoga i mađarskoga jezika na hrvatski književni jezik. Puškar navodi:

„Kao i drugi jezici i hrvatski je jezik spletom društvenih i geopolitičkih okolnosti tijekom svoje čitave povijesti dolazio u posredan ili neposredan dodir s različitim europskim jezicima. Apsorbirajući njihove riječi i njihove elemente, gotovim je rješenjima upotpunjavao leksičke praznine u svojem leksičkom sustavu te na taj način obogaćivao svoje rječničko blago.

Dok se današnja jezična politika svjesno odupire posuđenicama, napose sveopćoj navali popularnih anglizama, starije se posuđenice, budući da su se ukorijenile u hrvatskom jeziku i da ih danas sigurno nitko više i ne smatra posuđenicama, ne mogu tako lako izbaciti iz hrvatskoga leksičkog sustav, posebice standardnoga.” (PUŠKAR 2010: 129).

Puškar dalje navodi kako je prvi poznati rad s osvrtom na hungarizme u hrvatskom jeziku Vrančićev petojezični rječnik objavljen 1595., dok se sustavniji pristup hungarizmima u hrvatskom jeziku može pronaći tek krajem 20. stoljeća (PUŠKAR 2010: 133).

Na temelju vlastitih dijalektoloških terenskih istraživanja, Đuro Blažeka 2006. godine u radu „Hungarizmi u govoru Goričana” analizira korpus hungarizama. Riječ je o vrijednom dijalektološkom radu koji je na primjeru hungarizama u jednom mjesnom govoru leksikološki upotpunio sliku hrvatskoga jezika u cjelini.

Prilagodbu mađarskih posuđenica u hrvatskom jeziku na stilskoj razini 2000. istraživala je Milvia Gulešić (GULEŠIĆ 2000). Također, ta je autorica godinu dana ranije u radu „Još jednom o hungarizmima u hrvatskome standardnom jeziku” problematizirala tezu da hungarizama u hrvatskom jeziku ima tek četrdesetak, te navodi da ih s obzirom na povijesnu kulturno-povijesnu isprepletenost hrvatskoga i mađarskoga naroda ima manje od očekivanoga (GULEŠIĆ 1999).

Orsolya Žagar-Szentesi 1999. godine sudjelovala je u radu skupine autora (Rudolf Filipović, Ljuba Dabo-Denegri, Dragica Dragičević, Antica Menac, Anja Nikolić-Hoyt, Selija Sočanac i Orsolya Žagar-Szentesi) te obradila transmorfemizaciju hungarizama (ŽAGAR-SZENTESI 1999). Na samom početku rada istaknula je:

„Hungarizmi hrvatskoga jezika rezultat su neposrednog jezičnog posuđivanja – za to su pogodne okvire stvorili višestoljetni povijesni, politički i kulturni dodiri Hrvata i Mađara. Stoga korpus hungarizama u hrvatskome sačinjavaju riječi koje su razmjerno preuzete; u XIX. stoljeću utjecaj mađarskog jezika na hrvatski leksički fond više se manifestirao u stvaranju prevedenica po mađarskom uzoru, negoli u izravnom preuzimanju mađarskih riječi. S obzirom na višestoljetnu tradiciju hrvatsko-mađarskih jezičnih kontakata, velik dio hungarizama hrvatskog jezika danas obilježavamo kao arhaizme.” (ŽAGAR-SZENTESI 1999: 46).

U zborniku *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika* objavljenom u Pečuhu 1996. godine, Branka Tafra u svojem radu istražuje mađarsku sastavnicu povijesti hrvatskoga jezika (TAFRA 1996), a Diana Stolac proučava stariju hrvatsku leksikografiju u odnosu na mađarski jezik (STOLAC 1996).

Godine 1988. Ana-Marija Dürriegl u radu „Hungarizmi u hrvatskom književnom jeziku“, analizira koliko hungarizama ima u suvremenom hrvatskom književnom jeziku te utvrđuje da ih ima „svega četrdesetak što pravih, što nepravih hungarizama” (DÜRRIGL 1988: 99). Tu činjenicu predstavlja začuđujućom:

„Ta je činjenica u isti mah začuđujuća, ali i razumljiva. Začuđuje da se nije održalo više mađarskih posuđenica, jer su ipak hrvatski i mađarski narod osam stoljeća živjeli u intenzivnom kontaktu. Međutim, moramo se prisjetiti da je jezik intelektualaca u Hrvatskoj i Mađarskoj dugo vremena bio latinski (pa tako i jezik njihova međusobnog općenja). Osim toga su mađarski i hrvatski veoma različiti jezici po svojem podrijetlu i prirodi. Također nam je znano da kulturne i ine veze Hrvata i Mađara nisu uvijek bile spontane i bezrezervno prihvaćene. Sve to, a i činjenica da se podrijetlo nekih riječi u našem jeziku do sada nije moglo sa sigurnošću utvrditi, potiče na daljnje i podrobnije istraživanje.” (DÜRRIGL 1988: 99).

Još valja spomenuti i Kristinu Katalinić koja je 2013. na Sveučilištu Loránda Eötvösa u Budimpešti obranila doktorski rad s temom *Hungarizmi u hrvatskom književnom jeziku od kraja 16. do polovice 18. stoljeća* (KATALINIĆ 2013). Katalinić je u središte rada stavila mađarske leksičke posuđenice u hrvatskom književnom jeziku koje su zabilježene u najrelevantnijim djelima hrvatske leksikografije toga doba. Također, autorica upozorava kako definicije pojedinih hungarizama u novijim rječnicima mogu biti drukčije od onih u starijim izvorima pa bi buduća istraživanja trebala biti usmjerena na semantiku.

Svaki od tih radova doprinos je cjelokupnomu proučavanju jezičnoga posuđivanja u hrvatskom jeziku, ali ako se sagleda u širini, zapravo u odnosu na neke druge jezikoslovne discipline, taj je dio jezikoslovlja prilično zanemaren. I kada je riječ o davnim povijesnim posuđenicama iz mađarskoga jezika, ali situacija je sukladna i kada je riječ o preuzimanju posuđenica iz stranih jezika (najčešće iz engleskoga jezika) u novije vrijeme.

Leksička i tvorbena analiza izabranih hungarizama u hrvatskom jeziku

Leksički i tvorbena analizirani su izabrani primjeri hungarizama u hrvatskom jeziku. Uzimajući u obzir određena neslaganja mađarskih jezikoslovaca oko podrijetla nekih u radu obrađenih hungarizama (primjerice da su imenice *bitanga* i *šogor* germanizmi njemačkoga podrijetla, imenica *korov* turcizam, a imenica *mamlaz* slovakizam),¹ izbor posuđenih riječi iz mađarskoga jezika napravljen je prema učestalijim i poznatijim hungarizmima s popisa koji je Petar Skok objavio u okviru svojega *Etimološkoga rječnika* objavljenoga 1971. godine. Ne ulazeći detaljnije u problematiku podrijetla izabranih hungarizama,

¹ Više o tome u EÖRY 2007.

pretpostavka je da su izabrane riječi u hrvatskom jeziku preuzete upravo iz mađarskoga jezika te se one do danas u hrvatskom jeziku smatraju hungarizmima. Izabrane riječi uspoređene su s leksikografskim člancima u *Hrvatsko-njemačko-talijanskom rječniku znanstvenoga nazivlja* Bogoslava Šuleka objavljenom 1990. godine, te u *Rječniku hrvatsko – talijanskom* Dragutina Antuna Parčića iz 1901. godine.

Zbog preglednosti analiziranih primjera, u Tablici 1. popisani su promatrani hungarizmi, njihov izvorni oblik u mađarskom jeziku, zatim leksikografske natuknice u Šulekovu i Parčićevu rječniku te riječi koje se u tom značenju rabe u suvremenom hrvatskom književnom jeziku.

Tablica 1. Usporedba istovrijednica

hungarizam	mađarski jezik	Šulek (1990)	Parčić (1901)	suvremeni hrvatski standardni jezik
<i>bàršun</i>	<i>barsóny/bársony</i>	baršun, kadifa	baršun	baršun
<i>bìtānga</i>	<i>bitang</i>	–	bitanga, ništarija	ništarija, zgubidan
<i>būnda</i>	<i>bunda</i>	–	bunda	bunda
<i>cìpele</i>	<i>cipellő/cipő</i>	obuća	cipela, postola, obuća	obuća, postole
<i>čipka</i>	<i>csipke</i>	čipka	čipka	čipka
<i>čòpor</i>	<i>csoport</i>	–	čopor	čopor
<i>gàzda</i> 'gospod'	<i>gazda</i>	posjednik, imalac	gazda, gazdar, vlasnik, posjednik	vlasnik, posjednik
<i>gùmb</i>	<i>gomb</i>	–	gumb, dugme	gumb, dugme
<i>hàjdūk</i>	<i>hajdú</i>	odmetnik	hajduk, odmetnik	odmetnik
<i>kàrika</i>	<i>karika</i>	karika, kolobar, kolut	karika, obruč	karika
<i>kòčija</i>	<i>kocsi</i>	–	kočija	kočija
<i>kórov,</i> <i>travurina</i>	<i>kóró</i>	–	korov	korov

<i>lópov</i>	<i>lopó</i>	–	lopov, kradljivac	kradljivac
<i>màmlaz</i>	<i>mamlasz</i>	–	mamlaz	<i>pej.</i> mamlaz
<i>mârva</i>	<i>marha</i>	marva, stoka	marva, stoka	marva, stoka
<i>orijaš</i>	<i>óriás</i>	div, gorostas	orijaš, div, gorostas	div, gorostas
<i>pàjdáš</i>	<i>pajtás</i>	–	pajdaš	prijatelj
<i>púnda</i>	<i>punty</i>	–	–	punda
<i>ròštilj</i>	<i>rostély</i>	roštilj	roštilj	roštilj
<i>söba</i>	<i>szoba</i>	soba	soba, prostorija	soba, prostorija
<i>tâbor</i>	<i>tábor</i>	tabor, okol	tabor	tabor
<i>tèret</i>	<i>teher</i>	teret	teret, breme	teret, breme, težina
šogor	<i>sógor</i>	–	šogor, šurjak	šurjak
<i>vášar</i>	<i>vásár</i>	sajam	vašar, sajam	sajam

U Skokovu rječniku navedena je imenica muškoga roda *bàršün* (mađ. *barsóny*, *bársony* /u suvremenom mađarskom jeziku/) (SKOK 1971: 114; 1974: 715). U Šulekovu rječniku također se navodi imenica muškoga roda *baršun* uz imenicu ženskoga roda *kadifa* toga istoga značenja (ŠULEK 1990:72), a koja dolazi iz turskoga jezika. Imenica *baršun* navedena je i u Parčićevu rječniku (PARČIĆ 1901: 13), a u današnje se vrijeme također rabi ta imenica leksičkoga značenja ‘vrsta nježne i mekane tkanine, najčešće pamučne; kadifa, pliš, samt, velur’ (HJP: s. v. *baršun*).

Dvorodna imenica *bitānga* (mađ. *bitang*) (SKOK 1971: 158; 1974: 715) u Skokovu rječniku navedena je uz imenice *skitnica* i *potepuh*. Imenice *skitnica* i *potepuh* tvorbena su motivirane i obje su pokušaj da se posuđenica *bitanga* zamijeni hrvatskom riječju. Tvorbeno značenje dvorodne imenice *skitnica* je ‘onaj koji skiće’, a tvorena je prezentskom osnovom nesvršenoga glagola V. vrste *skitati se*, koja glasi *skit-* i služi kao tvorbena osnova i sufiksa *-nica*. Imenica je tvorena čistom sufiksalsnom tvorbom, a pripada semantičkoj skupini muška/ženska osoba. Sukladno tom primjeru, također čistom sufiksalsnom tvorbom tvorena je imenica muškoga roda *potepuh*. Tvorbeno značenje te imenice je ‘onaj koji se potepa’, a tvorena je prezentskom osnovom nesvršenoga glagola V. vrste *potepati se* koja glasi *potep-* i služi kao tvorbena osnova i sufiksa *-uh*. Semantička skupina imenice *potepuh* je muška osoba.

Valja naglasiti da je imenica *potepuh* u hrvatskom jeziku dijalektizam i da nije dijelom hrvatskoga književnoga jezika (HJP: s. v. *potepuh*). U Šulekovu rječniku ne navodi se ta imenica, a kod Parčića se navodi imenica *bitanga* (PARČIĆ 1901: 26). U današnje vrijeme rabi se imenica *bitanga*, ali češća je uporaba imenica u tom značenju *ništarija*² i *zgubidan*. Obje su tvorbeno motivirane riječi, ali im je način tvorbe različit. Dvorodna imenica *ništarija* tvorena je čistom sufiksalsnom tvorbom od zamjeničke osnove, dok je imenica muškoga roda *zgubidan*, tvorbenoga značenja ‘onaj koji (i)zgubi dan’ tvorena čistom složenom tvorbom.

Hungarizam *bûnda* (mađ. *bunda*) (SKOK 1971: 236; 1974: 715) u svim je izvorima navedena kao imenica leksičkoga značenja ‘zimski kaput postavljen krznom, muškim i ženskim’ (PARČIĆ 1901: 53), a s istim izrazom i sadržajem rabi se i danas u suvremenom hrvatskom književnom jeziku (HJP: s. v. *bunda*). U Šulekovu rječniku nema toga leksikografskoga članka.

Imenica ženskoga roda *cipela* (mađ. *cipelló*, *cipő* /u suvremenom mađarskom jeziku/) (SKOK 1971: 268; 1974: 715), hungarizam je za koji manji broj govornika hrvatskoga jezika uopće zna da je riječ o posuđenici. U Šulekovu rječniku u tom je značenju navedena zbirna imenica *obuća* (ŠULEK 1990: 691), dok su u Parčićevu rječniku navedene imenice ženskoga roda *cipela* (PARČIĆ 1901: 60) i *postola* (PARČIĆ 1901: 716), ali i zbirna imenica *obuća* (PARČIĆ 1901: 538). Imenica *postola* hrvatska je riječ praslavenskoga podrijetla. Imenica *obuća* tvorbenoga značenja ‘ono što se obuče’ izvedena je čistom sufiksalsnom tvorbom od okrnjenoga infinitiva glagola *obuti*. Također, treba naglasiti da se leksičko značenje zbirne imenice *obuća* može promatrati šire od leksičkih značenja imenica *cipele* i *postole*.

Za hungarizam *čipka* (mađ. *csipke*) (SKOK 1971: 327; 1974: 716) nikada nije ni pokušano dati istovrijednicu tvorenu od postojećih riječi praslavenskoga podrijetla. Tako imenicu ženskoga roda *čipka* leksičkoga značenja ‘fini komad ukrasne tkanine, izrađen kukičanjem ili vezenjem prema ornamentalnom uzorku’ (HJP: s. v. *čipka*), pronalazimo u uporabi kod Šuleka (ŠULEK 1990: 196), kod Parčića (PARČIĆ 1901: 78), ali i u suvremenom hrvatskom književnom jeziku.

Leksičko značenje ‘više životinja u zajednici, obično zvjeri’ (HJP: s. v. *čopor*) značenje je posuđene imenice muškoga roda *čopor* (mađ. *csoport*) (SKOK 1971: 334; 1974: 716). U Šulekovu rječniku nema natuknice za tu imenicu, dok se kod Parčića također navodi imenica *čopor* (PARČIĆ 1901: 81), jednako kao i u suvremenom hrvatskom književnom jeziku.

Posuđenica *gãzda* (mađ. *gazda* ‘gospod’) (SKOK 1974: 716) kod Šuleka se ne navodi, ali se u tom leksičkom značenju navode imenice muškoga roda *posjednik* i *imalac* (ŠULEK 1990: 821). Obje su te imenice tvorbeno motivirane s tvorbenim značenjem ‘onaj koji posjeduje’ i ‘onaj koji ima’ i obje su tvorene čistom sufiksalsnom tvorbom. Za obje je iskorišten tvorbeni

² Imenica *ništarija* nalazi se i u Parčićevu rječniku (PARČIĆ 1901: 516).

potencijal hrvatskoga književnoga jezika budući da su obje tvorene od postojećih riječi praslavenskoga podrijetla. U Parčićevu rječniku s tim značenjem navedene su riječi *gazda*, *gazdar* (PARČIĆ 1901: 156), *vlasnik* (PARČIĆ 1901: 1116) i *posjednik* (PARČIĆ 1901: 711). Imenica muškoga roda *gazdar* tvorena je čistom sufiksalsnom, ali dodatno i sekundarnom tvorbom kojom je morfološkom osnovom imenice *gazda* i sufiksom *-ar* tvorena imenica s istim leksičkim značenjem kao i imenica od koje je izvedena. U suvremenom hrvatskom književnom jeziku hungarizam *gazda* potisnule su imenice muškoga roda *vlasnik* i *posjednik*. Imenica *vlasnik* također je tvorena čistom sufiksalsnom tvorbom morfološkom osnovom imenice *vlast* i sufiksom *-nik* uz provedenu glasovnu promjenu gubljenja suglasnika na tvorbenom šavu.

Posuđena imenica muškoga roda *gũmb* (mađ. *gomb*) (SKOK 1971: 588; 1974: 716) u Šulekovu rječniku se ne navodi, dok se kod Parčića navode imenice muškoga roda *gumb* (PARČIĆ 1901: 200) i *dugme* (PARČIĆ 1901: 137). Obje imenice su posuđenice. Imenica *gumb* iz mađarskoga, a imenica *dugme* iz turskoga jezika. U suvremenom hrvatskom književnom jeziku također se rabe posuđenice *gumb* i *dugme* leksičkoga značenja ‘pločica (ob. okrugla) koja prolazi kroz rupicu (tkanine, kože i sl.) i zakapča’ (HJP: s. v. *gumb*, *dugme*).

Za hungarizam *hàjdūk* (mađ. *hajdú*) (SKOK 1971: 649–650; 1974: 717) Skok navodi sinonimne imenice muškoga roda *razbojnik*, *lupež* i *kradljivac*. U Šulekovu rječniku pod tim se značenjem navodi imenica muškoga roda *odmetnik* (ŠULEK 1990: 698) izvedena čistom sufiksalsnom tvorbom prezentskom osnovom svršenoga glagola II. vrste *odmetnuti se* i sufiksom *-nik*. U Parčićevu rječniku također su navedene imenice muškoga roda *hajduk* (PARČIĆ 1901: 206) i *odmetnik* (PARČIĆ 1901: 553), dok u suvremenom hrvatskom književnom jeziku prevladava uporaba stilski neutralne imenice *odmetnik*, a imenica *hajduk* stilski je obilježena (HJP: s. v. *hajduk*).

Uz hungarizam *kàrika* (mađ. *karika*) (SKOK 1972: 51; 1974: 717) u Šulekovu se rječniku navode sinonimne imenice muškoga roda *kolobar* i *kolut* (ŠULEK 1990: 469), a u Parčićevu rječniku uz imenicu ženskoga roda *karika* (PARČIĆ 1901: 326), navodi se imenica muškoga roda *obruč* (PARČIĆ 1901: 536). U suvremenom hrvatskom književnom jeziku i dalje se rabi posuđenica *karika* (HJP: s. v. *karika*).

Sukladno je s hungarizmom *kòčija* (mađ. *kocsi*) (SKOK 1972: 118; 1974: 717), u suvremenom hrvatskom književnom jeziku i dalje se rabi posuđena imenica ženskoga roda *kočija* (HJP: s. v. *kočija*). U Šulekovu se rječniku ta imenica uopće ne navodi, dok je u Parčićevu rječniku navedena natuknica *kočija* (PARČIĆ 1901: 343).

Uz hungarizam *kórov* (mađ. *kóró*) (SKOK 1972: 158; 1974: 718) Skok navodi imenicu ženskoga roda *travurina*. Ta je imenica tvorbeno motivirana i izvedena je čistom sufiksalsnom tvorbom od morfološke osnove imenice ženskoga roda *trava* i sufiksa *-urina*, ali augmentativ u tom značenju nije zaživio u uporabi. U Šulekovu rječniku imenica *korov* se ne navodi, dok je u Par-

čićevu rječniku navedena također samo imenica *korov* (PARČIĆ 1901: 352) koja se rabi i u suvremenom hrvatskom književnom jeziku.

Posuđenica *lopov* (mađ. *lopó*) (SKOK 1972: 319; 1974: 718) u Skokovu rječniku navodi se uz imenicu muškoga roda *kradljivac*, izvedenu čistom sufiksalsnom tvorbom od morfološke osnove pridjeva *kradljiv* i sufiksa *-(a)c* s nepostojanim *a*. U Šulekovu se rječniku ta posuđenica ne navodi, dok su u Parčićevu rječniku navedene imenice leksičkoga značenja ‘onaj koji krade’ i *lopov* (PARČIĆ 1901: 401) i *kradljivac* (PARČIĆ 1901: 358).

Hungarizam *màmlaz* (mađ. *mamlasz*) (SKOK 1972: 366; 1974: 718) u Šulekovu se rječniku ne navodi, ali je navedena u Parčićevu rječniku (PARČIĆ 1901: 410). U suvremenom hrvatskom književnom jeziku imenica muškoga roda *mamlaz* navodi se da je stilski obilježena i pejorativnoga je značenja. Za leksičko značenje te imenice navodi se ‘onaj koji je glup, blesav, bezobraznik, klipán’ (HJP: s. v. *mamlaz*).

Uz posuđenicu *mârva* (mađ. *marha*) (SKOK 1972: 377; 1974: 718), već Skok navodi hrvatsku riječ, imenicu ženskoga roda *stoka*. Obje te imenice navedene su u Šulekovu (ŠULEK 1990: 580, 1098), ali i u Parčićevu rječniku (PARČIĆ 1901: 412, 958). U suvremenom hrvatskom književnom jeziku imenica *stoka* gotovo je u potpunosti istisnula imenicu *marva*.

Hungarizam *orijaš* (mađ. *óriás*) (SKOK 1972: 565; 1974: 719) u Skokovu rječniku navedena je uz sinonimne imenice muškoga roda *div* i *gigant*. Pritom, imenica *div* posuđenica je iz turskoga jezika, a imenica *gigant* iz latinskoga jezika. Šulek navodi imenice *div* i *gorostas* (ŠULEK 1990: 227), a Parčić *orijaš* (PARČIĆ 1901: 598), *div* (PARČIĆ 1901: 97) i *gorostas* (PARČIĆ 1901: 179). U suvremenom hrvatskom književnom jeziku hungarizam *orijaš* potpuno su istisnule istrovrijednice *div* i *gorostas*. Kod imenice muškoga roda *gorostas* iskorišten je tvorbeni potencijal hrvatskoga jezika. Tvorbeno značenje te imenice je ‘onaj koji ima stas poput gore’. Čistom složenom tvorbom, slaganjem morfološke osnove imenice *gora* i cjelovite riječi *stas* interfiksom *-o-*, nastala je tako imenica *gorostas*.

Hungarizam *pàjdaš* (mađ. *pajtás*) (SKOK 1972: 587; 1974: 719) uz koji Skok navodi sinonimnu imenicu muškoga roda *prijatelj* u suvremenom hrvatskom književnom jeziku stilski je obilježena riječ i ne smatra se dijelom standarda. Šulek ne navodi taj hungarizam, dok je kod Parčića uz imenicu *pajdaš* (PARČIĆ 1901: 622) navedeno leksičko značenje ‘kolega, prijatelj’.

Posuđenica *púnda* (mađ. *punty*) (SKOK 1974: 719), iako se ne navodi u rječnicima Šuleka i Parčića, zaživjela je do današnjega vremena u tom obliku izraza i s leksičkim značenjem ‘ženska frizura od podignute, začesljane i pričvršćene kose’ (HJP: s. v. *punđa*).

Sukladno je s hungarizmom *roštilj* (mađ. *rostély*) (SKOK 1974: 719) koji je s leksičkim značenjem ‘1. željezna rešetkasta naprava za pečenje mesa na žaru; 2. na takvoj rešetki pečeno jelo od mesa’ (HJP: s. v. *roštilj*) zaživio do suvremenoga vremena. Imenica *roštilj* navedena je i u rječnicima Šuleka (ŠULEK 1990: 961) i Parčića (PARČIĆ 1901: 875).

Zanimljiva je uporaba imenice ženskoga roda *sòba* (mađ. *szoba*) (SKOK 1973: 299; 1974: 720), za koju većina govornika hrvatskoga jezika ne bi rekla da je riječ o posuđenici. Navedena je u Šulekovu rječniku (ŠULEK 1990: 1051), dok su kod Parčića navedene i *soba* (PARČIĆ 1901: 937) i *prostorija* (PARČIĆ 1901: 809), jednako kao i u suvremenom hrvatskom književnom jeziku u kojem su obje imenice jednako frekventne, s tim da leksičko značenje imenice *prostorija* može biti šire od leksičkoga značenja imenice *soba*. Imenica ženskoga roda *prostorija* ima tvorbeno značenje ‘prostor koji je odvojen zidovima’. Izvedena je čistom sufiksalsnom tvorbom od morfološke osnove imenice *prostor* i sufiksa *-ija*.

Hungarizam *tâbor* (mađ. *tábor*) (SKOK 1973: 429; 1974: 720) leksičkoga značenja ‘otvoren prostor na kojem se biva i na takvom mjestu podignut logor; *pren.* jedna od zaraćenih ili suprotstavljenih strana ili sila’ (HJP: s. v. *tabor*), zaživjela je sve do suvremenoga hrvatskoga književnoga jezika. U Šulekovu se rječniku navodi uz sinonim *okol* (ŠULEK 1990: 1146) koji je nastao tvorbenim postupkom konverzijom, ali ta imenica nije zaživjela u uporabi, dok se u Parčićevu rječniku navodi samo imenica *tabor* (PARČIĆ 1901: 1009).

Posuđenica *tèret* (mađ. *teher*) (SKOK 1974: 720) leksičkoga značenja ‘ono što tko nosi’ (HJP: s. v. *teret*) navedena je i u Šulekovu (ŠULEK 1990: 1158) i u Parčićevu (PARČIĆ 1901: 1016) rječniku. Kod Parčića se navodi još i imenica srednjega roda *breme* (PARČIĆ 1901: 44) s istim leksičkim značenjem. U suvremenom hrvatskom književnom jeziku uz imenicu muškoga roda *teret*, navode se sinonimne imenica srednjega roda *breme* i imenica ženskoga roda *težina*. Tvorbeno je motivirana imenica *težina* s tvorbenim značenjem ‘osobina onoga koji je težak’, a izvedena je čistom prefiksalsnom tvorbom od skraćene morfološke osnove pridjeva *težak* i sufiksa *-ina*.

Hungarizam *šôgor* (mađ. *sógor*) (SKOK 1974: 710) u hrvatskom se jeziku smatra dijalektizmom (HJP: s. v. *šogor*). Šulek ga u svomu rječniku ne navodi, dok su u Parčićevu rječniku navedene i imenica *šogor* (PARČIĆ 1901: 1000) i imenica *šurjak* (PARČIĆ 1901: 1007). Danas se u književnom jeziku rabi imenica muškoga roda *šurjak*.

Posljednja analizirana posuđenica je imenica muškoga roda *vášar* (mađ. *vásár*) (SKOK 1973: 568; 1974: 720) uz koju Skok navodi imenicu ženskoga roda *sajam*. Leksičko značenje tih imenica je ‘sastanak prodavača i kupaca u određeno vrijeme godine ili na određeni dan radi izravnoga trgovanja’ (HJP: s. v. *vašar*). U Šulekovu rječniku navedene su imenica *sajam*, zatim imenica *vašar* koju obilježava kao vulgarnu riječ te talijanizam *fiera* (ŠULEK 1990: 972). U Parčićevu rječniku navedene su imenice *vašar* (PARČIĆ 1901: 1103) i *sajam* (PARČIĆ 1901: 886), a u hrvatskom književnom jeziku rabi se imenica *sajam*, dok se hungarizam *vašar* smatra stilski obilježenom riječju i dijalektizmom.

Zaključak

Dugotrajna politička i kulturna povezanost hrvatskoga i mađarskoga naroda rezultirala je određenim brojem mađarskih posuđenica u hrvatskom jeziku, a mnoge od njih ostale su u uporabi do današnjih dana, često bez svijesti govornika o njihovu stranom podrijetlu. Rezultati istraživanja pokazuju da mnoge hungarizme nalazimo u izvorima u 19. stoljeću, što implicira da su posuđenice tada već udomaćene u hrvatskom književnom jeziku. Također, pokazano je da su neki hungarizmi izgubili svoju frekvenciju, dok se nekim promijenilo (proširilo ili smanjilo) leksičko značenje ili su pak prestale biti stilski neutralne riječi.

U drugoj polovici 19. stoljeća dobro je korišten tvorbeni potencijal hrvatskoga jezika, ali iz komparativnoga pristupa hungarizmima vidljivo je da kod nekih nije bilo ni značajnijih pokušaja korištenja tvorbenoga potencijala te da su takvi i izrazom i sadržajem zadržani u uporabi i u suvremenom hrvatskom književnom jeziku.

Hrvatskom jeziku općenito, pa tako i suvremenom književnom jeziku, nisu problem povijesne posuđenice iz mađarskoga jezika koje su u potpunosti prilagođene hrvatskom gramatičkom sustavu i udomaćene u leksik. Problem u novije vrijeme je velik broj posuđenica, najviše iz engleskoga jezika, koje svakodnevno ulaze u hrvatski jezik i ne prolaze proces prilagodbe, a tvorbeni potencijal koji hrvatski jezik ima ili se uopće ne iskorištava, ili vrlo slabo.

Izvori

- PARČIĆ 1901 = PARČIĆ D. A. Rječnik hrvatsko – talijanski – Vocabolario croato – italiano. Treće popravljeno i pomnožano izdanje. Tisak i naklada „Narodnoga Lista“, Zadar, 1901.³
- SKOK 1971 = SKOK P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Ur. Mirko Deanović i Ljudevit Jonke. Knjiga prva: A-J. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1971.
- SKOK 1972 = SKOK P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Ur. Mirko Deanović i Ljudevit Jonke. Knjiga druga: K-poni¹. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1972.
- SKOK 1973 = SKOK P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Ur. Mirko Deanović i Ljudevit Jonke. Knjiga treća: poni²-J. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1973.
- SKOK 1974 = SKOK P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Ur. Mirko Deanović i Ljudevit Jonke. Knjiga četvrta: kazala. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1974.
- ŠULEK 1990 = ŠULEK B. Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja. Knjiga prva: A-N; knjiga druga: O-Ž. Globus. Zagreb, 1990.

³ Prvo izdanje objavljeno je 1868., a drugo izdanje 1874.

Literatura

- BLAŽEKA 2006 = BLAŽEKA Đ. Hungarizmi u govoru Goričana // *Suvremena lingvistika*, LXI, br. 1, Zagreb, 2006. 1–27.
- DÜRRIGL 1988 = DÜRRIGL M. Hungarizmi u hrvatskom književnom jeziku // *Jezik: Časopis za kulturu hrvatskoga književnoga jezika*, XXXV, br. 4, Zagreb, 1988. 97–128.
- EŐRY 2007 = EŐRY V. *Értelmező szótár+ I-II*. Tinta Könyvkiadó. Budapest, 2007.
- GULEŠIĆ 2000. = GULEŠIĆ M. Stilistički aspekti prilagodbe hungarizama hrvatskomu standardnom jeziku // *Riječki filološki dani 3*, Filozofski fakultet u Rijeci. Rijeka, 2000.
- GULEŠIĆ 1999 = GULEŠIĆ M. Još jednom o hungarizmima u hrvatskome standardnom jeziku // VI. međunarodni slavistički dani. Szombathely-Pečuh, 1999. 255–261.
- KATALINIĆ 2013 = KATALINIĆ K. Hungarizmi u hrvatskom književnom jeziku od kraja 16. do polovice 18. stoljeća (doktorska disertacija). Sveučilište Eötvös Loránd – Filozofski fakultet. Budimpešta, 2013.
- PUŠKAR 2010 = PUŠKAR K. Tragom njemačko-mađarsko-hrvatskih jezičnih dodira: problematika jezika posrednika // *Časopis povijesnog društva Križevci*, XII, br. 1., 2010. 129–141.
- STOLAC 1996 = STOLAC D. 1996. Starija hrvatska leksikografija i mađarski jezik // *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika 2*, ur. Stjepan Blažetin. Hrvatski znanstveni zavod. Pečuh, 1996. 249–258.
- TAFRA 1996 = TAFRA B. Mađarska sastavnica povijesti hrvatskoga jezikoslovlja // *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika 2*, ur. Stjepan Blažetin. Hrvatski znanstveni zavod. Pečuh, 1996. 258–264.
- ŽAGAR-SZENTESI 1999 = ŽAGAR-SZENTESI O. Transmorfemizacija hungarizama // *Filologija*, XXXIII, Zagreb, 1999. 46–53.

Internetske stranice

HJP = Hrvatski jezični portal, zadnji put pristupljeno 28. svibnja 2024. <https://hjp.znanje.hr/index.php?show=search>

Traces of the Hungarian language in Croatian. Hungarianisms are words borrowed from the Hungarian language that have been integrated into the Croatian language throughout history due to the long-lasting political and cultural connection between the Croatian and Hungarian people. This paper presents a selection of common hungarianisms in the Croatian language, which are linguistically analyzed at the levels of lexicology and word formation, and provides a comparison with their equivalents from the second half of the 19th century. Additionally, the paper reviews how certain hungarianisms have changed, adapted, or remained unchanged over time. Also, the equivalents that replaced or attempted to replace certain hungarianisms are analyzed in terms of word formation, demonstrating the utilization of the Croatian language's word formation potential. This paper contributes to the understanding of the historical and sociolinguistic influences on the Croatian language and emphasizes the importance of lexicographic sources in studying linguistic borrowing.

Keywords: hungarianisms in Croatian language, lexicology, word formation, language in 19th century

ЛАСЛО ЯСАИ
(Будапешт, Венгрия)

Размышления по поводу языковой интерпретации при обучении студентов-русистов

Аннотация: В данной статье предметом рассмотрения являются разные грамматические формы глагольного действия, способные вступать в синонимическое отношение с другой грамматической формой глагола. При выделении такого смыслового единства на первый план выступает различие интерпретирующего характера. Автор ставит себе целью обратить внимание на важность такого рода различий и представить их особенности с точки зрения способов выражения. При анализе явления грамматической интерпретации основной акцент делается на глагольные категории залога, вида и времени, кроме того, уделяется особое внимание и формам деепричастий в сравнении с глагольным предикатом главного действия.

Ключевые слова: интерпретация действия, функциональная грамматика, залог, слабая оппозиция видов, транспозиция временной формы, деепричастие

1. К постановке вопроса. В настоящей статье речь пойдет о том, что глагольные действия по-разному могут быть интерпретированы в пределах общего смыслового содержания при обозначении одного и того же фрагмента действительности. Вопрос о языковой (в том числе и грамматической) интерпретации составляет один из существенных аспектов функционального направления в изучении грамматики. В русской лингвистике, как известно, принципы функциональной модели описания языка изложены в работах А. В. Бондарко. Из ряда его монографий здесь укажем на кн. (БОНДАРКО 1983: 3–115), заметив, что некоторые теоретические основы этого направления стали разрабатывать еще классики русского языкознания более ранней эпохи, – см., в частности, исходно-семантическую ориентацию (Л. В. Щерба) или теорию поля (И. И. Мещанинов), а полный обзор в этом отношении см. в кн. (БОНДАРКО 2002: 17–95). Прежде чем перейти к конкретным вопросам языковой интерпретации, коротко остановимся на важнейших особенностях функционально-семантического подхода.

Согласно функциональной грамматике петербургской школы при описании языковых явлений предпочтение отдается исходно-семантическому подходу и, как следствие этого, на семантическом основании в общую

категорию объединяются разные формы и структуры, образуя некоторый общий смысл как единый «семантический инвариант». На самом деле, таким образом создаются не категории (в традиционном смысле грамматики), а более комплексные функционально-семантические поля, которые могут включать в себя разноуровневые средства (морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические) и, как правило, они могут быть упорядочены в этой системе по принципу центра и периферии. Важно заметить, что при этом более традиционный исходно-формальный метод не отвергается, в частности и потому, что семантическое содержание может стать исходным пунктом только после того, как рассматриваемые значения уже были выведены из данной формы.

С точки зрения цели нашей статьи следует подчеркнуть, что функциональная грамматика, конечно, не может и не должна ограничиваться констатацией того, какие (формально разные) средства имеются в языке для выражения некоторого общего смысла. Одна из важнейших особенностей этого направления заключается как раз в том, что при наличии синонимических форм и структур необходимо выявить существующие между ними специфические семантические различия, не выходя за пределы единой смысловой основы. На наш взгляд, помимо лингвистического описания, особенно важно следовать такому принципу и в педагогической практике при обучении русскому языку как иностранному. Ниже обратим внимание на несколько таких случаев в связи с глагольным действием, у которых семантическое различие в синонимических формах сводится к их интерпретирующему характеру.

1.1. Языковую интерпретацию относительно глагольных действий, на наш взгляд, можно трактовать в широком и узком смысле. Логично говорить о широком понимании интерпретационного различия, если данное понятие включает в себя не только средства грамматики (это – узкое понимание), но и синонимичные (или близкие по значению) лексические единицы, которые при сохранении общей смысловой основы по-разному интерпретируют «одно и то же» действие. Приведем для иллюстрации сказанного простой пример из круга способов глагольного действия, которые, как известно, уточняют характер протекания основного действия во времени. Сравним употребление нейтрального исходного глагола и двух его приставочных модификаций с точки зрения способа представления данного действия: *голова болела* (это – наименование в общей форме), *голова побаливала* (с оттенками: ‘слегка’ и ‘длительность состояния’) и *голова разболелась* (с оттенком ‘сильно’). Кроме того, нельзя исключить, как мы полагаем, и наличие интерпретационного (правда, не грамматического) характера действия из некоторых глаголов, составляющих синонимический ряд. Ср. *посещать* (*посетить*), *навещать* (*навестить*), *проведывать* (*проведать*) и

наведываться (*наведаться*). Не вдаваясь в подробности, укажем лишь, что в этом случае по Новому объяснительному словарю синонимов (АПРЕСЯН 1997: 262) дифференцирующими признаками являются следующие условия, оказывающие влияние на выбор глагола: 1) каковы цель и функции визита, 2) в чьих интересах осуществляется визит, 3) каков характер объекта, 4) имело ли место знакомство с объектом до данного визита, 5) что находится в фокусе внимания – идея взаимодействия с объектом или идея перемещения в точку с ним, 6) какова продолжительность визита (подробнее см. полную статью в указ. работе: 262–266). Во многих случаях выбор подходящего глагола определяется стилистическими аспектами. Например, стилистической интерпретацией различаются члены следующего синонимического ряда: *умереть* (нейтр.), *помереть* (разг.), *скончаться* (высок.), *издохнуть* (прост.), см. в кн. (ЛЕНДВАИ 1998: 135).

2. О грамматической интерпретации. Различия интерпретационного характера действий в работах А. В. Бондарко получают освещение в основном на примерах разного рода грамматических преобразований, связанных с категориями вида, времени и лица – см., в частности, раздел в кн. (БОНДАРКО 2002: 108–120). Автором был введен и термин «интерпретационный компонент», который вместе с понятием «смысловая основа» является ключевым при описании характера различий (БОНДАРКО 1992). В этой связи опять же следует указать на важность формальных средств языка: «Каждая форма (в частности, грамматическая форма слова и синтаксическая конструкция) является носителем специфического, свойственного только ей способа языковой интерпретации выражаемого смыслового содержания» (БОНДАРКО 2002: 119).

В свете сказанного представим языковую интерпретацию на нескольких примерах, заимствованных из области грамматики. Все типично глагольные категории русского языка связаны (хотя в разной мере) с грамматической интерпретацией. 1) Наибольшей степенью выражения этой особенности выделяются залоговые противопоставления, в первую очередь – противопоставление актива и пассива. В комплексную структуру залоговости входят и безличные предложения, также модифицирующие характер интерпретации – часто при сохранении значения лица, но обязательно без подлежащего (см. *я хочу* → *мне хочется*). 2) Интерпретирующие особенности, конечно, характерны и для категории вида, за исключением так называемого «сильного противопоставления» видовых форм, когда очевидно нарушается единство смысловой основы (см. ниже). 3) Касательно же категорий времени и лица интерпретационный характер действия передается в переносном употреблении, в случае категории времени – совместно с глагольным

видом. Ниже мы ограничимся примерами из сферы залога, вида и времени, и, наконец, уделим внимание деепричастным конструкциям.

2.1. Интерпретация действия средствами залога. В системе залоговости основное противопоставление составляют конструкции актива и пассива. Согласно этому, говорящий может исходить из субъекта действия (это значит, что субъект занимает позицию подлежащего) или из объекта действия (в этом случае в позицию подлежащего попадает объект), но при этом изменяется лишь грамматическая перспектива высказывания при неизменности общего смысла. Ср.: *Водитель открывает/закрывает двери* и *Двери открываются/закрываются водителем*.

1) Особый случай представляют «конкурирующие» перфективные формы причастного пассива, с одной стороны, и возвратно-страдательного залога, с другой. Следующие параллельные конструкции также различаются интерпретацией при сохранении «смыслового инварианта». Ср.: *Книга найдена* и *Книга нашлась*; *Древний текст сохранен полностью* и *Древний текст сохранился полностью*; *Всё будет забыто до завтра* и *Всё забудется до завтра* и т. п. Различие здесь заключается в следующем: формой причастия подчеркивается перфектное значение состояния (т. е. статальное значение), тогда как при употреблении возвратно-страдательного глагола СВ это значение выражено в более ослабленной форме, – внимание говорящего акцентируется в первую очередь на семантическом компоненте ‘сам собой’, ‘без внешнего воздействия’. Однако предлагаемое различие является неустойчивым: на него оказывает влияние и характер лексического значения глагола. Так, например, при сопоставлении предложений *Одежда изношена* и *Одежда износилась* компонент ‘сам собой’, ‘без внешнего воздействия’ не может быть истолкован. Указанное выше различие станет особенно очевидным, если рассматриваемые формы употреблены в одном и том же контексте, как это показано в диалоге, процитированном в статье (Grosz 1999: 207): – *Передачик сломан. – Сломался или сломан? – Об этом я расскажу позднее*. Автор справедливо отмечает, что только в первом предложении диалога форма *сломан* употреблена в собственно статальном значении, во втором (вопросительном) предложении эта же форма выражает акциональность (см. там же: 207). В то же время заметим, что акциональность здесь передается имплицитно, – эксплицитной, как мы считаем, она могла бы стать при реализации какого-либо семантического субъекта (*Кем?*). Именно потенциальная возможность реализации «творительного субъекта» представляется объективным показателем при разграничении подлинных и квази-пассивных предложений. Ср. возможность *Книга (была) найдена бабушкой* при невозможности **Книга нашлась бабушкой*.

2) Наконец, в рамках поля залоговости коснемся того типа безличной конструкции, который представляет промежуточное звено между личным и страдательным действиями. Следующий структурный тип предложения достаточно широко представлен и в литературных текстах: **Ветром сорвало крыши с домов, ломало заборы и деревья, сорванными вывесками разбивало окна магазинов** (В России (05.06.1913) // «Русское слово», 1913). Видимо, для выражения одного и того же общего смысла в русском языке могут быть применены три разные конструкции, и каждая из них по-своему интерпретирует действие: 1) *Ветер сорвал крышу* (личное двусоставное предл.), 2) *Крыша сорвана ветром* (страдательное предл.) и 3) *Ветром сорвало крышу* (безл. предл.). Страдательная конструкция и данная безличная конструкция объединяются и на основе сходного поведения семантического субъекта, – этот компонент оформляется творительным падежом и «творительный субъект» может быть опущен в обеих синтаксических конструкциях. Поскольку в литературных текстах такого рода интерпретацию нельзя считать редким исключением, приведем несколько примеров на бессубъектное употребление: *Учитываются течение и дрейф льда, чтобы определить, куда унесло лодку* (М. С. Бабушкин. Восьмой раз на «зверобойке»). *Когда сорвало крышу с избышки, малость поговорили* (Василий Шукшин. Начальник). *Не переживай... Меня только ранило. Пуля не задела сердце* (Александр Купер. Истопник // «Дальний Восток»).

2.2. Интерпретация действия и вид глагола. Интерпретирующий характер является несомненно важной особенностью этой категории, но она не охватывает ее в полной мере. Как уже указывалось выше (см. в 2.), при сильном противопоставлении видов (когда противопоставлены их основные значения) семантические различия очень часто выходят за рамки традиционного представления грамматических значений. Конкретно это значит, что если выражается, с одной стороны, процессно-длительное действие или состояние (НСВ), и, с другой стороны, конкретно-фактическое действие с указанием на достижение результата (СВ), то трудно безоговорочно поддержать такую позицию, согласно которой мы имеем дело просто с грамматическими формами одной и той же общей смысловой основы. Обратим внимание на то, что в языках, в которых понятие вида воспринимается не точно по логике славянского мышления (как, напр., в венгерском), такого рода различия зачастую передаются другими глаголами или – касательно значения НСВ – описательным путем. Ср., например, состояние *умирает* ('haldoklik') и конкретно-фактическое действие *умер* ('meghalt'): *Князь не только узнал, что он умрет, но он чувствовал, что он умирает, что он уже умер наполовину* (Л. Толстой. Война и мир).

В подтверждение сказанного выше показательным примером может являться и видовая пара *открыть–открывать* в значении 'устанавли-

вать/установить существование чего-н. ранее неизвестного' при выражении процесса (с оттенком стремления, попытки): *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он открыл Америку, а когда он открывал ее* (Достоевский. Идиот, – исповедь Ипполита). Очевидно, что для передачи данного процессного значения в венгерском языке словарный эквивалент *felfedez* не подходит, – необходимо прибегнуть к использованию другого глагола. См. в переводе И. Макаи: *Biztosak lehetnek abban, hogy Kolombus nem akkor volt boldog, amikor felfedezte Amerikát, hanem akkor, amikor még csak kereste* (Ford. Makai Imre). Когда процесс выражается вместе с оттенком попытки (в принятой терминологии это его «конативная разновидность»), то в таком контексте СВ (при отсутствии результата) часто употребляется с отрицанием, следовательно, контраст в плане оппозиции видов становится максимальным: *решал, но не решил; уговаривал, но не уговорил; меня убивали, да не убили* и т. п. Подобные примеры см. в кн. (JÁSZAY 2019: 49–50).

Из изложенного выше следует, что об интерпретирующей функции видов целесообразно говорить лишь в случае их слабой оппозиции. В то же время трудно отрицать, что такого рода интерпретация связана с весьма широкой сферой употребления НСВ в общефактическом значении, которое – в результате привативного характера оппозиции – нередко вступает в квази-синонимическое отношение с парным глаголом СВ. Высокую степень сближения видов в аспектологии принято называть «конкуренцией». Приведем простые примеры из аспектологической литературы: *Он пригласил меня в гости* (значит, приглашение актуально в момент речи). *Он приглашал меня в гости* (неизвестно, по-прежнему ли актуально приглашение). *Я взял с собой деньги* (деньги со мной). *Я брал с собой деньги* (неизвестно, есть ли они еще у меня) (ГЛОВИНСКАЯ 2001:180). *Мне предложили написать на нее рецензию* (Сейчас я обдумываю предложение). *Мне предлагали написать на нее рецензию* (Скорее всего, в настоящий момент я уже отказался) (ПАДУЧЕВА 1996: 57). Выбор при конкуренции иногда определяется учетом более широкой ситуации, в центре внимания которой находится отношение говорящего к результату. См. примеры в пособии (ГУРЕВИЧ 2008: 131): 1) *Кто нам взял билеты в цирк? Коля? Передай ему от меня спасибо.* 2) *Кто брал билеты? Коля? Неужели он не мог выбрать места лучше?*

2.3. Интерпретация действия и временные формы глагола.

Интерпретирующая функция временных форм связана с их переносными значениями по сравнению с употреблением данных форм в прямом значении. Из широкого круга вопросов выделим

два типа временной транспозиции – это 1) форма настоящего в значении прошедшего и 2) форма прошедшего СВ в значении будущего.

1) Наиболее распространенный (и, конечно, общеизвестный) способ транспозиции – использование *настоящего исторического* (praesens

historicum) в значении прошедших действий. Такой способ употребления формы настоящего времени глагола НСВ широко представлен как в повествовательных текстах, так и в диалогах при рассказе о прошедших событиях. Речь идет о преобразовании следующего типа: *Пришел я на кафедру и сразу позвали меня к телефону* → *Прихожу я на кафедру и сразу зовут меня к телефону* или *Вор выбежал на балкон и прыгнул вниз* → *Вор выбегает на балкон и прыгает вниз*. При таком преобразовании изменение интерпретации состоит в том, что действия, произошедшие в прошлом, изображаются так, как будто они происходят в настоящем, на наших глазах. Заметим в этой связи, что возможность такой транспозиции действия свидетельствует о лексическом тождестве глагольных форм с противоположным видом и тем самым, о видовой парности этих глаголов. (Применимость данного приема называется в аспектологии и критерием Ю. С. Маслова.)

2) Форма прошедшего СВ в частных случаях может указать на временной план будущего. Это также простой метафорический перенос, в основе которого лежит стремление говорящего образно и более экспрессивно выражать отнесенность действия к будущему: говорящий смотрит на действие, которое неизбежно произойдет, так, как будто оно уже и произошло. В этой функции часто выступают глаголы *погибнуть* и *пропасть*, которые своими формами прошедшего времени способны акцентировать, что нежелательные последствия неизбежны. См.: *Спутники плакались: «Мы погибли, если нас узнают!»* – *«А я погиб, если меня не узнают»*, – сказал Бион (М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция). *Но если мне не удастся отмазать босса – тогда мы пропали, оба* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет).

В другом, строго определенном контексте – при выражении условно-гипотетического значения – перенос действия прошедшего СВ в план будущего, как кажется, лексически менее ограничен. Прочитируем два примера из кн. (ГЛОВИНСКАЯ 1982: 64): *Ну, ладно, выполнил (выполню) я вашу просьбу, а дальше что? Уехал (уюду) я из Москвы, а что с пропиской?* Среди условий, благоприятствующих реализации данного значения, автор выделяет (1) обратный порядок слов (*выполнил я*) и (2) противительный по смыслу контекст второй предикативной части, в которой указывается на нежелательность последствий (Там же).

3) Наконец, следует упомянуть также о глаголах однонаправленного движения с приставкой *-но*. Здесь перенос из формы прошедшего времени в значение будущего имеет место в 1-м лице: в формах *я пошел / побегал / поехал* и др. начало действия в представлении говорящего сливается с наступлением момента будущего, не разобщенного с моментом речи. Формулируя проще, относительно субъективного восприятия говорящего момент начала действия, в сущности, совпадает с моментом речи.

2.4. Деепричастные обороты в свете интерпретации действия. В русском языке весьма широко распространены деепричастные обороты, интерпретирующие действия особым способом. В таком предложении, различаются два типа действия – с одной стороны, главное действие (выполняющее роль сказуемого), с другой стороны, деепричастие (либо НСВ, либо СВ), которое, семантически сближаясь в той или иной степени с обстоятельствами, придает действию или состоянию как бы фоновый, сопутствующий характер (ср. ШВЕДОВА 1982: 181). При этом деепричастие НСВ выделяет его акциональный характер, а форма СВ – статальное значение: *Выпивая и закусывая чем-нибудь, компания предавалась приятностям русской беседы* (Юрий Буйда. Щина // «Знамя», 2000). *Рядом, склонив голову, слушая музыку, сидела чудаковатая собака, его друг* (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976).

В этом плане может быть интересным сопоставление с венгерским языком, в котором также употребляются деепричастные формы. Такое сравнение показывает, что в большинстве случаев в художественном переводе естественным эквивалентом русской деепричастной формы является обычный глагольный предикат, и – особенно в случае деепричастия НСВ – эта форма гораздо реже употребляется по образцу русского предложения. К этому «осторожному» выводу мы приходим, в частности, на основе сопоставления оригинального текста и перевода семи рассказов К. Фебина, изданных в серии книг двуязычной литературы (FEGYIN 1959). Ниже мы кратко продемонстрируем наиболее типичную передачу смысловой эквивалентности при сопоставлении нескольких предложений в художественном переводе.

1) Деепричастием НСВ выражается полная или частичная одновременность действий. При этом в качестве доминирующего способа соответствия выделяется: деепричастие НСВ = глагольная форма (венг.): (1) *Потом сел на скамейку и просидел до вечера, не шевелясь, глядя в окно, откуда виден был залитый солнцем неподвижный сад* (К. Фебин. Сад). *Aztán leült a padkára, és estig üldögélt, meg sem mozdult, kinézett az ablakon, ahonnan láthatta a napfénybe borult, mozdulatlan kertet* (Ford. Gyöngyi László). (2) *Молчать!* – крикнул отец и, *перегибаясь* через кресло, *царапая* лапкой тростниковое плетенье спинки, забормотал (К. Фебин. Старик). *Hallgass!* – kiáltotta az apa; *kihajolt a karosszékből, mancsával a támla nádfonatát karmolta, és felmordult* (Ford. Gellért György). (3) *Вот оно, письмо ваше, сказал Петр, вытаскивая* из кармана скомканный листок (К. Фебин. Старик). *Itt van a levele, – mondta Pjotr, s kihúzta zsebéből az összegyűrt papírlapot* (Ford. Gellért György). (4) *Я брел, озираясь* на остатки сада <...>, *заглядывая* во дворы, где под заборами никли высохшие, сизые от пыли лопухи, *слушая*, как неожиданно взывает будто сорвавшаяся с какого-то вихревого метеора мотоциклетка (К. Фебин. Встреча с прошлым). *Ógyelegetem, nézegettem* <...> *a kertnek a*

*maradványait <...>, **be-benéztem** az udvarokba, ahol a kerítések tövében a portól szürke, fonnyadt keserűlapu kókadozott, és **hallgattam**, ahogy váratlanul elsűvít egy-egy motorkerékpár, mintha valamelyik villámgyors meteorról zuhanna le* (Ford. Makai Imre).

2) Деепричастием СВ выражается отношение предшествования. В этом случае также характерно соответствие типа: деепричастие СВ = глагольная форма (венг.): ***Поужинав** молча, растянулся посереду горницы...* (К. Федин. Сад). *Miután szóltan **megvacsorázott**, elnyúlt a szoba közepén...* (Ford. Gyöngyi László).

3) Число подобных переводов с глагольным предикатом без труда можно продолжить. Однако при этом нельзя оставить без внимания того факта, что явное преобладание глагольных форм в качестве венгерского эквивалента, не исключает принципиальной возможности использования деепричастия. Например: *Сильно, – произнес архиерей, с любопытством **разглядывая** рану* (К. Федин. Старик). *Jókora – jegyezte meg az érsek, kíváncsian **nézegetve** a sebet* (Ford. Gellért György).

4) На основе многочисленных примеров можно прийти к такому заключению, что в венгерском языке деепричастие употребляется преимущественно тогда, когда в контексте на первый план выдвигается не акциональная, а обстоятельственная функция данной формы, а именно в виде обстоятельства образа действия. В этом случае наблюдается эквивалентность и с формальной точки зрения: *Закутанные, они шли, **нагнувшись** <...>, **пряча** маленькие личики в поднятые и обкрученные шарфами воротники* (К. Федин. Брат и сестра). *Vebugyolálva mentek, **meggörnyedve** <...>, kis arcoskájukat felgyűrt és sállal körütekert gallérjukba **rejtve*** (Ford. Radó György). *Они побежали, **нагнувшись** еще больше и **вобрав** головы в воротники* (Там же). *Futásnak eredtek, még jobban **meghajolva** s fejüket a gallérjukba **húzva*** (и. о.).

5) В заключение обратим внимание на следующее: богатый интерпретирующий потенциал деепричастия проявляется и в том, что эта форма – помимо своих видо-временных оттенков – может имплицитно передавать и другие оттенки грамматической семантики – в первую очередь *причинные, целевые, условные и уступительные*. Реализация таких «вторичных» обстоятельственно-характеризующих функций во многом зависит от временного отношения между деепричастием и сказуемым, от смысла контекста, а также от (характера) лексического значения производящего глагола. Приведем по одному примеру, чтобы проиллюстрировать скрытую форму выражения (1) причинного значения и (2) целевого значения: (1) *Я решил остановить машину, **убедившись**, что мотор стал перегреваться* (ср.: так как я убедился). (2) *Долго рылся в сундуках, **выискивая** воротники и салфетки самого искусного плетения*. (Гузель Яхина. Дети мои) (ср.: чтобы выискать).

В статье было показано, что при анализе и разноаспектной характеристике синонимических значений нельзя отказываться от формальной стороны данных языковых средств.

Литература

- АПРЕСЯН 1997 = АПРЕСЯН Ю.Д. (под общим руководством) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Языки русской культуры, 1997.
- БОНДАРКО 1983 = БОНДАРКО А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград: Наука, 1983.
- БОНДАРКО 1992 = БОНДАРКО А.В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания, 1992. № 3. 5–20.
- БОНДАРКО 2002 = БОНДАРКО А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
- ГЛОВИНСКАЯ 1982 = ГЛОВИНСКАЯ М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. Москва: Наука, 1982.
- ГЛОВИНСКАЯ 2001 = ГЛОВИНСКАЯ М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва: Азбуковник, Русские словари, 2001.
- ГУРЕВИЧ 2008 = ГУРЕВИЧ В.В. Глагольный вид в русском языке: значение и употребление. Москва: Флинта, Наука, 2008.
- ЛЕНДВАИ 1988 = ЛЕНДВАИ Э. Лексическая семантика русского языка. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1988.
- ПАДУЧЕВА 1996 = ПАДУЧЕВА Е.В. Семантические исследования. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- ШВЕДОВА 1982 = ШВЕДОВА Н.Ю. (Главн. ред.) Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. Москва: Наука, 1982.
- FEGYIN 1959 = FEGYIN K. Elbeszélések. Budapest: Corvina, 1959.
- JÁSZAY 2019 = JÁSZAY L. Az igeszemlélet oktatásának nyelvészeti alapjai [Лингвистические основы обучения глагольному виду]. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2019.
- OROSZ 1999 = OROSZ Á. Семантические значения пассива и их взаимосвязи с аспектуальностью и темпоральностью в русском, венгерском и английском языках // Studia Russica XVII. Budapest. 207–213.

Reflections on Linguistic Interpretation in the Teaching of Russian as a Foreign Language. The subject of this article is the different grammatical forms of verbal action that can create a synonymous relationship with another grammatical form of the verb. In the case of such grammatical synonymy, interpretative differences come to the forefront. The author aims to draw attention to the importance of such differences and present their features from the point of view of mode of expression. When analyzing the phenomenon of grammatical interpretation, the main emphasis is on the verbal categories of

voice, aspect and tense. In addition, special attention is paid to the forms of verbal adverbs in comparison with the verbal predicate of the main action.

Keywords: interpretation of action, functional grammar, voice, weak opposition of aspects, transposition of tense forms, verbal adverbs

JOSIPA KORLJAN BEŠLIĆ
(Split, Hrvatska)

Najčešće pogreške u uporabi prijedloga hrvatskoga jezika kod izvornih govornika španjolskoga jezika

Sažetak: Prijedlozi su nepromjenjiva vrsta riječi, ali dosta česta u uporabi na razini rečenice. Središnje pitanje koje ovaj rad postavlja jest koje pogreške izvorni govornici španjolskoga jezika koji uče hrvatski jezik kao ini na početnoj razini (A1 i A2) rade pri korištenju hrvatskih prijedloga, imajući u vidu da se hrvatski i španjolski prijedlozi razlikuju u uporabi. Pogreške su proučene na temelju esejističkih tekstova pisanih na nastavi kolegija Hrvatski jezik za strance polaznika CEHAS-a na Filozofskom fakultetu u Splitu. Pogreške su sistematizirane prema prijedlozima i prema čestotnosti. U radu se objašnjavaju uzroci pogrešaka te se navode mogućnosti za uklanjanje i preveniranje ovakve vrste pogrešaka.

Gljučne riječi: hrvatski jezik kao ini, početna razina učenja jezika, prijedlozi, nastava inojezičnog hrvatskog

Uvod

Iako učenici hrvatskoga kao inoga jezika promjenjive vrste riječi navode kao najveći problem pri ovladavanju hrvatskim kao inim jezikom zbog deklinacija i konjugacija, prijedlozi također pripadaju vrsti riječi koja uzrokuje pogrešnu uporabu, pogotovo na početnoj razini učenja jezika. Problemi s prijedlozima prisutni su i u drugim inim jezicima. Prijedlozi su jako zastupljena vrsta riječi koja određuje odnose u rečenici, stoga je važno da i njihova uporaba bude pravilna.

U ovome radu proučit ćemo koje su najčešće pogreške koje izvorni govornici španjolskoga jezika koji uče hrvatski kao ini rade na početnoj razini učenja jezika, koji su razlozi tomu te kako je moguće izbjeći takve pogreške. Izazovno je uspoređivati hrvatski i španjolski jezik jer je hrvatski flektivni jezik u kojem se gramatičke kategorije izražavaju promjenom oblika riječi. Pogreške pri uporabi prijedloga događaju se zbog jezičnoga prijenosa jer su u različitim jezicima različite uloge i uporabe prijedloga. Pogreške su prikupljene analizom esejističkih tekstova i podijeljene prema čestotnosti.

Teorijsko-metodološki okvir

BARIĆ (1995: 277) prijedloge definira kao „riječi koje izriču različite odnose između onog što znače imenice ili na što upućuju zamjenice”, a objašnjavajući značenje prijedloga, navodi da „prijedlozi znače različite odnose

onoga što znači imenica, a imenica, opet, ima različite padeže koji iskazuju različite odnose onoga što znači prema radnji o kojoj se u rečenici govori” (BARIĆ 1995: 278). TEŽAK i BABIĆ (1992: 136) prijedlozima smatraju „nepromjenjive riječi koje označuju odnose među bićima, stvarima i pojavama”, a SILIĆ I PRANJKOVIĆ (2005: 242) definiraju ih kao „zatvorenu skupinu suznačnih nepromjenjivih riječi koje nisu ni samostalni ni nesamostalni članovi rečeničnoga ustrojstva”.

Većina gramatika hrvatskoga jezika namijenjena je izvornim govornicima, a njihov je sadržaj neizvornim govornicima nerazumljiv.

UDIER i GULEŠIĆ MACHATA (2012: 39) navode tri načela važna pri poučavanju prijedloga: semantičko, sintaktičko i komunikacijsko. Semantičko, naime, opisuje značenje prijedloga, sintaktičko pretpostavlja navođenje prototipnih i neprototipnih prijedložno-padežnih izraza, a komunikacijsko načelo zasniva se na redoslijedu navođenja prijedloga pri čemu se prvo navode frekventniji, prototipni prijedlozi. Kad je riječ o pristupu poučavanju, MATOVAC (2014) navodi postojanje tradicionalnoga pristupa poučavanju, koji je neizvornim govornicima stran i nejasan, kolokacijskoga pristupa te kognitivnolingvističkoga pristupa, za koji se zalaže, navodeći da je ovaj pristup „utemeljen na uočavanju sustavnih poveznica među različitim značenjima te objašnjavanju i oprimjeravanju motivacija različitih upotreba, plodonosniji pri poučavanju stranoga jezika, posebice na naprednijim stupnjevima učenja” (MATOVAC 2014: 12).

LORINCZ i GORDON (2012) govoreći o neizvornim govornicima engleskoga jezika koji ga uče navode tradicionalni, kolokacijski i prototipni pristup te se zalažu za posljednja dva.

Smatramo da je na početnoj razini učenja potrebno kombinirati sve navedene pristupe i načela, uzimajući u obzir i gramatičko znanje koje neizvorni govornici već posjeduju što, ovisno o jezicima kojima vladaju, može biti olakšavajući, ali i otežavajući čimbenik. Svakako smatramo da je kognitivnolingvistički pristup koji gramatičke strukture objašnjava različitim konceptima ogroman potencijal koji se zasniva na kogniciji te koji je potrebno što bolje iskoristiti i u nastavi inojezičnoga hrvatskoga.

Prijedlozi se u najzastupljenijim udžbenicima hrvatskoga kao inoga jezika poučavaju uz padeže. Udžbenici koje smo proučili i koje smatramo najzastupljenijima jesu udžbenik ČILAŠ, MIKULIĆ, GULEŠIĆ MACHATA, UDIER (2023), KOSOVAC i LUKIĆ (2004) te KORLJAN BEŠLIĆ i BURIC (2023).

Prvi padež koji se obrađuje, poslije nominativa, jest akuzativ te je težište na prijedlozima *u*, *na*, *po*, *za* uz navođenje manje zastupljenih prijedloga *kroz* i *uz*. Sljedeći je lokativ, koji s akuzativom dijeli prijedloge *u*, *na* i *po* i koji određuje frekventan prijedlog *o*, zatim slijedi dativ s prijedlozima *k*, *prema*, *nasuprot*, *unatoč* i *usprkos*. Uz instrumental poučavaju se prijedlozi *s/sa*, *nad*, *pod*, *pred*, *među*, a uz genitiv, s kojim se usvaja najviše prijedloga jer je padež koji,

između ostalog, određuje prostorne i vremenske odnose, *poslije, prije, nakon, od, do, iz, kraj, blizu, između, ispod, iznad, zbog, radi, osim, protiv...*

U hrvatskoj gramatici namijenjenoj neizvornim govornicima MATOVAC (2022) prijedloge također povezuje s određenim padežima, no razdijeljeno: primjerice, posebna je cjelina akuzativ s prijedlozima *u* i *na*, posebna izricanje vremena akuzativom, posebna akuzativ s prijedlozima *za, po, kroz* i *uz*, a posebna je cjelina i razlika akuzativa i lokativa kad se upotrebljavaju s prijedlozima *u* i *na*.

Na početnome stupnju (razine A1 i A2) neizvorni govornici trebali bi naučiti glasovni i pisani oblik prijedloga, prototipna značenja prijedloga, padeže u kojima se javlja imenska riječ uz određene prijedloge, frekventne prijedložno-padežne izraze koje čine određeni prijedlog te frekventne glagolske rekcije i valencije s određenim prijedlogom (prema UDIER i GULEŠIĆ MACHATA 2012: 38).

Ispitanici i prikupljanje primjera pogrešaka

Za potrebe ovoga istraživanja ispitani su izvorni govornici španjolskoga jezika iz južnoameričkih država koji su u Centru za hrvatske studije u svijetu (CEHAS) na Filozofskom fakultetu u Splitu učili hrvatski kao ini jezik na početnom stupnju (razine A1 i A2). Kako bi rezultati bili što objektivniji, nasumce je uzeto 40 primjera kraćih eseja (od 100 do 150 riječi) koje su polaznici pisali u sklopu nastave hrvatskoga jezika od akademske godine 2020./2021. do akademske godine 2023./2024. u različitim grupama s različitim lektorima. U esejima su trebali pokazati gramatičko i leksičko znanje koje su usvojili nakon određenih cjelina na A1 i A2 razini te eseji nisu bili usmjereni samo na uporabu prijedloga. Teme eseja obuhvaćale su predstavljanje, slobodno vrijeme, obitelj i prijatelje te planove za budućnost. U nastavku donosimo primjere pogrešaka klasificirane prema prijedlozima. Pogreške su navođene prema čestotnosti.

Prijedlozi *u* i *na*

Najviše pogrešaka uočeno je u uporabi prijedloga *u* i *na*, i to na razini međusobne zamjene, bez obzira na to upotrebljavaju li se u akuzativu ili lokativu. Primjeri pogrešaka jesu sljedeći:

- (1) *Radila sam prošli vikend na studentskom domu.*
- (2) *Išla sam na restoran.*
- (3) *Ona studira umjetnost u fakultetu.*
- (4) *Koncert je na velikom parku.*
- (5) *Na parku možeš imati zabavu.*
- (6) *Moj prvi savjet je ići na Zagreb.*
- (7) *Idemo u Rivu.*
- (8) *Plivam na moru.*
- (9) *Ako ideš do Republike Hrvatske, moraš znati da ideš na najbolju zemlju.*

(10) *Radio sam u restoranu na Dioklecijanova palača.*

(11) *Ide u ručak.*

(12) *Ona živi na velikoj novoj kući.*

Uzroci su ovih pogrešaka nerazumijevanje kad upotrijebiti prijedlog *u*, a kad prijedlog *na* za prostorne odnose, što moguće proizlazi iz negativnog transfera iz materinskoga jezika. Naime, u španjolskom jeziku ne postoji razlika prijedloga *u* i *na* kao u hrvatskom te bi primjer (4) na španjolskom glasio *El concierto es en el gran parque*, isto kao što bi primjer (3) glasio *Ella estudia arte en la universidad*. Dakle, u oba slučaja upotrijebljen je španjolski prijedlog *en*. Hrvatski prijedlozi *u* i *na* na španjolskom mogu biti prevedeni i prijedlogom *a*, pa će *Idem u trgovinu* i *Idem na tržnicu* glasiti *Voy a la tienda* i *Voy al mercado*.

Razlika hrvatskih prijedloga *u* i *na* proizlazi iz sljedećeg: „Osnovno je značenje prijedloga *u* povezano s idejom smještenosti (lokativ) ili smještanja (akuzativ) u zatvoren, višedimenzionalan prostor, dok je osnovno značenje prijedloga *na* povezano s idejom smještenosti (lokativ) ili smještanja (akuzativ) na neki prostor koji je nalik površini” (UDIÉR i GULEŠIĆ MACHATA 2012: 43). Prijedlog *u*, uz zatvorene prostore, u hrvatskome jeziku upotrebljava se i uz mjesta, gradove i države, a prijedlog *na* osim površine upotrebljava se i za otoke, događanja i aktivnosti/sportove, a oba prijedloga označavaju cilj.

Pogrešnu uporabu ovih prijedloga dodatno uzrokuju iznimni slučajevi koji odstupaju od izrečenih pravila, kao npr. *Idem na fakultet* ili *Idem u park* te dvojna uporaba obaju prijedloga u različitim značenjima: *Idem u more / na more*, *u selo / na selo* i slično. Ovi odnosi u španjolskome jeziku uglavnom se izražavaju opisno ili dodavanjem nekog drugog glagola.¹ Primjerice, ne postoji razlika *u more/na more*, oba se oblika izražavaju rečenicom *Voy al mar*, ali se oblik *u more* dodatno opisuje: *Voy al agua*. Želimo li reći da smo *na kavi*, u španjolskom ćemo to izreći glagolom: *Estamos tomando café*. Sve to utječe na relativno česte pogreške u uporabi ovih prijedloga.

Primjeri pogrešaka pokazuju da je izvornim govornicima španjolskog jezika nelogično postojanje dvaju prijedloga za što oni u svojem jeziku ponekad upotrebljavaju samo jedan, ponekad nijedan, a pogotovo su im nelogične situacije koje odstupaju od pravila ili zahtijevaju detaljnije semantičko određenje. Iznimke nije moguće konceptualno objasniti, trebaju biti posebno navedene, kao u MATOVAC (2022: 79), gdje su navedeni primjeri kao za otoke, *na Island*, ali *u Japan*; *u šetnju*, iako je riječ o aktivnosti, ili *u vrt*, iako se radi o otvorenom prostoru.

Među primjerima pogrešaka uočena je i zamjena prijedloga *u* prijedlogom *do*, kao u primjeru (9), što se može objasniti širokom primjenom prijedloga *do*, uključujući i prostorne odnose te ovdje provedenom pogrešnom analogijom.

¹ Zahvaljujem Mariji Belen Lemos na pomoći i jezičnim savjetima pri usporedbi hrvatskih i španjolskih prijedloga.

Pogrešna uporaba ovih prijedloga nije uočena samo u uporabi za mjesto i cilj već je primjetna i kad označava vrijeme. Uočene su pogreške u rečenicama koje izriču dane u tjednu i datume:

- (13) *Putujem u Grčku na utorak.*
- (14) *U vikend bio sam u mojoj kući.*
- (15) *Sviđa mi se ići na plažu u vikendu.*
- (16) *To je najbolje ako idete u 15. kolovoza.*

U španjolskom jeziku za dane u tjednu upotrebljava se određeni član pred imenicom (primjer /13/ glasio bi *Viajo a Grecia **el** martes*). U hrvatskom jeziku s danima u tjednu upotrebljava se prijedlog *u*. Uz vikend dolazi prijedlog *za*, što bi na španjolskom jeziku bilo izrečeno bez prijedloga (*el fin de semana*), a uz datum pogrešno je dodan prijedlog *u*, kao u primjeru (16), što se u hrvatskom jeziku izriče bez prijedloga, genitivom, a u španjolskom jeziku prijedlogom *el* te bi primjer (16) glasio *Es mejor si van **el** 15 de agosto*.

Prijedlozi *po* i *za*

Prijedlog *po* poučava se uz akuzativ i uz lokativ, a prijedlog *za* uz akuzativ. Prema UDIER, GULEŠIĆ-MACHATA i ČILAŠ-MIKULIĆ (2006: 43) „akuzativ s prijedlozima *po* i *za* također je lako shvatljiv većini učenika jer se imenice koje dolaze uz njega također mogu shvatiti kao izravni objekt”. Iako je to točno u gramatičko-semantičkom kontekstu o kojem autorice pišu, u praksi je česta zamjena prijedloga *po* i *za* u akuzativu, kao u sljedećim primjerima:

- (17) *Kupila sam poklon po njega.*
- (18) *Imam pogled za more.*
- (19) *Organizacija pravi nešto dobro po ljude.*
- (20) *Idemo za kavu u trgovinu.*

Na početnoj razini učenja jezika poučavaju se osnovna značenja ovih prijedloga. U hrvatskom jeziku *za* je prijedlog koji zajedno s akuzativom označava namjenu i svrhu, a *po* zajedno s akuzativom označava razlog i cilj kretanja. U španjolskom jeziku prijedlog *za* u ovom kontekstu prevodi se prijedlogom *para* te bi primjer (17) glasio *Le compré un regalo **para** él*. Prijedlog *po* ne postoji u španjolskom jeziku. U značenju koje ima u akuzativu uz glagol ići mogao bi se prevesti na španjolski jezik prijedlogom *por* te bi primjer (20) glasio *Vamos **por** café a la tienda*, no u spomenutoj rečenici u španjolskom jeziku češće se upotrebljava glagol *tomar* u značenju *uzeti* te se primjer (20) češće prevodi *Vamos **a** tomar un café*. Kako bi izvornim govornicima španjolskog jezika bilo lakše razumjeti kad trebaju upotrijebiti *za*, a kad *po*, potrebno je navedene prijedloge objasniti na semantičkoj razini, objašnjavajući koncept koji zahtijevaju ovi prijedlozi i uvježbati na nizu primjera. Kako objašnjava MATOVAC (2022: 83), „ovaj izraz izražava svrhu kretanja i poprilično je specifičan – netko ide nekamo po nešto ili ide pokupiti nekoga”.

Primijećena je i zamjena prijedloga *za* i *na*, kao u rečenicama:

(21) *Ide za ručak sa svojim prijateljima.*

(22) *Išla sam u menzu za večeru.*

Obje su rečenice uz glagol *ići*, no pogrešna je uporaba nastala zbog toga što nije usvojeno pravilo prema kojem jelo i piće uz glagol *ići* dolaze s prijedlogom *na*, primjerice *ići na kavu, na ručak, na večeru...*

U lokativu se prijedlog *po* poučava kao prijedlog koji označava mjesto i prisutan je u određenim frazeologiziranim izrazima, kao *biti poznat po* ili *dobiti ime po*. Najčešća pogreška povezana s prijedlogom *po* jest njegova uporaba za označavanje mjesta te njegova zamjena prijedlogom *na* kao u rečenicama:

(23) *Možeš hodati na cijelom Splitu.*

(24) *On je bio oduševljen po kraju.*

Uzrok ove pogreške upravo je nepostojanje odgovarajućeg španjolskog ekvivalenta za prijedlog *po*. MATOVAC (2022: 101) navodi najčešće glagole koji u lokativu dolaze s prijedlogom *po*: *hodati, trčati, putovati* te objašnjava da je u ovom slučaju značenje prijedloga *po* posvuda (engl. *all over, around*). U španjolskom jeziku izrazi kao *Šetam po gradu* ili *Putujem po Europi* mogli bi se prevesti koristeći prijedlog *por*: *Camino por la ciudad, Viajo por Europa*. Međutim, španjolski prijedlog *por* u hrvatskom jeziku, ovisno o kontekstu, može biti preveden kao *po, kroz, zbog, radi i za*.

Nejasna uporaba za označavanje mjesta trebala bi biti razdvojena uvježbavanjem primjera i situacija u kojima se koristi određenim prijedlogom.

Sljedeća pogreška uočena u proučavanim tekstovima jest uporaba prijedloga *za* uz glagol, primjetna u rečenicama:

(25) *Izašao sam za jesti.*

(26) *Telefonirala sam za video za vidjeti.*

Iako se jezikoslovci ne slažu u vezi s uporabom konstrukcije *za* uz infinitiv, koju PRANJKOVIĆ (1987) smatra supinskim oblikom ukorijenjenim u hrvatski jezik, potrebno je upozoriti na pretjeranu uporabu prijedloga *za* u rečenom kontekstu i navesti da je moguće, i točnije, reći *Izašao sam jesti*. Problem za neizvorne govornike španjolskoga jezika jest i taj što je u španjolskom jeziku u ovim situacijama nekada moguće upotrijebiti prijedlog *a*, a nekada *para* te bi primjer (25) glasio *Fui **a** comer*, a primjer (26) *Llamé **para** ver*.

Korelacija prijedloga *u* – *iz te na* – *s*

U promatranim esejističkim tekstovima na prijedlog *iz* nailazimo kao na pogrešku u tek dvjema rečenicama:

(27) *Tata je iz Brača.*

(28) *Ja sam Argentine.*

Dok pogrešku u primjeru (28) možemo utemeljiti na zabuni i uporabi imena države umjesto nacionalnosti, pogotovo s obzirom na činjenicu da je u

nastavnoj praksi prijedlog *iz* u kontekstu odgovora na pitanje odakle tko dolazi uglavnom pravilno upotrijebljen, s pogreškom koja se uočava u prvoj rečenici često se susrećemo u nastavi. U ovoj rečenici također se govori o tome odakle netko dolazi, što bi bilo usporedivo sa španjolskim prijedlogom *de*. Kako bi se naučila pravilna uporaba prijedloga *iz* u korelaciji s genitivnim prijedlogom *s*, potrebno je usvojiti pravilnu uporabu prijedloga *u* i *na*, o čemu je već bilo riječi. Sljedeći je korak uočavanje korelacije prijedloga *u* i *iz* te *na* i *s*: *Živi u Splitu. On je iz Splita. Živi na Braču. On je s Brača*. Takva veza ne postoji u španjolskom jeziku te bi navedene rečenice glasile: *Vive en Split. Él es de Split. Vive en Brač. Él es de Brač*.

Otegotna okolnost pri poučavanju ovim izrazima jest i ta što je ovdje riječ o antonimskim prijedlozima koji dolaze s različitim padežima i prijedlog s uglavnom se povezuje s instrumentalom. UDIER i GULEŠIĆ MACHATA (2012: 47) također smatraju da se razlika ovih prijedloga treba uočiti još na početnoj razini učenja: „Parni se prijedlozi obrađuju na višim stupnjevima učenja, a na nižem i višem početnom stupnju učenja bitno je obraditi antonimski aspekt tih prijedloga”.

Prijedlog *s/sa* u instrumentalu i besprijedložni instrumental

Zabilježeni primjeri u kojima se odstupa od standardne uporabe prijedloga u instrumentalu jesu sljedeći:

- (29) *Večerao sam piletinu s salatom.*
- (30) *Poslije idi na katamaran na jedan otok.*
- (31) *Išla sam na posao petkom.*

Na početnoj razini učenja jezika uz instrumental se prvo poučava prijedlog *s/sa* koji označava društvo (*Živim sa sestrom*) i dodatak (*kolač s jagodama*). Istovremeno se usvaja i pravilo prema kojem prijedlog *sa* dolazi u situacijama kad sljedeća riječ počinje glasovima *s*, *z*, *š* i *ž*. Promatrana skupina ispitanika nije griješila s prijedlogom *s* u značenju društva i dodatka jer je istovjetan španjolskom prijedlogu *con* (*con queso, con mi hermana...*). Uočena je tek nestandardna uporaba prijedloga *s* ili *sa*, kao u primjeru (29).

Instrumental je potreban i za izricanje sredstva i prijevoznog sredstva, bez prijedloga. U španjolskom jeziku ne postoji ovakav oblik; za prijevozna sredstva potreban je prijedlog *en* (*vlakom će biti en tren*), za ostala sredstva prijedlog *con* (*pišem olovkom bit će escribo con un lápiz*). Stoga je razumljivo da izostavljanje prijedloga u hrvatskom jeziku može biti zbunjujuće, iz čega proizlazi pogreška zabilježena u primjeru (30).

Instrumental se poučava i kao padež kojim se izriče radnja koja se odvija svakog dana ili svakog vikenda, npr. *ponedjeljkom, vikendom* ili duže vrijeme (*danima, godinama*). U španjolskom jeziku dani u tjednu ne dolaze s prijedlogom, već s određenim članom (*el lunes, los lunes*). Potrebno je uočiti da u hrvatskom jeziku dani u tjednu dolaze s prijedlogom *u*, a ako se radnja ponavlja

određenog dana u tjednu, ne upotrebljava se prijedlog već se imenica koja označava dan u tjednu izriče instrumentalom (*ponedjeljkom*). Zabilježena pogreška u primjeru (31) (prema kontekstu trebalo je pisati u petak) rezultat je neusustavljenosti koncepta vremena i dana u tjednu, što se može prevenirati sistematičnijim pristupom u poučavanju padeža i prijedloga i uvježbavanjem.

Prijedlozi od i do

Genitiv je prema svojoj uporabi najsloženiji padež hrvatskoga jezika. Važan je za izražavanje odnosa u prostoru i najveći broj prijedloga dolazi upravo s genitivom.

U proučavanim tekstovima zabilježena je pogrešna uporaba prijedloga *od* i *do*. Primjeri su sljedeći:

(32) *Kasnije ja sam išao do Kaštela.*

(33) *Planiram putovanje od Francuske i Portugala.*

(34) *Ako ideš do Republike Hrvatske, moraš znati da ideš na najbolju zemlju.*

(35) *Od mene do tebe.*

U primjeru (32) umjesto prijedloga *do* trebao je biti upotrijebljen prijedlog *u* (pogotovo imajući u vidu jezično znanje ispitanika i njihovu početnu razinu učenja jezika). Na španjolskom jeziku u primjerima (32) i (34) upotrijebit će se prijedlog *a*. Iako je još s akuzativom usvojeno pravilo da se za cilj upotrebljavaju prijedlozi *u* ili *na*, u ovom slučaju vidimo genitivni prijedlog *do*, koji također može označavati mjesto, no ne i u ovoj rečenici. Prijedlog *do* MATOVAC (2022: 167) objašnjava kao prijedlog koji obilježava kretanje *do* ili prema mjestu ili osobi te posebno naglašava da je nepravilno upotrijebiti rečenicu *Došao sam od Zagreba* ili *Došao sam od trgovine* jer u tim slučajevima trebamo upotrijebiti prijedlog *iz*. S druge strane, navodi nepravilne rečenice *Došao sam iz bake* i *Došao sam s bake*, koje treba zamijeniti rečenicom *Došao sam od bake*. Prema samim navedenim primjerima može se uočiti da je česta nepravilna uporaba prijedloga *do* i *od* onda kad označavaju mjesto, pogotovo kod izvornih govornika španjolskoga jezika koji u svojem jeziku za prijedloge *od*, *iz*, *s* u kontekstu mjesta imaju prijedlog *de* ili rečenicu mijenjaju koristeći se određenim glagolom.

Sljedeća zabilježena pogreška s prijedlogom *do* jest u primjeru (33), gdje je umjesto prijedloga *od* trebao biti upotrijebljen prijedlog *do* ili pak *u*. Ovdje je moguća i uporaba parnih prijedloga *od – do*, (npr. *od Francuske do Portugala*), što se u španjolskom jeziku izražava prijedlozima *de – a* ili *desde – hasta*. Slična je pogreška u primjeru (34) gdje je umjesto prijedloga *u* upotrijebljen prijedlog *do*, što još jednom upućuje na važnost usustavljanja glagola *ići* i prijedloga koji uz njega dolaze.

Uporaba parnih prijedloga *od – do* uzrok je još jedne zabilježene pogreške, u primjeru (35) (u kontekstu davanja poklona) umjesto *od mene za tebe*. Iako je na španjolskom jeziku identična konstrukcija (*de mí para ti*), uparivanje

prijedloga *od* s prijedlogom *do* prouzrokovalo je pogrešnu analogiju u tom kontekstu. Svjesnost o prijedlozima *od* – *do* kao prostornim i vremenskim prijedlozima pomoglo bi prevenirati ovakvu jezičnu pogrešku.

Izostavljanje prijedloga

U dosadašnjoj obradi pogrešaka uočeno je nekoliko primjera izostavljanja prijedloga, kao u primjerima (28) i (31), kojima možemo pridružiti i sljedeće primjere

(36) *Ponoć legao sam.*

(37) *Morate ići najljepše plaže.*

(38) *Željela bih putovati neki grad.*

U primjeru (36) nedostaje prijedlog *u* za izricanje vremena. Naime, uz izricanje sati u španjolskom jeziku upotrebljava se prijedlog *a* (*a* /*la*/ *medianoche*). Kako bi se učenicima pomoglo usvojiti pravilo da se za izricanja koncepta vremena uglavnom uvijek koristimo prijedlogom, u nastavku teksta ponudit će se shematični prikaz prijedloga i uporabe. Naime, slikoviti, usporedni prikazi pomažu boljem pamćenju i usvajanju znanja, zbog čega ih smatramo dobrodošlima u jezičnoj nastavi.

Sljedeći je primjer izostavljanja prijedloga primjer (37), koji bi mogao glasiti *Morate ići na najljepše plaže* ili pak *Morate posjetiti najljepše plaže*, što bi i u španjolskom jeziku bilo izrečeno prijedlogom (*Deben ir a las playas más bonitas*) ili glagolom posjetiti (*Deben visitar las playas más bonitas*). Svakako je u rečenici potreban akuzativ, no s glagolom *ići* potreban je prijedlog, u ovom slučaju *na*. Slična je situacija i u primjeru (38), gdje je izostavljen prijedlog *u*, ali je dobro upotrijebljen akuzativ.

Problem izostavljanja prijedloga može se tumačiti i činjenicom da nepoznavanje uporabe prijedloga ponekad rezultira izostavljanjem prijedloga zbog neznanja koji prijedlog upotrijebiti u određenoj situaciji.

Prilog *kasnije* u funkciji „lažnog” prijedloga

Ova pogreška nalazi se tek u jednom primjeru:

(39) *Kasnije Austrije idemo u Njemačku.*

Primjer (39) upućuje na nužnost detaljnijeg razdvajanja priloga *kasnije* od prijedloga *poslije* i *nakon*. Prilog *kasnije* vremenski je prilog, a prema nekim priručnicima čak je samo komparativ priloga *kasno*. *Poslije* u priložnom značenju može biti izjednačen s prilogom *kasnije* (npr. *Vidimo se kasnije*, *Vidimo se poslije*), no u ovoj rečenici potreban je prijedlog koji će označiti vrijeme koje će uslijediti poslije posjeta Njemačkoj – može se upotrijebiti prijedlog *poslije* ili *nakon*. Pogrešnom analogijom prilog *kasnije* (španj. *más tarde*) upotrijebljen je u sinonimnom značenju prijedloga *poslije* (španj. *después*).

Mogućnosti uvježbavanja

Primjeri pogrešaka upućuju na to da su prijedlozi također vrsta riječi s kojom su česte pogreške. U navedenim udžbenicima hrvatskoga kao inoga jezika na početnoj razini (ČILAŠ MIKULIĆ, GULEŠIĆ MACHATA, UDIER 2023, KORLIJAN BEŠLIĆ i BURIC 2023, KOSOVAC i LUKIĆ 2004) zastupljene su vježbe prijedloga, i to najčešće vježbe dopunjavanja rečenice ponuđenim prijedlozima. Ovo istraživanje pokazalo je da poučavanje prijedloga mora biti sustavnije. Na početnoj razini ne očekuje se da inojezični učenik u potpunosti ovlada svim prijedlozima, ali očekivano je da će, između ostalog, poznavati prototipno značenje prijedloga, glagolske rekcije i valencije uz određene prijedloge. Tomu može pomoći tablični prikaz prijedloga zastupljenih na početnoj razini učenja, a s kojima su uočene pogreške, koji će usmjeriti pozornost na uporabu i semantičku razinu. U nastavku je dan primjer shematičnog prikaza za prijedloge *u*, *na*, *za* i *po*, s kojima su uočene najčešće pogreške.

Tablica 1. Prikaz najčešćih značenja prijedloga *u*, *na*, *za* i *po* na početnoj razini učenja inojezičnoga hrvatskoga za izvorne govornike španjolskoga jezika.

PRIJE-DLOG	PADEŽ	UPORABA	PRIMJER	USPOREDBA SA ŠPANJOLSKIM	IZNIM-KE
U	AKUZATIV	<u>Vrijeme</u> (dani u tjednu, sati) <u>Cilj</u> (s glagolima kretanja kao ići, putovati, letjeti...) kad je riječ o zatvorenim, trodimenzionalnim prostorima.	Putujemo u ponedjeljak u 17 sati. Idem u Hrvatsku, u Zagreb. Idem u restoran.	<i>Viajamos el lunes a las 17 horas.</i> <i>Voy a Croacia, a Zagreb</i> <i>Voy al restaurante.</i>	Idem na Island i na Kubu. Idem na fakultet.
	LOKATIV	<u>Vrijeme</u> (mjeseci) <u>Mjesto</u> (kad je riječ o zatvorenim, trodimenzionalnim prostorima; upotrebljava se za zatvorene prostore, gradove, države, kontinente)	Rodena sam u srpnju. Živim u Splitu, u Hrvatskoj.	<i>Nací en julio.</i> <i>Vivo en Split, en Croacia.</i>	Ja sam na Islandu. On je na Kubi. Mi smo na fakultetu.

NA	AKUZATIV	Cilj (s glagolima kretanja kao ići, putovati, letjeti...) kad je riječ o otvorenim prostorima; upotrebljava se za otoke, mjesta na koje se možemo popeti, događaje, aktivnosti i tehnologiju	Idem na Hvar na utakmicu. Idemo na planinu. Prijavit ću se na Instagram.	<i>Voy a Hvar para (ver) el partido.</i> <i>Vamos a la montaña.</i> <i>Puedo registrarme en Instagram.</i>	Idem u šumu. Idem u park. Idem u vrt.
	LOKATIV	Mjesto (kad je riječ o otvorenim prostorima; upotrebljava se za, otoke, mjesta na koje se možemo popeti, događaje, aktivnosti i tehnologiju)	Ja sam na Hvaru na utakmici. Ja sam na planini.	<i>Estoy en Hvar en el partido.</i> <i>Estoy en la montaña.</i>	Ja sam u šumi. Ja sam u parku. Ja sam u vrtu.
ZA	AKUZATIV	Namjena, svrha; ciljna domena vrijeme (vikend, vrijeme oko određenog dana ili praznika)	Poklon je za roditelje. Imam ulaznice za kazalište. Idem na Brač za vikend. Oni su u Splitu za Božić	<i>El regalo es para mis padres.</i> <i>Tengo entradas para el teatro.</i> <i>Voy a Brač el fin de semana.</i> <i>Ellos están en Split por Navidad.</i>	
PO	AKUZATIV	Kretanje s ciljem uzimanja, preuzimanja, nabave	Idem po kavu. Idem po prijateljicu.	<i>Voy a tomar un café.</i> <i>Voy a recoger a mi amiga.</i>	
	LOKATIV	Mjesto (sveobuhvatno značenje) Frazeologizirani izrazi	Putujem po Europi. Knjige su po podu. Hrvatska je poznata po kravati. Dobio je	<i>Viajo por toda Europa.</i> <i>Los libros están por todo el suelo.</i> <i>Croacia es conocida por la corbata.</i> <i>Fue nombrado</i>	

			ime po dje- du. Što si po zanimanju?	<i>por su abuelo.</i> <i>¿Cuál es tu profesión?</i>	
--	--	--	---	--	--

Osim sistematičnog pristupa, za koji je primjer dan u Tablici 1., važna je semantička komponenta poučavanja padeža, koju njeguje kognitivnolingvistički pristup. On razotkriva shematična značenja padeža prema kojima je lakše usvojiti prototipna i poslije neprototipna značenja padeža. Iz navedenog je vidljivo da se hrvatski i španjolski prijedlozi uglavnom ne mogu uspoređivati te je uspješniji pristup zasnovan na semantici, koji ima sve više zagovaratelja i među onima koji pišu o poučavanju inoga jezika. Ovako shematizirana značenja prijedloga mogu se uvježbati odabirom točnog prijedloga, upisivanjem odgovarajućeg prijedloga, različitim kvizovima, ali najvažnije govornom i pisanom produkcijom.

Zaključak

Učenje inojezičnog hrvatskog za izvorne govornike španjolskoga jezika može biti vrlo teško. Španjolski jezik ne poznaje sustav padeža, što je najveći problem s kojim se učenici susreću na početku učenja. U pokušavanju ovladavanja padežima i padežnim nastavcima ponekad se na početnoj razini zanemari važnost prijedloga. U ovom smo radu, temeljem analiziranih esejističkih tekstova, pokazali kako su i pogreške s uporabom prijedloga relativno česte. Najčešće su pogreške uočene s prijedlozima *u*, *na*, *za*, *po* te je nešto manje pogrešaka uočeno s prijedlozima *iz*, *s/sa*, *od* i *do*. Pokušali smo objasniti uzroke pogrešaka te je navedeno da se pri poučavanju prijedloga, uz sve navedene pristupe, djelotvorno koristiti kognitivnolingvističkim pristupom koji se temelji na određenim konceptima koji se izriču određenim prijedlogom, čime se lakše usvaja značenje, a time i korištenje.

U radu je naglašeno da je potreban sistematičniji pristup obradi prijedloga zasnovan na semantici u kojem će se izdvojiti iznimne situacije i frazeologizirani izrazi te je dan primjer tabličnog prikaza prijedloga *u*, *na*, *za* i *po*. Važno je i poticati točnu uporabu prijedloga i kontinuirano ih uvježbavati.

Pravilnim i pravovremenim usvajanjem prototipnih prijedloga koji se poučavaju na početnoj razini učenja inojezičnoga hrvatskoga olakšat će se usvajanje i svih neprototipnih slučajeva i prijedloga na višim razinama. Proces je to koji je dugotrajan, ali jako kreativan. Ovaj je rad ponudio samo uvid u najčešće pogreške i njihovo moguće preveniranje te je doprinos osvještavanju važnosti poučavanja i učenja prijedloga.

Literatura

- BARIĆ 1995 = BARIĆ E. i sur. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1995.
- ČILAŠ MIKULIĆ, GULEŠIĆ MACHATA, UDIER 2023 = ČILAŠ MIKULIĆ J., GULEŠIĆ MACHATA M. Razgovarajte s nama! Udžbenik hrvatskoga jezika za razine A1 – A2. Zagreb, 2023.
- KORLJAN BEŠLIĆ i BURIĆ 2023 = KORLJAN BEŠLIĆ J., BURIĆ H. Prijedimo na ti! Udžbenik inojezičnog hrvatskog za početnu razinu učenja jezika. Split, 2023.
- KOSOVAC i LUKIĆ (2004) = KOSOVAC V., LUKIĆ V. Učimo hrvatski.1 – udžbenik s vježbenicom. Zagreb, 2004.
- LORENCZ i GORDON 2012 = LORENC K., GORDON R. Difficulties in Learning Prepositions and Possible Solutions // Linguistic Portfolio, 2012. 1. dostupno na: https://repository.stcloudstate.edu/stcloud_ling/vol1/iss1/14 (pristup: 7. svibnja 2024.)
- MATOVAC 2014 = MATOVAC D. Kognitivnolingvistički pristup poučavanju prijedloga // Lahor, 2014 17. 5–32.
- MATOVAC 2022 = MATOVAC D. Basic Croatian Grammar for Croatian language Learners. Zagreb, 2022.
- PRANJKOVIĆ 1987 = PRANJKOVIĆ I. Konstrukcije s prijedlogom za ispred nesklonjivih komponenata // Jezik, 1987. 35, 1. 1–6.
- SILIĆ i PRANJKOVIĆ 2005 = SILIĆ J., PRANJKOVIĆ I. Gramatika hrvatskog jezika za gimnazije i visoka učilišta. Zagreb, 2005.
- TEŽAK i BABIĆ 1992 = TEŽAK S., BABIĆ S. Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 1992.
- UDIER i GULEŠIĆ MACHATA 2012 = UDIER S. L., GULEŠIĆ MACHATA M. Prijedlozi u hrvatskom kao inom jeziku: opis i obrada // Croaticum, Savjetovanje za lektore hrvatskoga kao inoga jezika, 1. zbornik radova. Zagreb, 2012. 36–50.
- UDIER, GULEŠIĆ-MACHATA i ČILAŠ-MIKULIĆ 2006 = UDIER, S. L., GULEŠIĆ MACHATA M., ČILAŠ-MIKULIĆ J. Gramatičko-semantički pristup obradi padeža // Lahor. Zagreb, 2006. 1. 36–48.

The most common mistakes in using prepositions in the Croatian language by native speakers of the Spanish language. Prepositions are an invariable type of word, but quite often used at the sentence level. The central question posed by this paper is what mistakes native speakers of Spanish, who are learning Croatian at beginner levels (A1 and A2), make when using Croatian prepositions, considering that Croatian and Spanish prepositions differ in usage. The mistakes were analyzed based on essay texts written in the Croatian Language for Foreigners course at the CEHAS program at the Faculty of Humanities and Social Sciences in Split. The errors were systematized according to prepositions and cases. In the final part of the paper, possibilities for eliminating and preventing this type of errors are outlined.

Keywords: Croatian as a foreign language, beginner language learning level, prepositions, teaching Croatian as a foreign language

NIKOLIN-DUKAI LILLA
(Szeged, Magyarország)

The Syntax and Semantics of Converbs in Modern Slavic Languages

Abstract: The paper investigates the category of converbs in modern Slavic languages, a grammatical category exhibiting ongoing development. Converbs' morphological, syntactic, and semantic properties are examined across various Slavic languages. By comparing their syntax, usage, and semantics, the study aims to identify connections between the current state of converbs and the typological features of each language. Contrary to the initial hypothesis, the analysis reveals that modern Slavic languages exhibit significant variation in the syntax and semantics of converbs, highlighting the ongoing evolution of this grammatical category within the Slavic language family.

Keywords: converbs, modern Slavic languages, syntax, semantics, comparative linguistics

1. Introduction

Converbs are one of the youngest grammatical categories in the Slavic languages, their origin dating back to the 14th-15th centuries. They have also undergone changes in morphology, syntax, and semantics throughout their history. This paper presents the results of a typological study, in the course of which I will discuss the present state of converbs in Slavic languages and want to point out the differences between languages in their formation, usage, and meaning. We will prioritize a comparative analysis of converbs in modern Slavic languages from a syntactic and semantic perspective, without delving into their formal morphological properties.

The first part of the study is a general introduction to converbs as a grammatical category. Then the syntactic properties of converbs in Slavic languages are examined, and in the third part they are analyzed from a semantic point of view.

2. The converb as a grammatical category

There are several definitions of the converb. Haspelmath's definition is that a converb is a nonfinite verb form whose main function is to express adverbial subordination (HASPELMATH 1995: 3). Nedjalkov's definition is that a converb is a verb form that depends on another verb form but is an adjunct, and not its complement (NEDJALCOV 1990: 36).

The term converb originates with Ramsted, a Finnish linguist working on Altaic languages and was first used in typology by Nedjalkov in 1987 (HASPELMATH 1995: 46).

Converbs can be of different kinds according to their syntactic function in a sentence. A converb can occupy the syntactic positions of (i) an adverb of a simple sentence, (ii) a secondary predicate, or (iii) a predicate of a subordinate clause (NEDJALKOV 1990: 37).

Converbs can also be subdivided according to their semantics: they can be (i) special, (ii) contextual, or (iii) narrative converbs. Special converbs can be further subdivided into temporal and non-temporal converbs, which carry special meanings. Contextual converbs, on the other hand, can carry various meanings, depending on the context. Narrative converbs are used to describe several interrelated events (NEDJALKOV 1990: 42–3). Contextual converbs are the most common kind in Slavic languages, as there are few converbs in these languages (two converbs in most), so their meanings can vary depending on the context. Languages that have a large number of converbs have the most specialized converbs (COUPE 2005: 8).

In dealing with converbs, it is important to look at the coreferentiality of subjects. When examining coreference, what is checked is whether there is agreement between the main predicate and the subject of the converb. I illustrate this with examples from Serbian.

(1) *Dečaci su pitali majku, ušavši u sobu.* “Having gone into the room, the boys asked their mother.”

(2) *Šetajući se na ulici, Ana je primetila jednog psa.* “Walking down the street, Anna noticed a dog.”

The converb is one of the grammatical categories used to express taxis. The predicates of the dependent taxis can be distinguished as the primary or the secondary action, while in the independent taxis there is no hierarchy between the predicates (BONDARKO 1987: 239). In this case, the primary action is expressed by a finite verb, while the secondary action is expressed by the converb:

(3) *Gledajući film zaspao je.* “He fell asleep watching the movie.”

Converbs in Slavic languages have various names: деепричастие in Eastern Slavic languages and Bulgarian, glagolski prilog in Serbo-Croatian and Macedonian, deležje in Slovene, and přechodník in Czech and Slovak. Imiesłowcy przysłówkowe is the term used in Polish. Typologically, these languages belong to the group with contextual converbs. Due to the limited number of converb forms (usually two or less), their meaning depends heavily on the context. Syntactically, Slavic converbs can function as predicates in dependent clauses or act as adverbial modifiers.

3. Syntax

The syntactic analysis of converbs includes an overview of whether there are two or fewer converbs in the given Slavic language. The next part is the

examination of the coreference between the subject and the converb, i.e. whether the subject of the converb is the same as that of the predicate or not, and, finally, of how the subject is expressed, implicitly or explicitly.

South Slavic languages:

Serbian and Croatian:

Serbian and Croatian have both adverbial participles. The subject of the converb is coreferential with the subject of the predicate, except in sentences where there is a general subject, "people in general" (IVIĆ 1983: 157), and when there is a so-called logical subject (PIPER 2005: 463), but semantically both actions are performed by the same agent. The subject can never be in the clause in which the converb is placed but in the clause of the predicate (IVIĆ 1983: 158), making it an implicit subject.

(4) *Ћутао је, склонивши поглед, не знајући шта да каже.* [М. Селимовић] (PIPER 2005: 465). "He was silent, looking away, not knowing what to say."

In example (4), the predicate is expressed in the complex past tense, the subject is implicit (he), and the subject of the converb is coreferential with the subject of the predicate.

Slovenian:

Slovenian also has both converbs, but the past participial converb is only used in literary texts and considered archaic (Derbyshire 1993: 86). From the examples we can see that the subject is coreferential with the subject of the predicate and that the implicit subject is common.

(5) *To se na fotografiji tudi vidi: gledam torto, komaj čakajoč, da jo bom jedel.* (MIKOLIČ JUŽNIČ 2014: 73). "It is also visible in the photo: I'm looking at the cake, waiting to eat it."

In example (5), the predicate is in the present tense, the subject is implicit (I) and coreferential with the converb.

Bulgarian:

In Bulgarian there is only one converb, the present tense one. The subjects of the predicate and the converb are coreferential, with the exception of expressions where it expresses some physiological and/or psychological state, and when the subject is expressed by a part of the agent's body (NITSOLOVA 2008: 440). The subject is often implicit (GRADINAROVA 2014: 78).

(6) *Червените и сини линии се преплитаха, образувайки извитата част на някаква машина* [Ем. Станев] (NITSOLOVA 2008: 440). "The red and blue lines merged into each other, forming an arc in some machinery."

The predicate is in the present tense, its subject is coreferential with the subject of the converb, and the subject is in the predicate clause, so it is implicit in the clause of the converb.

Macedonian:

Macedonian, like Bulgarian, also has one converb, the present tense one. The subject of the predicate and that of the converb are the same (KONESKI 2021: 392). The examples show that the subject of the converb is implicit.

(7) *Тренда застава пред нив како да сакаше да им го препречи патот, **напрегајќи се** да остане мирна, **бришејќи** си ги водените раце со крајче од скутачата* (Ј. Бошковски) (KONESKI 2021: 392). "Trenda stood in front of them as if she wanted to block their way, trying to remain calm and wiping her wet hands in the corner of the mop."

In this example, the predicate is expressed in the present tense, the subject is in the predicate clause, and the subject of the converb is coreferential with it and implicit.

Eastern Slavic languages:

Russian:

In Russian, both converbs are present. The subject is coreferential with the subject of the main predicate, with the exception of impersonal clauses, which are also allowed (BIKKULOVA 2011: URL). The subject can never appear in the dependent clause, so it is always implicit, and in Russian the adjuncts of the subject cannot occur in the converbial structure, with the exception of only few (BIKKULOVA 2011: URL).

(8) *Старик шептал, **разговаривая** сам с собой* [Ю. Трифонов. *Дом на набережной* (1976)] (BIKKULOVA 2011: URL). "The old man whispered, speaking to himself."

In example (8), we can see that the subject is in the main clause, and the subject of the converb in the dependent clause, which is implicit, is coreferential with it.

Ukrainian:

Ukrainian, like Russian, also has two converbs. The subject is coreferential with the subject of the main clause and is implicit (MEDYNSKAJA 2014: 77).

(9) *Молодці квапливо бігли по воду, **вимахуючи** мідяними побіленими кухами* (М. Коцюбинський). (MEDYNSKAJA 2014: 77). "The young people ran for water in a hurry, waiving white painted copper cups."

In example (9), we can see that the subject is in the main clause and corresponds to the subject of the converb, which is expressed implicitly.

Belarusian:

In Belarusian, again, both converbs are present. The subjects are coreferential (KRIVITSKIJ 1978: 280), and the subject of the converb is implicit, as can be seen in the examples.

(10) ***Рыхтуючыся** да паступлення ў інститут, я кожны дзень наведваў бібліятеку* (KRIVITSKIJ 1978: 280) "In preparation for entering the institute, I visited the library every day."

In example (10), the main clause follows the dependent clause, the subject is explicit in the main clause, but implicit in the dependent clause and is the same as the subject of the converb.

Western Slavic languages:

Czech:

Both converbs are found in Czech. The subject of the converb is coreferential with the subject of the predicate, and the converb agrees in number and gender with the subject (Havránek and Jedlička 1998: 166). The examples show that the subject of the converb is implicit.

(11) *Voralka, stojíc u chléva, dívala se za mužem.* (HAVRÁNEK and JELIČKA 1998: 166) “Voralka, standing by the stables, looked at her [leaving] husband”.

In example (11), we can see that the converb agrees in gender and number with the subject, i.e. it is feminine and singular, it refers to the same subject, and the subject is implicit in the dependent clause.

Slovak:

In Slovak, the present tense converb is productive, the past tense converb is considered archaic and is only found in literary works (DRENČ 1966: 487–489). Moreover, converbs are rare in the spoken language (Brtková 2004: 25). From the examples it can be seen that the subject is coreferential and implicit.

(12) *Zívajúc a odpľúvajúc, začal si krútiť cigaretu* [J. F.] (BRTKOVÁ 2004: 29). “Yawning and spitting, he started rolling his cigarette.”

Polish:

In Polish there are two converbs (BOJAŁKOWSKA 2010: 11-12). The subject of the converb is coreferential to the subject of the predicate, and the subject cannot appear in the clause with the converb, i.e. it is implicit (BOJAŁKOWSKA 2010: 106–109, 117).

(13) *Jan ziewa, czytając gazetę.* (BOJAŁKOWSKA 2010: 66) “Jan yawns while reading a newspaper.”

Exceptions to having adverbial converbs are Bulgarian and Macedonian, where only the present tense converb is present. The results of the study support V. Nedjalkov’s claim that if a language which originally had two converbs loses one of them, then it is always the adverbial converb that expresses simultaneity in relation to the predicate that is retained (NEDJALCOV 1998: 437). In the case of Slavic languages, this is the present tense adverbial converb formed from imperfective verbs.

The syntactic analysis shows that there are some basic conditions for the use of the converb which are valid in all Slavic languages. One is the coreferentiality between subjects, to which exceptions are found only in a few extreme cases. The other condition is that the subject cannot be present in the dependent clause with the converb in it. I believe there is a semantic reason for

this, since a converb does not have the properties of a finite verb, so the subject cannot occur in a same clause with it. Table 1 below summarizes the characteristics of the converbs in the above discussed languages.

Table 1. Converbs in Slavic languages

Language	Present tense	Past tense	Coreferentiality	Implicit/explicit subject
Serbian	+	+	yes	implicit
Croatian	+	+	yes	implicit
Bulgarian	+	-	yes	implicit
Macedonian	+	-	yes	implicit
Slovenian	+	+	yes	implicit
Russian	+	+	yes	implicit
Belarusian	+	+	yes	implicit
Ukrainian	+	+	yes	implicit
Czech	+	+	yes	implicit
Slovak	+	+	yes	implicit
Polish	+	+	yes	implicit

4. Semantics

In the semantic analysis, I examine the meanings of converbs. In the introduction it was shown that in Slavic languages we find special and contextual converbs. The meanings of these converbs are dealt with in more detail in this section.

South Slavic languages:

Serbian and Croatian:

The past participial converb is primarily used with a temporal meaning, expressing the antecedence of the action in relation to the predicate (IVIĆ

1983: 162). It can rarely express both a simultaneous or a subsequent action (PIPER 2005: 468, POPOVIĆ 2011: 147, 154, MILAS 2007: 7–14).

(14) *Ушаавши* ту, прво је прегледала оба излаза [М. Crnjanski] (PIPER 2005: 467) “On entering, she checked both exits first.”

Example (14) shows that the past converb is prepositive relative to the main clause and is antecedent.

The present participial converb mostly expresses action simultaneous to the predicate (IVIĆ 1983: 158), but it can also be antecedent or subsequent (POPOVIĆ 2011: 142–4, 154).

(15) *Стојећу* крај прозора, у очекивању потпуног мрака, младић и конзул су често разговарали. [И. Андрић] (PIPER 2005: 464) “Standing by the window and waiting for darkness to be complete, the young man and the consul often talked.”

In example (15), the present converb is prepositive in relation to the predicate and expresses a simultaneous action.

In addition to temporal semantics, there are also contextual converbs in Serbian and Croatian, where, depending on the context, they can express cause, manner, consequence, purpose, or permission. (IVIĆ 1983: 174, POPOVIĆ 2011: 154, PIPER 2005: 465–6, 468–9).

Slovenian:

In Slovenian, the past converb expresses a antecedent action, while the present adverb expresses a simultaneous action (DERBYSHIRE 1993: 85–6, MIKOLIČ JUŽNIČ 2014: 72).

(16) “Zdravo” je rekla Milica, *vstupivši* v hišo. (DERBYSHIRE 1993: 86). “Hi’, said Milica on entering the house.”.

In example (16), the past tense converb is postpositive in relation to the main clause and is antecedential.

(17) In on ji je *dobrikaje* poljubljal roko. (MIKOLIČ JUŽNIČ 2014: 79) “He kissed her hand in flattery.”

In example (17), the converb is postpositive and expresses a simultaneous action.

The present converb can also express a secondary meaning, namely, the manner of action, but this meaning is most typical of the present converb derived with *-e* (MIKOLIČ JUŽNIČ 2014: 72).

Bulgarian:

In Bulgarian, the present converb most often expresses a simultaneous action in relation to the predicate, but it also rarely occurs with antecedential and even more rarely with a subsequential meaning (GRADINAROVA 2014: 65–6).

(18) *Приближавайки* хотела, Луис съзна как образът ѝ дори в перспективата на юношеските спомени бе избледнял, бе станал карикатурно смешен [Д. Димов] (GRADINAROVA 2014: 69) “As Luis

approached the hotel, he realized that even in the halo of his youthful memories, his image had faded to cartoonishly funny.”

In example (18), the converb is prepositive, expressing a simultaneous action in relation to the predicate.

The present converb can also be contextual, expressing cause, permission, condition, mode, or consequence (GRADINAROVA 2014: 69).

Macedonian:

In Macedonian, the only converb, the present one, expresses simultaneous action in relation to the predicate (KONESKI 2021: 392).

(19) *Тренда застапа пред нив како да сакаше да им го препречи патот, **напрегајќи се** да остане мирна, **бришејќи** си ги водените раце со крајче од скутачата.* [J. Бошковски]. (KONESKI 2021: 393). “Trenda stood before them as if to block their path, struggling to remain calm and wiping her wet hands with the corner of a handkerchief.”

In example (19), the converbs express simultaneous actions in relation to the predicate and are postpositive. Less frequently, in Macedonian, the converb can also express an antecedent action (KONESKI 2021: 393).

Eastern Slavic languages:

Russian:

The past converb expresses an antecedent action, while the present one a simultaneous action in relation to the predicate. However, the past converb can also have a simultaneous meaning when formed from imperfective verbs, but this is rare. Similarly, the present converb can also have an antecedential meaning, but this is considered archaic, and either converb can express logical subsequentuality in exceptional cases, depending on the context (BIKKULOVA 2011: URL).

In Russian, converbs can also be contextual, i.e. they can have various non-temporal meanings, such as cause, condition, purpose, consequence, permission, or mode (BIKKULOVA 2011: URL).

(20) ***Напившись** чаю и **отдохнувши**, мы поехали дальше.* [В. А. Обручев. *В джунглях Центральной Азии* (1951)] (BIKKULOVA 2011: URL) “After we had tea and rested, we continued our journey.”

In example (20), the past converbs express antecedence and come before the main clause.

(21) *Она громко смеялась, **закидывая** назад маленькую красивую голову.* [В. Шукшин. *Ленька* (1960-1971)] (BIKKULOVA 2011: URL) “She laughed out loud, her beautiful little head thrown back.”

In example (21), the present converb is postpositive in relation to the main clause and expresses action simultaneous with the predicate.

Ukrainian:

In Ukrainian, like in Russian, the past converb expresses antecedence, and the present one expresses simultaneity. In addition, the past converb can also carry a simultaneous meaning (MEDYNSKAJA 2014: 77). Converbs can also be contextual, i.e. they can have secondary semantics (MEDYNSKAJA 2014: 79)

(22) *Над шанцями світової війни скреготали чавунні зуби смерті і жерли кинуті оселі, а житці їхні з малими дітьми, **склавши** убогі манатки на вози, тяглися битими шляхами на тихий схід.* [О. Слісаренко] (MEDYNSKAJA 2014: 78) "Iron teeth gnashed at the prospects of world war, houses were left to die and flooded, and their owners with young children were herded along well-trodden paths to the quiet East, their shabby belongings piled on wagons."

In example (22), the past converb is antecedential relative to the predicate.

(23) ***Водячи** паровоз, Мармура вчив свого помічника підтримувати у котлі потрібний тиск пари* [С. Чорнобривець] (MEDYNSKAJA 2014: 77) "Driving the locomotive, Marmura taught his assistant to maintain the required steam pressure in the boiler."

In example (23), the present converb is simultaneous with the action expressed by the predicate.

Belarusian:

The semantics of converbs is the same as in the other two Eastern Slavic languages, i.e. the past converb has an antecedential meaning, while the present one has a simultaneous meaning relative to the predicate. There can also be contextual converbs with non-temporal meanings (KRIVITSKIJ 1978: 280).

(24) *Не **пасеяўшы**, не пажнеш* [Пословица] (KRIVITSKIJ 1978: 280) "You reap what you sow. [lit.: Not having sowed, you don't reap.]"

In example (24), the past converb is antecedential in relation to the present tense predicate.

(25) ***Вяртаючыся** дадому праз лес, Антоць раптамь адчуў на сабе чыйсьцы позірк* [Адам Русак] (KRIVITSKIJ 1978: 280) "On his way home through the forest, Anton suddenly felt someone's eyes on him."

In example (25), the present converb expresses an action simultaneous with the predicate.

Western Slavic languages:

Czech:

In Czech, the past converb expresses an antecedent action, while the present one expresses a simultaneous action, but when the present converb is formed from a perfective verb, it expresses a future antecedence. However, the use of this semantics is not typical in modern Czech and is considered archaic (HAVRÁNEK and JEDLIČKA 1998: 111-112, NÁDVORNIKOVÁ 2020: 57–

58). In a suitable context, converbs can also acquire secondary semantics (NÁDVERNÍKOVÁ 2020: 58).

(26) **Přistoupiv** k chodcům, zeptal se na cestu. (HAVRÁNEK and JEDLIČKA 1998: 112) "When approaching the pedestrians, he asked for directions."

In example (26), the past converb has an antecedential meaning in relation to the predicate.

(27) *Chlapci zapírali **zardívající** se.* "The boys denied it, laughing."

In example (27), the action expressed by the present converb is simultaneous with the predicate.

Slovak:

A present converb expresses an action that is simultaneous with the predicate, but if it is formed from a perfective verb, it can also have an antecedential meaning (CORPS 1997: 86).

(28) **Raňajkujúc** som počúval správy. "While having breakfast I listened to the news."

In example (28) the present tense converb expresses simultaneity in relation to the predicate.

Polish:

The past converb expresses an antecedent action, while the present converb expresses an action simultaneous with the predicate (WIESŁAW 1996: 153–4). In addition to temporal semantics, there are also secondary meanings (BOJAŁKOWSKA 2010: 199, 200, and 229).

(29) **Powróciwszy** do Kowna sporządził szczegółowy raport z przeprowadzonych w Moskwie rozmów [Korp IPI PAN] (BOJAŁKOWSKA 2010: 205) "On his return to Kaunas, he prepared a detailed report on the Moscow talks."

In example (29), the past converb expresses a past action in relation to the predicate. (30) *Wychodzę, nie **mówiąc** „do widzenia”* (WESŁAW 1996: 153)

"I'm leaving without saying goodbye."

In example (30), the present converb is simultaneous with the predicate.

The semantic analysis shows that converbs are semantically identical in Slavic languages, i.e. the past converbs express antecedence, while the present one is simultaneous with the predicate. Exceptions are also observed, but they are less frequent. Furthermore, in most Slavic languages, converbs can be contextual, i.e. they acquire secondary meanings. It can be noted that in those languages where the use of converbs is more frequent (e.g. Serbian, Croatian, or Russian), secondary semantics are also more frequent.

Table 2. The semantics of converbs in Slavic languages

Language	Present tense semantics	Past tense semantics	Secondary semantics
Serbian	simultaneity (antecedence, subsequence)	antecedence (simultaneity, subsequence)	yes
Croatian	simultaneity (antecedence, subsequence)	antecedence (simultaneity, subsequence)	yes
Bulgarian	simultaneity (antecedence, subsequence)	/	yes
Macedonian	simultaneity (antecedence)	/	yes
Slovenian	simultaneity	antecedence	yes
Russian	simultaneity, antecedence, subsequence	antecedence, simultaneity, subsequence	yes
Belarusian	simultaneity	antecedence	yes
Ukrainian	simultaneity	antecedence	yes
Czech	simultaneity, subsequence	antecedence	yes
Slovak	simultaneity	antecedence	
Polish	simultaneity	antecedence	yes

5. Conclusion

Syntactic and semantic investigations show that converbs in modern Slavic languages are identical in meaning and usage. They can be said to form a typologically unified category in Slavic languages. Exceptions are those languages where the former two converbs now retain only one, but in those Slavic languages where both converbs are used, the past converb is rare and often considered archaic. This is an instance of language change, which suggests that in Slavic languages where there are still two converbs today, there will probably be only one in the future.

Literature

- BIKKULOVA 2011 = БИККУЛОВА О.С. Деепричастие // Русская корпусная грамматика. http://www.rusgram.ru/%D0%94%D0%B5%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5?fbclid=IwAR0hIhvyRBcooPURcBC38Ea1sFZ1-mB4wQqLg_BDTI7rsDfKt_l3Fdfn_OAK (Date of access 03.10.2022)
- BOJAŁKOWSKA 2010 = BOJAŁKOWSKA K. Opis składniowy imiesłowów przysłówkowych we współczesnym języku polskim. Toruń Wydawnictwo Naukowe UMK., 2010.
- BONDARKO 1987 = БОНДАРКО В.А. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград, 1987.
- BRTKOVÁ 2004 = BRTKOVÁ K. K otázke prekladu ruských prechodníkov do slovenčiny // Opera Slavica, 2004. 14. 20–31.
- CORPS 1997 = CORPS P. Základy slovenskej gramatiky, Slovakia, 1997.
- COUPE 2005 = COUPE A.R. Converbs. // Keith Brown, ed. Encyclopedia of languages and linguistics. Oxford: Elsevier, 2005. 145–152. DOI: [10.1016/B0-08-044854-2/00183-8](https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00183-8)
- DERBYSHIRE 1993 = DERBYSHIRE W. A basic reference grammar of Slovene. Columbus: Slavica Publishers, Inc., 1993.
- GRADINAROVA 2014 = ГРАДИНАРОВА А.А. Деепричастный оборот в болгарском языке на фоне русского // Acta Linguistica, 2014. 8. 64–95.
- GRKOVA 2020 = ГРКОВА М. Морфологија на савремениот македонски јазик, Штип: Универзитет „Гоце Делчев“ – Штип., 2020. DOI: [10.46763/9786082447605](https://doi.org/10.46763/9786082447605)
- HASPELMATH 1995 = HASPELMATH M. The converb as a crosslinguistically valid category // Martin Haspelmath and Ekkahard König, (ed.) Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1995. 1–55. DOI: [10.1515/9783110884463-003](https://doi.org/10.1515/9783110884463-003)
- HAVRÁNEK, JEDLIČKA 1998 = Havránek B., Jedlička A. Stručná mluvnice česká. Praha: Fortuna, 1998.
- IVIĆ 1983 = IVIĆ M. O srpskohrvatskim gerundima // Lingvistički ogledi. Beograd: Prosveta, 1983.
- KONESKI 2021 = КОНЕСКИ Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Македонска Академија на науките на уметностите, 2021.
- KRIVITSKIJ 1978 = КРИВИЦКИЙ Л.А., Михневич, А.Е., Подлужный, А.И. Белорусский язык для небелорусов. Минск: Выш. шк., 1978.
- MEDYNSKAJA 2014 = МЕДЫНСКАЯ Н.Н. Грамматические особенности деепричастий как форм признаков слов в современном украинском языке // Приволжский научный вестник, 2014. № 9 (37). 76–80.
- MIKOLIČ JUŽNIČ 2012 = MIKOLIČ JUŽNIČ T. Korpusna analiza slovenskega deležja v različnih besedilnih tipih // Erjavec Tomaž, Žganec Gros, Jerneja (ed.) Proceedings of the 15th International Multiconference Information Society – IS 2012, volume C. 147–152.
- MILAS 2007 = MILAS M. Uporaba glagolskoga priloga prošlog // Jezik, Časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika, 2007. LIV: 1–14.

- NÁDVORNIKOVÁ 2021 = Nádvořníková O. Stylistic normalisation, convergence and cross-linguistic interference in translation: The case of the Czech transgressive // Mario Bisiada, (ed.) Empirical studies in translation and discourse. Berlin: Language Science Press, 2021. 53–91.
- NEDJALKOV 1990 = Недялков, В.П. Основные типы деепричастий // Виктор Храковский, (ed.) Типология и грамматика. Москва: Академия наук СССР, Институт языкознания, 1990.
- NITSOLOVA 2008 = Ницолова Р. Българска граматика. Морфология, София: Университетско издателство Св. Климент Охридски, 2008.
- PIPER 2005 = Пипер П. Синтакса савременог српског језика: проста реченица, Београд: Институт за српски језик САНУ, Нови Сад: Матица српска, 2005.
- POPOVIĆ 2011= Попович Л. Таксисне значења деепричастја в србском језику // Јужнословенски филолог 67, 2011. 135–162.
- STOJANOV 1964 = Стојанов С. Граматика на българският книжовен език. София: Наука и изкуство, 1964.
- WIESŁAW 1996 = Wiesław S.T. A mai lengyel nyelv leíró nyelvtana: I. Lengyel alaktan. Debrecen: KLTE, 1996.

NYELVÉSZET
SZAKMÓDSZERTAN

TIMEA BOCKOVAC
(Pečuh, Mađarska)

MORANA PLAVAC
(Baja, Mađarska)

Tko se to našao u čudnovatim zgodama: Hlapić ili Dikics?

Sažetak: Godina 2024. u znaku je 150. obljetnice rođenja Ivane Brlić-Mažuranić, glasovite pripovjedačice i međunarodno poznate spisateljice za djecu te jedne od najprevođenijih hrvatskih književnica. Pisala je poeziju, eseje i dnevnik, zbirke pripovjedaka i pjesama za djecu, a pravu pozornost književne publike stječe 1913. godine objavom romana za djecu *Čudnovate zgode šegrta Hlapića*, dok se njezinim krunskim djelom smatra zbirka pripovjedaka *Priče iz davnine* objavljena 1916. godine. U radu je riječ o autoričinoj književnoj recepciji u Mađarskoj, a glavni dio usmjerit će se na analizu prijevodnih rješenja glagola u romanu *Čudnovate zgode šegrta Hlapića*. Dobiveni rezultati doprinijet će proširenju znanja o prevoditeljskim tehnikama hrvatsko-mađarskih tekstova, odnosno mogu li se implementirati u nastavnu cjelinu obrade teksta.

Ključne riječi: recepcija, analiza prijevoda, prijevodna rješenja, glagoli

1. O autorici

Najglasovitiju hrvatsku spisateljicu za djecu, Ivanu Brlić-Mažuranić (1874. – 1938.), unuku bana Ivana Mažuranića, kćer Vladimira Mažuranića nerijetko nazivaju i hrvatskim Andersenom, a u novije vrijeme uspoređuju je i s legendarnim piscem *Gospodara prstenova* J. R. R. Tolkienom (ZEC:URL). Višejezična autorica svoju karijeru književnice započinje pisanjem dvojezičnog dnevnika. Prvi njezin članak objavljen je 6. rujna 1900. pod naslovom *Sajam u Bosni*, a svoju prvu zbirku pripovjedaka i pjesama za djecu *Valjani i nevaljani* objelodanila je 1902. Veću pozornost čitateljske publike i kritike privukla je s najobjavljivijim romanom naslova *Čudnovate zgode šegrta Hlapića*, a za *Priče iz davnine* bila je prvi put nominirana za Nobelovu nagradu (1931.). Godine 1937. postaje prvom dopisnom članicom Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, a djela su joj prevedena na sve važnije svjetske jezike.

2. O romanu *Čudnovate zgode šegrta Hlapića*

Jasna Ažman (2013: 108) istražujući rukopisnu ostavštinu Ivane Brlić-Mažuranić navodi „kako u svibnju 1912. Ivana piše majci da je započela pisati knjigu za nećaka Hristu, sina svoje sestre Alke: Zove se »Čudnovate zgode

šegrta Hlapića«. Zdenki se jako dopada... mogla bi Ti (ako ti se pripoviest dopadne) probati sreću kod Kuglija. Možda nam ju otkupi. To bi bila jako dobra knjiga za djecu od 6–8 godina, a dala bi se i zgodno ilustrirati.“). Berislav Majhut ističe kako se djelo pokušalo uklopiti u razne ideološke kalupe i književne kontekste (2008: 44), a u tom procesu razlikuje tri razdoblja. Prvo je obilježeno zaključcima A. G. Matoša koji je izjavio kako se radi o klasičnom remek-djelu proze, drugo u kojem se nastoji postići repozicioniranje teksta iz realističnog u fantastičnu književnost, dok se u trećoj od 1970-ih godina ukazuje težnja kako bi se uvriježila kategorizacija prvog hrvatskog dječjeg romana.

Roman je naišao na izvrstan prijam kod čitatelja i kritike, a Hrvatska udruga istraživača dječje književnosti pokrenula je projekt o međunarodnoj vidljivosti romana o Hlapiću, u sklopu kojeg su sakupljeni svi prijevodi u periodu od nastanka teksta (1913.) do najnovijeg, zadnjeg prijevoda na turski jezik (2014.). Hlapić – promicatelj hrvatske kulture – doživio je 130 izdanja i razne prerade, prvi prijevod objavljen mu je 1939. na češkom jeziku, 1965. na slovenskom, dok je na engleskom dostupan od 1971. godine. Prekretnicom se smatra 1998. kada je „putem esperanta, toga jezika-mosta, priča o Hlapiću postala dostupna dvjema milijardama čitatelja, nakon što je s esperanta prevedena na japanski, bengalski, kineski, perzijski, vijetnamski i korejski jezik (Štimec 2013: 254).“ Tema romana sadržana je u samom naslovu, a riječ je o sedmodnevnom putovanju glavnoga junaka. Naime, Hlapić je postolarski šegr, dijete bez roditelja, koji živi i radi kod majstora Mrkonje. Majstor Mrkonja, kako ga i samo ime karakterizira, uvijek je ljut, neumoljiv i nepravedan prema malom Hlapiću. Uzrok je takvom ponašanju majstora Mrkonje žalost i nesreća koja se dogodila njemu i njegovoj ženi, a što će se na kraju romana otkriti, razriješiti i ipak sretno završiti. Vrhunac nepravde bio je kada je majstor Mrkonja za krivo skrojene čizmice optužio Hlapića koji se odlučio na bijeg, odlazak u svijet, ostavivši poruku Majstoru i uzevši čizmice koje će na putu razgaziti. Tako počinje Hlapićeva pustolovina koja traje sedam dana. Upravo tih sedam dana čini kronologijski slijed događaja. Skok (1995: 51) navodi kako Hlapićevo putovanje traje točno *sedam* dana, pa je autorica i poglavlja svoga djela obilježila danima putovanja s time što je nakon šestog dana uslijedila sedma noć Hlapićeva putovanja kao označnica poglavlja. Izbor takve vremenske kompozicije, nastavlja Skok (1995: 51), bio je uvjetovan osloncem na klasična djela svjetske literature zasnovana na zaokruženim vremenskim isječcima ili ciklusima, no autorica je ovdje vodila računa i o čitateljskoj, dječjoj recepciji, kojoj kronologijsko-vremenski slijed radnje omogućuje i olakšava njezino praćenje. Dakle, kompozicija romana prati kronologijski slijed zbivanja koji je vremenski određen jer se radi o jednom tjednu te ima čvrstu građu koju čini uvod u priču, zaplet priče, postupno dovođenje zapleta prema vrhuncu, njegov rasplet, razrješenje te se priča zaokružuje epilogom. Ono što je značajno za autoričin jezik i stil jest aforističnost, gnomičnost i sentencioznost. Autorica stilizira tekst mudrim izrekama i pučkim poslovicama, a ne nedostaje ni

humora što daje cijelom romanu vedrinu. Upravo u humorističkim dijalozima, kako piše Skok (1995: 74), dolazi najviše do izražaja Hlapićeva vedrina, duhovitost, njegova dosjetljivost, pa i mudrost.

3. O mađarskoj recepciji Ivane Brlić Mažuranić

U 7. broju kulturnog časopisa za književnost i umjetnost *Nyugat*, 1936. godine novinar, esejist i kritičar Ernő Kázmér (1892. – 1941.) objavljuje članak pod naslovom *Kis riportok a jugoszláv irodalomból* (Male reportaže iz jugoslavenske književnosti). U posebnom dijelu teksta govori o autorici *Ivani Brlic-Mazurancics* ističući kako ju je predvodila misao prema kojem pisati za djecu nije mala stvar jer su oni najidealniji čitatelji, publika čiji ukus još nitko nije pokvario, i pisati za njih, svidjeti im se, najljepši je spisateljski zadatak, najljepši trijumf. Kázmér *Čudnovate zgode šegrta Hlapića* prevodi kao *Hlapics inas különös élményei* (*Neobični doživljaji šegrta Hlapića*), i navodi kako se radi o prvom, pravom, iskrenom hrvatskom dječjem romanu čiji je junak nestašni, divlji Hlapić, „duhovni brat američkom Huckleberryju Finnu, a možda i pomalo Nilsu Holgersonu, u čijem liku hrvatska pjesnikinja bajki slijedi staze svoje velike uzorice Selme Lagerlöf, iako je njezin kritičar Franjo Bučar naziva „hrvatskim Andersenom“, a ovu vrijednu oznaku dobila je za zbirku priča *Priče iz davnine* (KÁZMÉR:URL).“ *Priče* je preveo István Bodrits, a izdane su 1965., 1979. i 1982. godine u Novom Sadu. U pogovoru drugoga izdanja Géza Juhász, povjesničar književnosti, predstavlja autoricu osvrnuvši se na za nju svojstven, čaroban i maštovit svijet bajki, a navodeći i zasluge prevoditelja. Analizirajući isti taj prijevod, Anikó Utasi zaključuje kako „Stječe se dojam da je prijevod *Priča Ivane Brlić-Mažuranić* na mađarski jezik rađen površno, neprecizno, a katkada i nestručno.“ (UTASSI 2017: 217), te naglašava potrebu za osuvremenjivanjem mađarskoga teksta.

Roman *Čudnovate zgode šegrta Hlapića* na mađarskom jeziku doživio je samo jedan prijevod, objavljen 1978. godine u nakladi od 14.800 primjeraka prestižne izdavačke kuće za djecu i mladež Móra Könyvkiadó, pod naslovom *Dikics inas csudálatos viszontagságai* ističući neobične pustolovine maloga junaka. Prijevod ima 135 stranica, tvrd uzvez u boji, a u knjizi se nalaze ilustracije vrhunskog umjetnika Károlya Reicha. Prijevod nije digitaliziran, iznimno ga je teško pronaći u prodaji, a rijetko je viđen i u fondu knjižnica.

4. O prevoditeljici

Povjesničar književnosti László Bedecs navodi kako je književnica, povjesničarka umjetnosti, prevoditeljica, kći pedagoga Gábora Keményja, i supruga filozofa Béle Hamvasa, Katalin Kemény rođena 31. kolovoza 1909. godine u Transilvaniji, u Tordi. Cijela joj je obitelj protjerana iz Rumunjske te su se nastanili u Budimpešti gdje je 1932. godine na Sveučilištu Péter Pázmány stekla doktorat iz mađarskog i francuskog jezika te filozofije. Od 1930-ih

godina njezini su radovi, prijevodi i novele objavljivani u časopisima (*Eszétikai szemle, Erdélyi Múzeum, Független Szemle, A jövő útjain, Korunk Szava, Magyar Írás, Páosztortúz, Szocializmus*). Nakon smrti svojega oca uređuje njegovu ostavštinu iz povijesti pedagogije, a rezultat je toga temeljno djelo pedagoških znanosti *Formiranje pedagoške svijesti u Mađarskoj* (BEDECS:URL). Godine 1936. u njezinu prijevodu, uz predgovor Marcella Benedeka, objavljeno je Rabelaisovo djelo *Gargantua* (Knjiga Pantagruelovih veselja). Esejist, pisac i filozof Béla Hamvas napisao je kritiku o prijevodu što je dovelo do njihova osobnog susreta, duboke ljubavi i nakon nekoliko mjeseci poznanstva, do braka koji je trajao sve do Hamvasove smrti, do 1968. godine. Par je najprije živio u Budimpešti dok njihov stan nije pogođen bombom tijekom Drugog svjetskog rata, pri čemu su njihova knjižnica i brojni rukopisi uništeni. Za vrijeme komunističkog režima djela im nisu mogla biti objavljena, a tek su 1980-ih godina počela izlaziti u tajnom izdanju, a zatim u 1990-ima, s desetljećima zakašnjenja. Katalin Kemény predavala je francuski jezik, a nakon smrti svojega supruga bavila se uređivanjem Hamvasove ostavštine. Preminula je 10. siječnja 2004. godine u Budimpešti. Katalin Kemény prevodila je s francuskog i kineskog jezika, s hrvatskog nam je poznat jedini njezin prijevod romana *Cudnovate zgone šegrta Hlapića*, koji je s originalnim tekstom usporedio Zoltán Csuka, vrsni prevoditelj. Vrijednosti teksta doprinosi rad ilustratora Károlya Reicha (1922. – 1988.), dobitnika Kossuthove i Munkácsyjeve nagrade, vrhunskog umjetnika. Osim izvanrednih djela mađarske i strane književnosti, ponajprije je ilustrirao knjige za mlade. Tijekom proteklih desetljeća, sve do smrti 1988. godine, oživio je brojne likove iz dječjih knjiga. Cijele su generacije odrasle na ilustracijama njegovih priča i zbirki pjesama. Njegova djela, crteži, grafike, bakrorezi nisu nepoznati ni ljubiteljima priča ni ljubiteljima umjetnosti. Reichovu umjetnost karakterizirale su fleksibilne, lagane linije, čisto, jednostavno, razigrano i poetski suptilno prikazivanje. Ljubav prema prirodi, životinjama i ljudima te humanizam koji iz toga proizlazi, prožimali su i njegove samostalne slikarske grafike i njegove ilustracije. U mađarskom izdanju šegrta Hlapića dominiraju harmonične kompozicije, čiste i jednostavne linije, šarolikost boja i raskoš motiva, stoga crteži zrače liričnost i vedrinu.

5. Prevoditeljska rješenja

Pustolovne priče o malom šegrtu odlikuju se zanimljivom fabulom, šarolikim opisima, dinamičnim i živim dijalozima u kojima prepoznajemo narodne izreke, šaljive usporedbe, ustaljene jezične sintagme i mnoštvo realija čiji prijevod iziskuje profesionalna i kreativna prijevodna rješenja. Uzimajući u obzir kako je tekst namijenjen dječjoj čitateljskoj publici, prevoditeljica se našla pred velikim izazovom, ali je uspješno premostila jezični jaz između dva tipološki sasvim različita jezika, hrvatskoga i mađarskoga.

5.1. Prijevod osobnih imena

Habrle – Žagar (2024: 153) pišu kako se često u prijevodima imena podomaćuju kako bi čitanje bilo jednostavnije i kako bi bolje odražavalo kulturološke aspekte djela stavljajući naglasak na činjenicu da je odluka o prevođenju imena ili zadržavanju u originalu u potpunosti prepuštena prevoditelju. Cimer – Liermann-Zeljak (2012: 261) ističu „kako prevođenje imena, a posebno prevođenje u dječjoj literaturi, nije samo trivijalan problem, već vrlo kompleksno i osjetljivo pitanje koje od prevoditelja zahtijeva pomno razmatranje i izbor s obzirom na funkciju koju ime ima u književnom djelu, a s obzirom na izvorni jezik, te na funkciju imena u ciljnom jeziku“. U izvornom tekstu nalazi se jedanaest antroponima, od kojih se osam odnosi na ljude (Jana, Hlapić, Grga, Gita, Marica, Marko, Miško, Mrkonja), a tri na životinje (Bundaš, Kokodan, Soko). Prema Vermesu (2005: 112–117) pri prevođenju antroponima razlikujemo četiri postupka, a to su preuzimanje i presađivanje izvornog oblika u ciljni tekst (1), zamjena, pri kojoj se ime zamjenjuje s konvencionalnom inačicom u drugome jeziku (2), prijevod u užem smislu riječi, tijekom kojeg se ime zamjenjuje s izrazom koji potiče iste analitične implikacije (3), i modifikaciju kada se prevedena inačica tek djelomično poklapa logično i konvencionalno s izvornikom (4). Pri klasifikaciji prevoditeljskih postupaka Katalin Kemény nailazimo na primjere za sve navedene načine, iako nisu poznati razlozi odabira pojedinih oblika, ali se uočava nastojanje kako bi se zadržala funkcija i motiviranost imena.

Najuočljivije je kako je ime glavnog lika šegrt Hlapića u potpunosti promijenjeno, od Hlapića postaje *Dikicsom*. Etimologiju imena (ili prezimena) Hlapić moguće je pojasniti s imenicom *hlâp* sa značenjem kmet, težak, sluga, kojim se ukazuje na podređen društveno-socijalni status lika, ali i s glagolom *hlapiti* u prenesenom značenju ništa ne raditi, tj. dangubiti. Mađarska opća imenica „dikics“ ima značenje dugog, savijenog noža s oštrim vrhom, obično obloženog platnom ili kožom na mjestu držanja, koji obučari koriste za rezanje kože, posebno za zaobljavanje potplata i peta. Postajući vlastitom imenicom, dominira etimološko značenje, kojim se ukazuje na njegov zanat, a ne primarno na društveni status.

Također je enigmatično zašto je izvorni oblik imena ženske junakinje *Gita* ispušten i zamijenjen u mađarskom jeziku iznimno rijetko korištenim imenom *Esztella* sa značenjem zvijezde (4).

Nadalje, neobičan je prevoditeljski postupak motivirani nadimak Majstora Mrkonju prevesti kao *Hörcsög mester*, tj. majstor Hrčak, jer pretvorivši ga time u poljskog glodavca ime u potpunosti gubi asocijacije na njegovu već spomenutu primarnu zlovoljnu, mrku narav (4).

Među pozitivno opisanim sporednim likovima ističu se *Marko* i *Miško*, čija se imena mogu pronaći u različitim inačicama u mađarskom jeziku, npr. kao *Márkó* ili *Márk*, odnosno *Miska* kao skraćeni i arhaični oblik imena *Mihály*. Odabranim imenima uspješno je sačuvana familijarna varijanta izvornika (3).

Ostala ženska imena *Jana* i *Marica* preuzimaju se u potpunosti, bez ikakvih promjena (1).

Ekvivalentna imena negativno okarakteriziranog lika *Rđavog Grge* će nakon postupka transmorfemizacije s grafičkim prilagođavanjem postati *Gergely*, dok se njegovim prezimenom *Gonosz* ističe kako je on zao čovjek.

Primjeri iz zoonimije su *Bundaš*, koji se nakon transfonemizacije s grafičkim prilagođavanjem preuzima kao *Bundás* (2), kod imena ptice grabljivice sokola dolazi do vokalizacije i ispadanja vokala te tako u izvorniku stoji oblik *Soko*, a u prijevodu je zamijenjen istoznačnim leksemom *Sólyom* (3), a ime magarca *Kokodan*, premda neobično zvuči, ipak je sačuvano i nepromijenjeno preuzeto (1).

Promatrajući mađarske antropnime uočavamo nedostatak koncepcijski jednoznačnih rješenja kao i neobične odabire uslijed kojih kod nekih primjera znatno mijenja semantika izvornog oblika i dolazi do izdvojenosti iz izvornoga konteksta.

5.2. Prijevod frazeoloških jedinica

Prema Iviru (IVIR:1985:136) tri su moguća pristupa pri prevođenju frazeoloških jedinica, kada u polaznom i u ciljnom jeziku postoji sličan frazem istoga značenja, kada u polaznom i ciljnom jeziku postoji različit frazem istoga značenja, odnosno kada u polaznom jeziku ne postoji ekvivalent frazema. Pavlović prema Bakeru dodaje uz to još potpuno izostavljanje frazema, parafrazu i kompenzaciju (Pavlović, 2015: 89). U nastavku se donose primjeri za razna prevoditeljska rješenja.

a) Primjer za doslovni prijevod izvornog frazema:

Gdje se lud s mudrim bije, tu jednaka borba nije. (ČZ: 40)

Ahol egy oktondi meg egy bölcs csap össze, ott a harc nem egyenlő. (DI: 31)

U mađarskom jeziku ne postoji ta poslovice, stoga je rečenica prevedena uz nijansirano značenje imenice „lud“ koja je u prijevodu eufemizirana, a zbog morfosintaktičkih razloga dolazi i do gubljenja rime.

b) Potpuno izostavljanje ili prilagodba primjećuje se kod frazema u kojima se spominje Bog, i to najvjerojatnije zbog ideološkog konteksta vremena nastanka prijevoda, premda je jasna autoričina namjera naglašavanja kršćanskoga svjetonazora kao temelja etičnoga ponašanja i življenja.

„Hvala Bogu“ – reče Hlapić i sjedne pod jedno drvo. (ČZ: 28)

Végre! – sóhajtotta Dikics elégedetten, és leült egy fa alá. (DI: 20)

U prijevodu se ističe olakšanje i kako je konačno sve dobro prošlo, promijenjen je i glagol, jer se umjesto *reče* koristi *uzdahne*, odnosno dodaje se i prilog *zadovoljno* koji ukazuje na stanje lika.

„Bože moj“, mislio je Hlapić teško je s djevojčicama. (ČZ: 47)

„Te jó ég“ – gondolta Dikics –, de nehéz a lányokkal! (DI: 38)

U prijevodu se glavni junak služi uzvikom, koji značenjski odgovara originalu.

„**Bože moj**, kako li će to biti bez vatrogasaca“, pomislio je Hlapić kad su došli k vatri. (ČZ: 61)

„Ugyan, hogy lehet ezt eloltani tűzoltók nélkül?“ – gondolta Dikics, amikor a tűz közelébe ért. (DI: 50)

Mađarsko pitanje počinje s riječi koja može biti prilog, ali i rečenični modifikator, iz konteksta se potvrđuje priložno značenje.

Bog te blagoslovio, dijete moje! (ČZ: 67)

Jóttett helyébe, jót várj, gyermekem! (DI: 56)

Mađarska sintagma ima značenje „dobro djelo se vraća dobrim“, i vrlo se često koristi kao obrat u usmenoj književnosti, ali je znatno slabijeg semantičkog intenziteta nego izvorna rečenica.

Bogzna hoću li ikada opet vidjeti toga konjića. (ČZ: 84)

Vajon látom-e még egyszer ezt a lovacskát? (DI: 72)

Radi se o pojednostavljenom pitanju, bez uvodne sintagme.

Sad **zbogom** djeco, djeco, hvala vam! (ČZ: 103)

Most elválunk, gyerekek, köszönöm nektek a segítségét! (DI: 91)

U prvom dijelu mađarske rečenice ističe se trenutak rastanka (sada se rastajemo), a drugi je dio uz izricanje zahvale proširen i objektom (hvala vam na pomoći).

„Idi sada s milim **Bogom** i žuri se da utečeš iz ove šume!“ (ČZ: 135)

„Menj **békével**, és igyekezz, hogy kijuss ebből az erdőből!“ (DI: 121)

Umjesto božje pomoći priziva se mir, koji bi trebao pratiti malog putnika. Jasno je vidljiva namjera ili potreba za izbjegavanjem imenice Bog.

c) Primjer frazema s ekvivalentom u ciljnom jeziku

„Eto vidiš“, reče on Giti, „spavat ćeš kao **graškova kraljevna**.“ (ČZ: 106)

Ne búsulj, úgy fogsz aludni, akár **Borsószem királykisasszony!** (DI: 93)

U prizoru kada bi Hlapić trebao utješiti Gitu autorica se služi parafrazom Andersenove priče *Kraljevna na zrnju graška*, koja je dobro poznata i mađarskoj čitateljskoj publici.

d) Primjer postojećeg frazema sličnog sadržaja, a različite forme

Klanjam se. Klanjam se. (ČZ: 57)

Ajánlom magam! Ajánlom magam! Ajánlom magam! (DI: 46)

Šaljivi pozdrav papige preinačen je u značenje „preporučujem se“, što adekvatno zamjenjuje izvorni oblik.

5.3. Prijevod glagola

Tijekom paralelnog čitanja posebna je pozornost posvećena glagolima, tj. različitim rješenjima prevoditeljice kada su u pitanju glagoli. Dakako, prevoditeljica pažljivo prevodi tekst na svim razinama (morfološkoj, sintaktičkoj, leksičkoj, semantičkoj), ali u nastavku će se detaljnije prikazati glagoli prijevoda i izvornika. Jasno je da se književni tekstovi ne mogu doslovno prevoditi, a prevoditelj mora imati poseban osjećaj za riječ, tekst i njegov smisao razmišljajući neprestano kako tekst prilagoditi drugom jeziku, a da se ne gubi smisao. Kinga Klaudy u svojoj klasifikaciji prevoditeljskih postupaka razlikuje gramatičke i leksičke transpozicije, a navodi i to kako se glagoli najčešće prevode konkretiziranjem značenja što se može objasniti posebnostima te vrste riječi u mađarskome jeziku. Jedna je od najkarakterističnijih osobina glagola bogatstvo prefiksa i sufiksa (trenutni, kauzativni, deminutivni itd.), s pomoću kojih razlikujemo nijansirana značenja, dok isto nije uvijek moguće postići u nekim drugim indoeuropskim jezicima (Klaudy:URL). U korpusu analize potvrđeno je kako se najčešće konkretiziraju glagoli kojima se izriču pokreti, početak radnje, odnosno citatnost.

Zanimljivo je pratiti prijevod glagola *íci*. Naime, neće se tako olako prevoditi glagol *íci*, nego će često biti zamijenjen drugim glagolom koji je prilagođeniji kontekstu. Tako će glagol „*íci*“ u rečenici *Oblaci ne idu onako, kako ljudi govore,..*(ČZ:128), biti preveden glagolom *vonul* koji je možda primjereniji imenici „*oblaci*“, a u značenju *kretati se, prolaziti*, stoga će rečenica glasiti *A felhők nem aszerint vonulnak, ahogy az emberek mondják,..*(DI: 115). Želeći dočarati ionako već napetu situaciju maglovite noći u kojoj su se našli Gita i Hlapić, na cesti po kojoj se netko približava i ... *već svatko misli „to ide neprijatelj“* (ČZ: 122), prevoditeljica se odlučila za glagol *közeledik* u značenju *bližiti se, približavati se nekome/nečemu*, a ako se u mrkloj maglovitoj noći netko približava, onda je prva pomisao **ellenség közeledik** (DI: 109), dakle neprijatelj, protivnik, svakako netko tko ne želi dobro polako se primiče kroz maglu.

U Hlapićevoj pustolovini, kretanju po putevima, stazama, cestama Brlić-Mažuranić vrlo često koristi glagol *íci*, naravno aktivan glagol koji znači *kretati se* u nekom smjeru, *napredovati* na svojem putu, *kretati se* prema nekom cilju, a ponekad i bez cilja. Prevoditeljica će i dalje nastojati dinamiku radnje dočarati i drugim glagolima. Tako u rečenici *Išao je tako Hlapić, išao po cesti i razmišljao je tako kao da ide u četvrti razred pučke škole* (ČZ: 45), prevoditeljica sažima i koristi glagol **bandukolt** (‘*klatiti se*’, ‘*vući se*’), kojim se pomalo narušava ritam izvorne rečenice u kojoj ponavljanje doprinosi naglašavanju monotonosti, koji bi se mogao izreći s glagolima *megy, mendegél, baktat*.

Bandukolt *Dikics az országu-ton, és úgy elgondolkozott, mint egy aprócska kis diák.* (DI: 36)

Te dok tako Hlapić i Bundaš idu dalje po toj cesti *Dugo su Hlapić i Bundaš veselo išli po cesti* (ČZ: 31), prevoditeljica koristi novi glagol **baktat** (‘*gegati*

se', 'vući se') Olyan sokáig **baktatott** vidáman Dikics Bundással az országúton, (DI: 22) stvarajući tako sliku bezbrižnoga Hlapića koji polako ide tim svojim putem bez nekakvih očekivanja, kreće se polagano s noge na nogu, bez žurbe u dobrom društvu svojega Bundaša i kao da čeka da mu pustolovina sama dođe. U izvornom tekstu na dugi put ukazuje se rečenicom:

*Predvečer toga dana **bio je** Hlapić još uvijek na cesti.* (ČZ: 40).

U mađarskoj inačici gubi se pomoćni glagol, a ubacuje se glagol koji upućuje na monotono, opterećeno, beznadno dugo hodanje:

*Alkonyatkor Dikics még mindig az országutat **rótt**a.* (DI: 31)

No, nije to slučaj samo s glagolom *íci*, nego da bi izbjegla ponavljanje i drugih glagola u romanu i pridonijela živosti same priče, Hlapićevih zgoda i nezgoda u kojima se on i Gita nalaze i snalaze, Katalin Kemény vrlo često jedan glagol zamjenjuje glagolskim bliskoznačnicama. Tako u razgovoru s težacima Hlapić otkriva kako mu je netko ukrao čizmice te se otkriva kako su i težacima ukradene stvari.

„Ukrao mi je netko jutros čizme“, odvrati Hlapić.

„I meni je netko ukrao plavi kaput“, **reče** težak.

„Meni je netko ukrao sjekiru“, **reče** opet drugi težak.

„Meni je netko ukrao šunku s tavana“, **reče** treći težak.

„Meni je netko ukrao torbu, u torbi su bili novci“, **reče** četvrti težak. (ČZ: 58–59)

Brlić-Mažuranić ponavlja glagol *reći* dok će prevoditeljica iskoristiti i druge glagole govorenja, odnosno jedan prilog, ne bi li povećala napetost dijaloga, postigla diferenciranje i konkretiziranje koje povećavaju čuđenje među težacima koji su se našli u sličnoj situaciji.

– *Ma nem találtam meg a csizmámat!*

– *Miféle csizrát?– **kérdezte** a napszámos, aki mellette feküdt.*

– *Ma reggel ellopta valaki – **válaszolt** Dikics.*

– *Tőlem is ellopta valaki a kék kabátomat – **mondta** a napszámos.*

– *Tőlem a szekercémet lopták el – **szólalt meg** a második.*

– *Tőlem meg a sonkát a padlásról – **tette hozzá** a harmadik.*

– *Tőlem a tarisznyát, pénzt volt benne – **így** a negyedik napszámos.* (DI: 48)

Bogat repertoar glagola govorenja u mađarskom jeziku Katalin Kemény iskoristit će prevodeći situaciju u kojoj su se našli Hlapić i težaci, a to je požar koji treba gasiti i koji prijeti selu. U situaciji u kojoj prevladava panika, strah, a potrebna je brzina djelovanja i davanja uputa kako bi se spasilo što se spasiti može, u hrvatskom se tekstu ponavljaju glagoli *bježati* i *vikati*.

Svi težaci počnu **bježati** u selo da pomognu gasiti vatru. I Hlapić je **bježao** s njima. Iz svake kuće **bježalo** je također mnogo seljaka... I mnogo je žena **bježalo**. ..I mnogo je djece **bježalo**... (ČZ: 60).

A napszámosok valamennyien **futásnak eredtek**, hogy segítsenek az oltásnál. Dikics is utánuk **szaladt**. A házából emberek **rohantak ki**...És **szaladt** a sok gyerek is. (DI: 50)

Iz prijevoda se iščitava dinamična gradacija glagolske radnje koja se očituje u različito spomenutim oblicima trčanja.

Primjeri za konkretiziranje glagola *vikati*:

„Treb*a* ići na krov, da se polijeva krov odozgo“, **vikao je jedan**.

„Ja ne idem na taj stari krov, da propadnem u vatru“, **vikao je drugi**.

„Ti si kukavica“! **vikao je treći**. (ČZ: 62)

U prijevodu će se dinamika situacije pojačati bliskoznačnim glagolom *vikati* te će se glagoli gradirati u glagole *vikati*, *galamiti*, *odjeknuti* čime se postiže ritam u tekstu.

– Föl kell menni a tetőre, hogy onnan locsoljuk! – **kiáltotta** az egyik.

– Én ugyan nem megyek arra az öreg tetőre, hogy a tűzbe vesszek! – **kiabálta** a másik.

– Gyáva vagy! – **csattant fel** a harmadik. (DI: 51)

Nadalje, u opasnoj situaciji kada Hlapić padne s krova gaséći požar u izvornom se tekstu ponavlja glagol *pasti*.

Što se dogodilo s Hlapićem, kad **je pao** s krova, to je bilo pravo čudo.(...) Hlapić **je** dakle **pao** s krova na tavan. No čudo nad čudesima. **Pao je** ravno u jednu škri-nju punu brašna! **Pao je** na mekano kao na perje i ništa mu se nije dogodilo. (ČZ: 64)

Dok će u mađarskom tekstu Hlapić *pasti* (*leesik*), stropoštati se/strovaliti se/strmoglaviti se (*zuhant*), *pasti* proizvođeći tup zvuk (*huppant*) i padati, a ostati neozlijeđen.

Ami Dikiccsel történt, amikor a tetőről **leesett**, az valóságos csuda. (...) A tetőről a padlásra **zuhant**. De csudák csudája! Pontosan egy teli lisztesládába **huppant**! Olyan puhára **esett**, mintha tollba **pottyant** volna, és semmi baja sem történt. (DI: 53)

Dakle, vidljivo je kako u mađarskom tekstu prevoditeljica nijansira izraz, pojačava ga ili ublažava nastojeći predočiti razvoj događaja. No, prevoditeljica ponekad odlučuje i jednu vrstu riječi zamijeniti drugom, tako u sljedećem primjeru umjesto pridjeva ipak odabire glagol pa umjesto komparativa *slabije*, izabire glagol *gyengül* (‘slabjeti’, ‘jenjavati’) i *halványodik* (‘bljedjeti’) dajući sliku mjesečeva svjetla koje polako nestaje.

... *postalo je* mjesečevo svjetlo **slabije i slabije**... (ČZ: 129)

..., a hold fénye egyre **gyengült, halványodott**... (DI: 115)

Glagol *pasti* prevoditeljica zamjenjuje glagolom *kerül* koji u mađarskoj rečenici dobiva preneseno značenje, *stvoriti se pred nekim iznenada ni iz čega*.

Otkuda je **pao** čovjek pred Hlapića? (ČZ: 40)

Honnan **kerül** Gergely Dikics élébe? (DI: 67)

A umjesto *zadovoljni*, koji ima ekvivalent *elégedettek*, u prijevodu će se ponuditi glagol *veselili su se*, koji iskazuje dugotrajno bezbrižno slavlje.

Sad su svi bili **zadovoljni**. (ČZ: 66)

Most valamennyien **örvendeztek**. (DI: 55)

Idiličnu ljetnu noć Hlapić će prespavati na sijenu koje lijepo miriše i sve je tiho, mirno. Slika je to sela u kojem žive samo dobri ljudi. Tu će sliku uznemiriti, uzbuniti, usplahiriti požar, no prije same katastrofe, u toj noći kada svi mirno spavaju, jedino sove i šišmiši lete i to tako:

...oni **lete** tako tiho, da nisu mogli probuditi Hlapića. (ČZ:34)

Prevoditeljica će ovdje iskoristiti glagol *suhan* u značenju 'nečujno, nježno su proletjeli' ističući tako atmosferu noći.

...olyan halkan **suhantak**, hogy nem ébresztették fel Dikicset. (DI: 49)

5.4. Glagolska vremena

Prije svega, navest će se primjeri glagolskih vremena, a onda će se dati primjeri bliskoznačnica glagola kojima prevoditeljica obogaćuje prijevod romana na mađarski jezik. Naime, mađarski jezik koristi prezent, perfekt i futur, a hrvatski prezent, četiri glagolska vremena za prošlost te dva za budućnost. Stoga je prevoditeljica prilagođavala glagolsko vrijeme hrvatskoga jezika glagolskom vremenu mađarskoga jezika. Međutim, promjena vremena glagola može biti i fakultativna prevoditeljska operacija. Iako oba jezika imaju indikativ prezenta, budući da su smješteni u različite sustave, njihova se funkcija razlikuje. Prezent indikativa mađarskog glagola – možda upravo zbog siromaštva mađarskog glagolskog sustava – može imati mnogo različitih funkcija. U znanstvenim raspravama prezent je sredstvo općeg, apstraktnog izražavanja. U publicistici i opisnim dijelovima književnih djela koristi se za oživljavanje pripovijedanja, dočaravanje uzbudljivih, brzo tekućih događaja. Tako perfekt u rečenici *Po tim čizmama znao je Grga, da seljaci uistinu znadu, da je on s crnim čovjekom krao* (ČZ: 83) oblikuje u prezent s infinitivom u mađarskoj rečenici *Tudta már, hogy a paraszток csakugyan rájöttek: ő jár lopni a feketе köpenyessel* (DI: 71) kao da se tako želi istaknuti da ta radnja nije završena, da će Grga i dalje nastaviti krasti.

Ili pak čini i obrnutu situaciju pa prezent prevodi perfektom:

Hlapić se dakle **probudi**, obuje **čizmice** i **sade** s tavana po ljestvama. **Zahvali se** Markovoj majci, a ona mu **dade** veliki komad kruha i tri kuhana jaja na put. (ČZ: 37)

Amint **felébredt**, **felhúzza** a csizmát, és **lemászott** a létrán a padlásról. **Elköszönt** Márk édesanyjától, egy nagy darab kenyeret és három főtt tojást **kapott** tőle útravalóul. (DI: 28)

odnosno

Hlapić, dakle, **síde** sa zapečka, **pljesne** rukama i **vikne** djeci... (ČZ: 90)

Dikics tehát **előjött** a kuckóból, **tapsolt** egyet, és **odakiáltott** a gyerekeknek... (DI 78)

Kako Brlić-Mažuranić često koristi prošlo svršeno glagolsko vrijeme aorist, čime daje arhaičan prizvuk radnji kao i dinamičnost, u mađarski se jezik aorist prevodi perfektom

„Grga“, **reče** Hlapić opet, „tvoja majka **šalje** ti nešto“. (ČZ: 33)

Gergely – *szólalt meg* ismét Dikics –, az édesanyád **küldött** neked valamit. (DI: 71)

A za buduću radnju, mađarski jezik koristi uglavnom prezent jer kontekst rečenice ili vremenski prilog označavaju vrijeme radnje, stoga očekivano tako radi i prevoditeljica te će rečenicu

*Ne ću da ti **dadem**, dok mi ne obećaš, što **te budem molio**.* (ČZ:83)
prevesti kao

*Addig nem **adom** oda, amíg meg nem ígéred, amit **kérek** tőled.* (DI: 71)

Osim prilagođenog prevođenja glagolskoga vremena, u mađarskom prijevodu nailazi se i na vrlo pažljiv odabir samih glagola. Tako glagol *biti* u rečenici

***Bio je** neki mali postolarski šegrt, koji nije imao ni oca ni majke.* (ČZ: 15)
neće samo tako zamijeniti mađarskim glagolom *biti*, nego glagolom *živjeti*, živio jednom.

***Élt** egyszer egy kis suszterinas...* (DI: 7)

Slično je i u ovim primjerima:

*Marko **nije** imao oca...* (ČZ: 32),

*Márknak **nem élt** az édesapja...*(DI: 23), gdje u izvornome tekstu nema informacije o njegovoj sudbini, dok se u mađarskom jasno ističe kako on nije živ.

A glagol u rečenici

***Bilo je** to pred zoru.* (ČZ: 56)

zbog slikovitosti zamjenjuje glagolom *dogodilo se*, i to pred „svitanjem“.

*Ez pirkadat előtt **történt**.* (DI: 123)

5.5. Sintaktička rješenja

U prijevodu dominiraju rečenične strukture koje dosljedno prate izvorni tekst, ali mogu se pronaći primjeri za izvršne gramatičke transformacije, spajanja, razdvajanja i izostavljanja nekih sintaktičkih cjelina, koje doprinose novom segmentiranju, a nerijetko i transparentnosti značenja.

a) Primjeri za spajanje sintaktičkih cjelina:

*Dugo su Hlapić i Bundaš veselo išli po cesti. **No** konačno su ih već počeli i tabani peći.* (ČZ: 31)

*Olyan sokáig baktatott vidáman Dikics Bundással az országúton, **hogy** végül már a talpuk is égett.* (DI: 22)

Izvorne rečenice spajaju se u jednu dužu, zavisnosloženu posljedičnu rečenicu, kako se ne bi prekinula dinamičnost radnje.

Tamo su bila dva košarača. Jedan je košarač imao velik šator plave i bijele boje. (ČZ: 95)

Két kosárfonót találtak ott, az egyik kosarasnak nagy, kék-fehér színű sátra volt. (DI: 82)

Izvorne proste, proširene rečenice spojene su u rečenični niz sastavnoga značenja.

Sad je Hlapić bio u neprilici. Ali Gita je upamtila što je danas vidjela. (ČZ: 86)

Most aztán bajban volt Dikics, de Esztellának eszébe jutott valami. (DI: 74)

Izvorne proste, proširene rečenice spojene su u suprotnu nezavisnosloženu rečenicu s veznikom *ali*, jer je u mađarskom jeziku netipično stavljanje veznika na čelo rečenice.

b) Primjeri za razdvajanja sintaktičkih cjelina:

Hlapić i Bundaš odu dalje na put, i to je bilo jedino mirno prijepodne što su ga oni proživjeli na svom putovanju. (ČZ: 86)

Dikics és kutyája továbbmentek az úton. Ez volt az egyetlen békesség délelőtt, amit vándorlásuk alatt megtettek. (DI: 28)

Izvorna višestruko složena zavisna rečenica prevedena je segmentirano, s jednom prosto proširenom i objektnom zavisnosloženom sintaktičkom cjelinom.

„*Sad je sve u redu*“, *i metnula je glavu pod krilo, pa zaspala.* (ČZ: 110)

„*Most minden rendben van.*“ *Azzal a szárnya alá dugta a fejét, és elaludt.* (DI: 98)

Upravni govor u hrvatskoj rečenici čini sastavni dio nezavisnosložene rečenice, dok je u mađarskom odvojen, a nastavlja se načinskom surečenicom.

c) Ispuštanje sintaktičkih cjelina:

Nigdje nije bilo nikoga samo mrak.(1) *Iz svih se šatora čulo samo hrcanje trgovaca, koji su spavali kraj svoje robe.* (2) ***To je bilo žalosno i neugodno.*** (3) (ČZ: 104)

Minden néptelen és csendes volt. (1) *Csak a portékájuk mellett álló árusok horkolása hallatszott a sátrakból.* (2) (DI: 92)

U ulomku koji opisuje završetak veselog dana Gita i Hlapić ostanu sami i napušteni, a to pobuđuje u njima tjeskobu i strah. Uslijed gubitka treće rečenice takvo se njihovo stanje apsolutno ne prikazuje.

Pri opisu sretnoga Gitina susreta s omiljenim konjićem, autorica komentirajući njezino ponašanje dodaje komentar: *To se češće događa kod djevojčica* (ČZ: 79), koji nemamo u mađarskom tekstu.

Sukladno ranije rečenim izbjegavanjima religijskih konotacija u poglavlju pod naslovom *Marica* ispuštena su zadnja dva ulomka koji govore o tome kako se ne treba zahvaljivati ljudima na učinjenim dobrim djelima, nego isključivo Bogu, a to se čini u crkvi. A iz poglavlja *Hlapićeve baština* nije prevedena uvodna rečenica *Kad su se vratili iz crkve, reče Hlapić...* (ČZ: 146), odnosno rečenica: ***Bože moj, kako bi djeci lijepo bilo da uvijek ostanu tako malena*** (ČZ: 153).

6. Zaključak

Nakon analize nedovoljno poznatog mađarskog prijevoda romana *Čudnovate zgode šegrta Hlapića* utvrđuje se kako je djelo Ivane Brlić-Mažuranić zahvaljujući virtuoznim rješenjima prevoditeljice Katalin Kemény uspješno presađeno na mađarski jezik. Jezik prijevoda izdanog prije 46 godina nosi na sebi naznake vremena nastanka, ali je biran, obiluje bliskoznačnicama i pokazuje bogatstvo mađarskoga jezika koje prevoditeljica itekako spretno iskorištava stvarajući novo tkanje romana u mađarskom ruhu, a da se pritom ne poremeti harmonija izvornoga teksta. Služeći se prevoditeljskom slobodom odabrala je prijevodne intervencije kojima je uspješno zadržala umjetnički izražaj, a time kvalitativno obogatila prevedeni tekst. Tijekom usporednoga čitanja postavilo se nekoliko novih istraživačkih pitanja, među njima i to koliko je danas djeci u dobi od 6 do 8 godina razumljiv tekst originala, a i prijevoda, odnosno s kojeg je jezika zapravo roman preveden. Naime nemamo podataka o prevoditeljičinu poznavanju hrvatskoga jezika, niti o korištenju jezika posrednika, jedino je utvrđeno kako je vjerodostojnost njezina odličnog prijevoda provjerio veliki i zaslužni prevoditelj i promicatelj kultura Zoltán Csuka.

Literatura

- BRLIĆ-MAŽURANIĆ 1978 = BRLIĆ-MAŽURANIĆ I. *Dikics inas csudálatos viszontagságai*. Móra Könyviadó, Budapest, 1978.
- BRLIĆ-MAŽURANIĆ 1978 = BRLIĆ-MAŽURANIĆ I. *Rég múlt idők meséi, Újvidék*, 1979.
- BRLIĆ-MAŽURANIĆ 2010 = BRLIĆ-MAŽURANIĆ I. *Čudnovate zgode šegrta Hlapića*. U *Sabrana djela Ivane Brlić-Mažuranić*. Romani. ur. Vinko Brešić, 9–155. Slavonski Brod, 2010.
- CIMER-LIERMANN-ZELJAK 2012 = CIMER S. – LIERMANN-ZELJAK Y.: *Djed Neumijko i prevođenje imena u bajkama // Aktualna istraživanja u primijenjenoj lingvistici*. Zbornik radova s 25. međunarodnog skupa HDPL-a držanog 12–14. svibnja 2011. u Osijeku Ur: Leonard Pon, Vladimir Karabalić. Sanja Cimer, Osijek, 2012. 257–272.
- HABRLE – ŽAGAR 2024 = HABRLE T. – ŽAGAR L. *Prevođenje dječje književnosti na primjeru književnoga djela // The Wonderful Wizard of Oz (1900) Lymana Franka bauma*. U 5. Međimurski filološki dani. Jezik, književnost i obrazovanje – stanje i perspektive. Ur. Blaženka Filipan-Žignić, Mateja Sabo Junger, Goran Lapat, Ivana Nikolić, Hrvoje Šlezak i Adrijana Višnjić-Jevtić, Čakovec: 2024. 146–158.
- IVIR 1985 = IVIR V. *Teorija i tehnika prevođenja*. Sremski Karlovci, 1985.
- MAJHUT 2008 = MAJHUT B. *Recepcija romana Čudnovate zgode šegrta Hlapića Ivane Brlić Mažuranić*, // *Nova Croatica: časopis za hrvatsku književnost i kulturu*, 2008. № 2. [52]. 43–115.
- PAVLOVIĆ 2015 = PAVLOVIĆ N. *Uvod u teorije prevođenja*. Zagreb, 2015.
- SKOK-CRNKOVIĆ 1995 = SKOK J.-CRNKOVIĆ M. *Čudnovate zgode šegrta Hlapića i Priče iz davnine Ivane Brlić-Mažuranić / Robinson Crusoe Daniela Defoa*. Zagreb, 1995.

- ŠTIMEC 2013 = ŠTIMEC S. Azijsko putovanje Šegrta Hlapića na krilima esperanta // Libri et Liberi 2013. № 2. 253–266. DOI: [10.21066/carcl.libri.2013-02\(02\).0033](https://doi.org/10.21066/carcl.libri.2013-02(02).0033)
- UTASI 2017 = UTASI A. Jezična šetnja u šumi Striborovoj Prijevod Priča iz davnine Ivane Brlić-Mažuranić na mađarski jezik // Libri et liberi: časopis za istraživanje dječje književnosti i kulture, 2018. № 6. 213–231. DOI: [10.21066/carcl.libri.2017-06\(02\).0003](https://doi.org/10.21066/carcl.libri.2017-06(02).0003)
- VERMES 2005 = VERMES A.P. Proper names in translation: A relevance-theoretic analysis. Debrecen, 2005.

Mrežni izvori

- BEDECS 2017 = BEDECS L. <https://mmakademia.hu/alkoto/-/record/MMA26258> pristupljeno 14.09.2024.
- ZEC 2021 = ZEC B. Ivana Brlić-Mažuranić. Croatian Hub. <https://croatianhub.com/iconic/ivana-brlic-mazuranic/> pristupljeno 1. 7. 2024.
- <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-eletrajzi-lexikon-7428D/k-760F2/kazmer-erno-7628B/> pristupljeno 2. 7. 2024.
- <https://mora.hu/alkoto/reich-karoly> pristupljeno 1. 7. 2024.
- <https://www.hlapic.org/index.html> pristupljeno 12. 6. 2024.

Who found themselves in strange adventures: Hlapić or Dikics? This year is dedicated to Ivana Brlić-Mažuranić, a renowned storyteller and internationally acclaimed children's writer, and one of the most translated Croatian authors. Born in 1874, her 150th birthday is celebrated this year. Brlić-Mažuranić wrote poetry, essays, diaries, collections of short stories, and poems for children. In 1913, she garnered significant attention from the literary audience with the publication of the children's novel "Čudnovate zgode šegrta Hlapića." Her crowning achievement is considered to be the collection of short stories "Priče iz davnine" (Stories from the Past), published in 1916. This paper explores the author's literary reception in Hungary, with a primary focus on analyzing the translation of verbs in the novel "Čudnovate zgode šegrta Hlapića." The results obtained will contribute to expanding knowledge about the translation techniques of Croatian-Hungarian texts and can be applied to the teaching unit of text processing.

Keywords: reception, translation analysis, translation solutions, verbs

НАХИД ЭБРАХИМИ ЛИАЛЕСТАНИ
(Сегед, Венгрия)

Правильное чтение новоперсидских слов в этимологическом словаре М. Фасмера

Аннотация: Новоперсидский алфавит основан на арабском письме, но в этимологических словарях русского языка персидские примеры пишутся латинскими буквами. В научной литературе существуют разные системы латинизации (т.н. Romanization), которые можно разделить на две группы: фонематическую (транскрипция) и буквальную (транслитерация). В статье не только обсуждаются их наиболее важные различия, но и обращается внимание на преимущества знания деталей латинизации со ссылкой на словарные примеры Макса Фасмера, который в основном следует фонематическому принципу, но в приведенных им примерах есть и много несоответствий.

Ключевые слова: новоперсидское письмо, транскрипция, история русского языка, этимология

Персидский язык входит в круг индоевропейских языков, однако новоперсидский алфавит основывается на модифицированном арабском письме. А в этимологических словарях русского языка соответствующие персидские примеры даются, как правило, через латинские буквы. Следовательно, чтобы исследователь этимологий русских слов сумел правильно читать персидские слова, ему необходимо знать и то, как они передаются латинскими буквами. Более того, подобных систем для такой передачи существует несколько, часть которых можно назвать транскрипциями, другие же – скорее, транслитерациями. Цель данной статьи представляет собой обратить внимание славистов на эту проблематику.

В дальнейшем мы будем показывать некоторые выбранные нами системы, которые сегодня в науке названы английским словом *Romanization*, а в конце статьи рассмотрим, по каким правилам пишутся новоперсидские примеры именно в этимологическом словаре Макса Фасмера. Мы оставили без внимания систему BGN/PCGN, применяемую в США и Великобритании для официальной транскрипции географических названий Ирана, которая была возобновлена в 2019 г. (см. BGN/PCGN: URL).

Передача согласных

Большинство согласных фонем на персидском письме передается только одной буквой. Но есть также согласные, для обозначения которых служат две, три или даже четыре буквы.

Двумя буквами передаются: /t/, /q/, /h/.

Фонема /s/ представлена в алфавите тремя, а /z/ – четырьмя буквами.

Для передачи персидского письма латинскими буквами мы находим транскрипции, которые оставляют вне внимания то обстоятельство, что звуки, в которых реализуются эти фонемы, в персидском могут писаться различными буквами. Мы ниже показываем некоторые такие, можно сказать, упрощенные системы:

Фонема	IPA	Dabire	Rafiee	Thackston	Назв. буквы/букв
/b/	b	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	be
/p/	p	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	pe
/t/	t	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	te, tā
/d/	d	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	dāl
/k/	k	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	kāf
/g/	g	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	gāf
/ʔ/	ʔ	‘	‘	‘	ein
/č/	tʃ	<i>c</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	ce
/ʃ/	dʒ	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	jim
/f/	f	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	fe
/v/	v	<i>v</i>	<i>v</i>	<i>v</i>	vāv
/s/	s	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	se, sin, sād
/z/	z	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	zāl, ze, zād, zā
/š/	ʃ	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>sh</i>	šin
/ž/	ʒ	<i>ž</i>	<i>ž</i>	<i>zh</i>	že
/x/	x	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>kh</i>	xe
/q/	q	<i>q</i>	<i>q</i>	<i>q</i>	qein, qāf
/h/	h	<i>h</i>	<i>h</i>	<i>h</i>	he-jimi, he-do-cešm
/r/	r	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	re
/l/	l	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	lām
/m/	m	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	mim
/n/	n	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	nun
/y/	j	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	ye
/w/	ʋ	<i>w</i>	–	–	–

Примечание: Первые три колонны составлены по статье J. Maleki (MALEKI: URL – который последние две фонемы называет полугласными), четвертая и шестая – по A. Rafiee (RAFIEE 2011: 19–20),

а пятая – по грамматике W. M. Thackston'a (THACKSTON 1993: XXXI–XXXII).

Как видно по этой таблице, разнообразие наблюдается прежде всего при передаче шипящих: /č/ обозначается как *c* или *ch* (а, у остальных авторов, также и как *č*, см. WINDFUHR 1979: 7); для передачи /š/ могут служить буквы *š*, *ŝ* или *sh* (а и еще *ʃ*, см. LAMBTON 1963: XVII); /ž/ передается через *ž*, *ĝ*, *zh* (и еще *z*, см. LAMBTON 1963: там же). Надо добавить, что W. M. Thackston пишет /x/ как *kh* (вместо *x*), а Windfuhr передает /j/ как *ĵ* (не как *j* – WINDFUHR (1979: 7).

В других системах встречаются не только изложенные уже выше способы обозначения шипящих, но в них указывается и на оригинальную букву персидского примера (в тех случаях, когда в персидском один и тот же звук может писаться по-разному). Разные персидские буквы передаются или разными буквами (вовлекая сюда даже и греческий алфавит), или же к соответствующим латинским буквам добавляются подстрочные точки.

Переходное состояние между транскрипцией и транслитерацией представляет упомянутая уже A. Lambton (LAMBTON 1963: XVIII), у которой различается лишь передача *qein* и *qāf*: *γ* и *q*. То же самое наблюдается у J. A. Boyle'a (BOYLE 1966: 1–2), но он применяет также и подстрочные точки при обозначении согласных разного происхождения: *t*, *ṭ*; *h*, *h*; *s*, *s*; *z*, *z*, *ẓ*, *ẓ*. Система D. C. Phillott'a (1919) содержит следующие способы различения: *t*, *ṭ*; *gh*, *g*; *h*, *h*; *s*, *s*; *z*, *z*, *ẓ*, *ẓ* (PHILLOTT 1919: 4–7). A. M. Piemontese разработал уникальную систему, в которой появляется и надстрочная точка: *t*, *ṭ*; *ġ*, *q*; *h*, *h*; *s*, *s*; *z*, *z*, *ẓ*, *ẓ* (PIEMONTESE 2004: 13). Также системой строгой транслитерации пользуется и Библиотека Конгресса США (см. LOC: URL).

Передача гласных

В персидском языке существуют следующие монофтонги:

Фонема	IPA	Dabire	Rafiee	Thackston
/a/	æ	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
/e/	ε	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
/i/	ɪ	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
/â/	ɑ	<i>â</i>	<i>ā</i>	<i>â</i>
/o/	o	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
/u/	u	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

Судя по этой таблице, составленной по тем же источникам, как и первая о согласных, разнообразие наблюдается лишь при передаче /â/. D. C. Phillott (PHILLOTT 1919: 8) эту фонему передает той же самой буквой *a*, как и фонему /a/. L. P. Elwell-Sutton (ELWELL-SUTTON 1963:

32) применяет знак МФА (IPA) для обозначения данной фонемы. S. P. Hill буквой *a* передает /â/, а через *æ* – /a/ (HILL 1964).

Авторы персидских грамматик и учебников обычно говорят о двух дифтонгах, которые передаются ими неодинаково: *ay*, *aw* (THACKSTON 1993: XV), *ei*, *ou* (ELWELL-SUTTON 1963: 32–33), *ey*, *ow* (WINDFUHR 1979: 7; HILL 1964). Однако Rafiee (RAFIEE 2011: 22) различает пять дифтонгов: *āi*, *ei*, *ou*, *oi*, *ui*.

Теперь рассмотрим, какая система употребляется у Макса Фасмера в его этимологическом словаре, который был издан впервые на немецком языке (VASMER 1950–1958). Вскоре этот труд появился и в русском переводе О. Н. Трубачева, а сегодня доступен для нас уже и в разных более поздних стереотипных изданиях (см., напр., ФАСМЕР 1986–1987).

Интересующие нас новоперсидские примеры в словаре М. Фасмера читаются:

а) внутри отдельных словарных статей (на которые мы будем ссылаться вместо номеров тома и страницы),

б) в указателе примеров, взятых из различных языков, составленном самим автором и размещенном в конце четвертого тома на стр. 661–664.

Более важными из них, являются, само собой разумеется, первые, указатель слов помогает исследователю лишь найти ищущую им словарную статью.

М. Фасмер является сторонником транскрипции, т.е. передачи персидских примеров по их фонематической основе. Следовательно, использованные им буквы *b*, *p*, *t*, *k*, ' (IPA: ?), *f*, *v*, *s*, *z*, *q*, *h*, *r* (IPA: ɹ), *l*, *m*, *n*, *y* (IPA: j) никаких объяснений не требуют. Последовательным является у Фасмера также написание *č* (IPA: tʃ), *ǰ* (IPA: dʒ), *š* (IPA: ʃ). Однако вместо ожидаемой *ž* (IPA: ʒ) один раз мы читаем *ž*: *āmāž* 'сошник, лемех' (к слову *омежь*); *d* и *g* несколько раз передаются греческими буквами: *kāfād* 'раскалывается', *teǰerv* 'фазан', *tanīdan* 'крутить, прясть' (к словам *копать*, *тетерев*, *тенёто*), *azū* 'козел', *ārōū* 'отрыжка', *γaram* 'ярость', *juū* 'иго, ярмо' (к словам *язно*, *рыгать*, *гром*, *иго*) и т.д.

Крайне непоследовательно передается в словарных статьях Фасмера фонема /x/. В подавляющем большинстве примеров мы видим греческую букву *χ*, и только реже – *x*: *ālēχtan* 'прыгать, двигаться, лягаться', *gūr-χāne* 'могила+дом', *χabāk* '(камышовый) плетень, загон' (к словам *лик*¹ и *ляга*¹, *курган*¹, *кабак*²), *xāya* 'яйцо', *xudāi* 'учитель, господин' (к словам *яйцо*, *хозяин*).

Что касается передачи гласных, употребление букв *e*, *i*, *o*, *u* не вызывает примечания. Последовательным является и написание *ā* (IPA: a). Фонема /a/ (IPA: æ) передается, однако, помимо общеупотребительной буквы *a*, иногда – через *ā*: *dārvēš* 'нищий', *gābr* 'огнепоклонник', *χābār dār* 'берегись' (к словам *дервиш*, *гяур*, *хабарда*).

Суммируя все сказанное, мы можем прийти к выводу, что та система транскрипции персидских слов, которая употребляется в этимологи-

ческом словаре М. Фасмера, из изложенных выше систем наиболее похожа на Dabire (исключения представляет применение *č*, *ǰ* и *ā*), но у автора наблюдаются также и непоследовательности передачи некоторых фонем. Это необходимо принимать во внимание тем славистам, которые прибегнут к использованию в своих научных исследованиях фундаментальный труд немецкого ученого.

Литература

- ФАСМЕР 1986–1987 = ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1986–1987.
- BGN/PCGN URL = https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5e1eeafe5274a4f0f57553a/ROMANIZATION_OF_PERSIAN.pdf (Доступ: 2024. 08. 04.)
- BOYLE 1966 = BOYLE J.A. Grammar of Modern Persian. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1966.
- ELWELL-SUTTON 1963 = ELWELL-SUTTON L.P. Elementary Persian Grammar. Cambridge: University Press, 1963.
- HILL 1964 = Rastorgueva V.S. A Short Sketch of the Grammar of Persian. Translated by HILL S. P. Bloomington: Indiana University, 1964. (Принципы транскрипции читаются перед страницей 1.)
- LAMBTON 1963 = LAMBTON A.K.S. Persian Grammar. Cambridge: University Press, 1963. DOI: [10.1017/CBO9780511611872](https://doi.org/10.1017/CBO9780511611872)
- LOC URL = <https://www.loc.gov/catdir/cpso/romanization/persian.pdf> (Доступ: 2024. 08. 04.)
- MALEKI URL = MALEKI J. A Romanized Transcription for Persian. <https://www.ida.liu.se/~jalma87/dabire/dabire.pdf?fbclid=IwAR2CeHNhUkvYKBTwIrljB8706SgYv9TIOfuHXFGzgwIF2apT28r5kQU1Jwug> (Доступ: 2024. 02. 26.)
- PHILLOTT 1919 = Lieut.-Colonel PHILLOTT D.C. Higher Persian Grammar. Calcutta: The University, 1919.
- PIEMONTESE 2004 = PIEMONTESE A.M. Grammatica persiana in nuce. Pisa – Roma: Università di Roma „La Sapienza”, 2004.
- RAFIEE 2011 = RAFIEE A.: Colloquial Persian: The Complete Cours for Beginners. London – New York: Routledge. ³2011.
- THACKSTON 1993 = THACKSTON W.M. An Introduction to Persian. Revised Third Edition. Bethesda (MD): Iranbooks, 1993.
- VASMER 1950–1958 = VASMER M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1950–1958.
- WINDFUHR 1979 = WINDFUHR G.L. Persian Grammar: History and State of its Study. The Hague – Paris – New York: Mouton Publishers, 1979. DOI: [10.1515/9783110800425](https://doi.org/10.1515/9783110800425)

Correct reading of New Persian words in the etymological dictionary of M. Vasmer. The New Persian writing is based on the Arabic script. But in etymological dictionaries of the Russian language Persian examples are written in Latin letters. In scientific literature there are different systems of the so-

called Romanization that can be divided into two groups: phonemic (transcription) and literal (transliteration). The report not only discusses their most important differences, but also draws attention to the benefits of knowing the details of Romanization referring to Max Vasmer's dictionary examples. Vasmer mainly follows the phonemic principle, but there are many inconsistencies in the examples he cites.

Keywords: New Persian writing, transcription, history of the Russian language, etymology

GYÖRFI BEÁTA
(Szeged, Magyarország)

The Evolution of OES *ся*: a Corpus Investigation

Abstract: The present study focuses on the Old East Slavic reflexive pronominal enclitic *ся*. The research of the syntactic behaviour and historical evolution of this element thus far has been hindered by the vast amount of data. The application of corpus linguistics and statistical analysis, however, offer fresh avenues for understanding the complexities of this pronoun.

Keywords: OES, clitics, corpus linguistics, statistics, t-test, diachrony

0. Introduction

ся is without doubt one of the most widely studied elements of Russian historical linguistics. It has drawn much attention due to its spectacular path of development: between the 10th and 17th centuries, it underwent a radical syntactic transformation from an independent word to a bound morpheme.

Due to its morpho-syntactic diversity *ся* is defined in various ways in historical grammars or by the taggers in the Russian National Corpus: it is either labelled as an accusative reflexive pronoun, a particle, or even subsumed within the verb itself, even when not fully merged.

The present study aims to re-evaluate existing claims about the nature and development of "*ся*," potentially revealing new insights into its syntactic behaviour. The investigation gains particular significance by the application of new methodological tools, particularly corpus analysis and statistics. Thus far, owing to the considerable volume of examples and the gradual nature of this shift researchers had no reliable instruments to capture this linguistic change.

Consequently, in this investigation, *ся* will be considered from a different angle: its evolution from an independent word into a postfix will be examined employing the Russian National Corpus. First, we will present previous interpretations of *ся* in the scholarly literature. The second part will describe the corpus of research and the method of investigation. The investigation itself will be presented in the third section. The following aspects of the use of *ся* will be looked at:

- We will compare the frequency of *ся* as an individual word versus a postfix in Old East Slavic texts from the 11th and 15th centuries.
- We will assess the validity of Zaliznyak's (2008) hypothesis regarding the connection between clitic "*ся*" usage and other pronominal clitics.
- The distribution of these two *ся* functions in Old East Slavic and hybrid texts will be explored.

- An examination of *ся* placement within Old East Slavic monuments will be conducted.

The final section will present the study's conclusions.

1. Interpretation of *ся* in Russian historical linguistics

There appears to be a consensus regarding the etymology of *ся*. It traces back to the Proto-Indo-European pronominal stem **sve-* or **swé-* (ФАСМЕР), which evolved into Proto-Slavic **sę* (ФАСМЕР) carrying a reflexive meaning in the accusative case.

Borkovskij and Kuznetsov (БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1965: 213, 273) discuss *ся* within the categories of both pronouns and voice. Regarding pronouns, they claim that the distinction between short and long forms began to diminish early on. As for voice, they posit that *ся* initially indicated intransitivity. This element retained its mobility until the 18th century, when its merger with the verb became standardized.

Chernyh (ЧЕРНЫХ 1962: 276–77) mentions *ся* peripherally in his discussion of the verbal category of voice. Kolesov (КОЛЕСОВ 2005: 358–59) discusses *ся* under the heading of pronouns, focusing on the relationship between full and short forms.

Selishchev (СЕЛИЩЕВ 2001: 112) considers only the dative forms of the reflexive pronoun to be an enclitic. He argues that the accusative form, always stressed, has a more ancient origin and was not used enclitically.

Samojlenko (САМОЙЛЕНКО 1962) presents a distinct perspective on the origin and use of short form reflexives. He proposes that these forms were originally independent pronouns until the 11th–12th centuries, not attached to neighbouring words. He cites their use with prepositions, distance from the verb they later joined, and ability to express contrast as evidence. Initially, short forms outnumbered long forms. However, due to their multifunctional nature, lack of inflection, and association with the expression of voice, they gradually fell out of use.

YANOVICH (ЯНОВИЧ 1986: 191–192) suggests that the accusative and dative forms of short form reflexives merged as markers of voice. He also claims that *ся* participated in syntactically free phrases, allowing pre- and postpositional placement.

Recent studies (ЗАЛИЗНЯК, 2008: 28) categorize short form reflexives as enclitics. Zaliznyak establishes a ranking system for Old East Slavic (OES) enclitics based on their position within clusters. The first five ranks are taken by discourse clitics *же*, *ли*; *бо*; *ти* and *бы*. The sixth rank is for short form dative pronouns (*ми*, *ти*, *си*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*). Accusative pronouns (*мя*, *тя*, *ся*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*, *и*, *ю*, *е*, *э*, *я*;) occupy the seventh rank, while auxiliary clitics (*есмь есми*, *еси*, *есмъ есме*, *есмо*, *есмы*, *есте*, *есв ѣ*, *еста*) constitute the final rank. According to this classification *ся* is perceived as a 7th rank enclitic.

This historical overview reveals that scholars viewed *ся* as a short pronoun, a marker of voice, and most recently, an enclitic. Consensus regarding the primacy of these functions remains elusive. Additionally, the syntactic positions these forms take, requires further exploration.

2. Method and corpus of investigation

The investigation is carried out on the Old East Slavic subcorpus of the Russian National Corpus, specifically, on the Old East Slavic subcorpus. At the time I accessed (08.04.2024), it contained 301 texts with 838,928 words. The RNC provides disambiguation and full part-of-speech (POS) and morphological tagging for its entries. The subcorpus encompasses a diverse range of genres, including chronicles, hagiography, legal acts, didactic tracts, pilgrimage accounts, and literature.

For this study, a subset of 45 texts totalling over 465,000 words was chosen. Selection criteria excluded translations, charters, and acts issued outside of Russia. The resulting corpus represents a variety of genres, including hagiography, literature and folklore, prayers, epistles, homilies, rules, and orations. Importantly, 32 texts are classified as Church Slavic (CS), while the remainder exhibit a hybrid nature, blending CS with elements of the spoken language.

As it has already been mentioned in the introduction, the sheer volume of data has historically been a major obstacle in studying *ся*. Modern technology (linguistic corpora) and related methodologies (statistical and distributional analysis) however, seem to cope with this challenge.

Corpus-assisted research allows the frequency and distributional analysis of large amount of data to be performed. It utilizes a large database of authentic texts (the historical subcorpus in our case). It is a quantitative method in that works with numbers which reflect the frequencies of words and phrases in corpora (BREZINA 2018: 3). Concordancing programs allow the user to research for specific target words in a corpus providing frequency information and a list of occurrences in context. They enable the investigation of grammatical constructions the given word takes part in (BIBER, CONRAD, RAPPEN 1998: 13). The application of corpus-based analytical techniques for studies in historical linguistics enables the investigation of language change. The insights gained can either support or contradict existing theories and thus enrich previous theoretical accounts.

To help us navigate in the maze of corpus data, corpus investigation is complemented by statistical survey. Statistics is a discipline which helps us make sense of quantitative data (BREZINA 2018: 3). Statistics in corpus linguistics is about mathematical modelling of a complex linguistic reality. It can help us discover and elucidate patterns and tendencies in the data that might otherwise remain hidden (BREZINA 2018: 5). Statistical methods, with

their mathematical tools, allow us to efficiently handle the vast amount of frequency data generated by corpus analysis.

4. Analysis

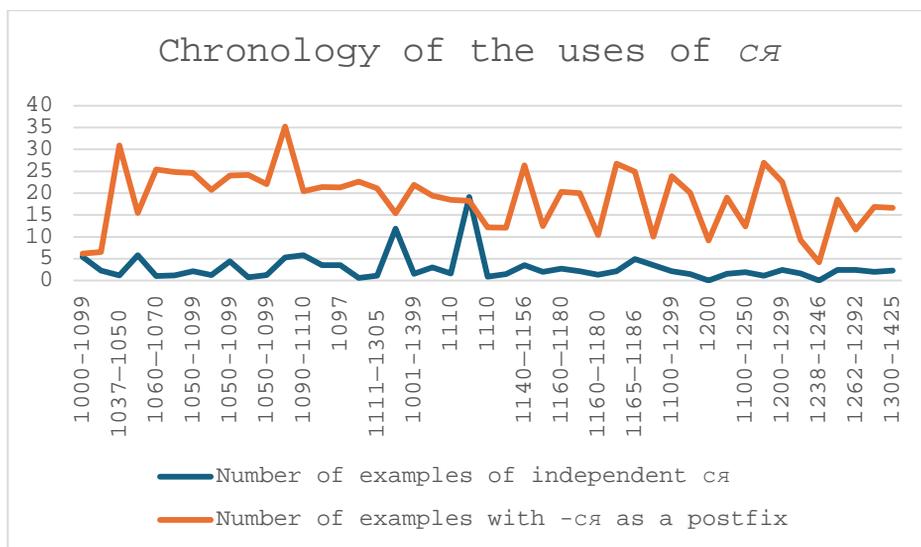
I started the quantitative investigation of *сЯ* by looking at its frequency in the investigated monuments. I distinguished between occurrences of *сЯ* as a postfix and as an independent word. The first column of table 1.¹below contains the title and time of compilation of monuments in brackets. In the second column of the table I included information about the number of words in each text. In the third column the number of independent uses of *сЯ* can be found, while in the last column the number of examples of *сЯ* as a postfix.

The columns with frequency data contain two figures separated by a slash. The first number denotes the actual number of occurrences, the so called raw frequency counts. Since texts vary in length, raw frequencies are not directly comparable. To address this, data normalization was performed by dividing the frequency counts by the word count in each text. However, the resulting values were very small. Therefore, following (BIBER, CONRAD, RAPPEN 1998: 261) they were multiplied by 1,000 to achieve a scale corresponding to text length. Consequently, the second number in the boxes shows these normalized, comparable counts.

Investigating the diachronic (historical) aspect of this change presents a challenge. Accurately pinpointing a monument's compilation time is often difficult. Only a limited number of literary texts have definitive dates. The majority of documents have a broad timeframe assigned, which can blur the data and hinder precise analysis.

The following chart visually represents the chronological development in the uses of *сЯ*:

¹ The tables used for the analyses are accesible at <https://drive.google.com/drive/folders/1B-cHi-thWLwWzLVxA2XBB1qIcDoKhJHw?usp=sharing>

Looking at the frequency of *ся* we find that examples of *ся* as a postfix outnumbered independent uses from as early as the 11th century. We can also observe a narrowing gap between the two usage patterns over time. Also, the uses of *ся* in both cases exhibit a decline in time, especially as regards independent uses. By the 13th century, some monuments (*Хождение Антония* or *Слово о погибели русской земли*) lack independent uses entirely. The chart also displays a few intriguing spikes (around 1090 and 1110 for independent *ся*). These anomalies can be attributed to two factors: on the one hand, the imprecise dating of some documents and the uneven distribution of texts across the timeframe can contribute to these fluctuations. On the other hand, differences in language varieties (Church Slavonic vs. hybrid) between the texts might also play a role.

To understand the reasons behind these spikes, I conducted a statistical analysis using an independent-samples t-test. This test is a descriptive statistical method that helps determine whether the observed difference in the uses of *ся* between the two language varieties (Church Slavonic and hybrid) is statistically significant.

4.1. How can statistics interpret the results?

The aim of the statistical analysis was to prove, that there is a meaningful difference in the independent and postfixal uses of *ся* in hybrid and CS monuments. As part of the statistical procedure, I set up a null hypothesis (it is practically the negation of the actual hypothesis). My null hypotheses for both cases assumed that there is no difference in the uses of *ся* between the two language varieties.

Considering the considerable variation within the data samples, Welch's independent-samples t-test was employed for the analysis. This specific t-test compares the mean values of a linguistic variable (in our example, the relative frequency of *ср*) and takes into consideration the internal variation in each group expressed as variance (BREZINA 2018: 187).

The t-test has three basic assumptions about the data:

Independence of observations, which means that the observations in one sample are independent of the observations in the other sample.

Normality: ideally, both data samples should approximate a normal distribution (bell curve).

Homoscedasticity or equality of variances: it requires both samples to exhibit roughly similar variance. (BREZINA 2018: 187–189, T-TEST).

One of the key concepts of t-tests is variance. Variance is perceived as the sum of squared distances of individual values from the group mean divided by the degrees of freedom. The degree of freedom (df) is a complex concept, which is used when dealing with calculations based on a sample (i.e. a corpus). It signifies the number of independent ('free') components in the calculation, i.e. components that are not predictable from the previous components. In practice, it is the number of cases minus one (in our case, 12 for hybrid and 31 for CS texts). Variance is calculated according to the following formula:

$$\text{variance} = \frac{\text{sum of squared distances from the mean}}{\text{degrees of freedom}}$$

For our investigation we got the following variances² :

In the case of independent uses of *ср*: $s_1=1,61$, while $s_2=5,34$.

For postfixal uses: $s_1=7,11$, $s_2=5,95$

The t-test is calculated according to the following formula:

$$t - test = \frac{\text{mean of group1} - \text{mean of group2}}{\sqrt{\frac{\text{variance of group1}}{\text{number of cases in group1}} + \frac{\text{variance of group2}}{\text{number of cases in group2}}}}$$

As can be seen from the equation, there are three factors that have an effect on whether the test will be significant: 1) the size of the mean difference, 2) the

² The details of the calculation are accessible in an Excel file at <https://drive.google.com/drive/folders/1B-cHi-thWLwWzLVxA2XBB1qlcDoKhJHw?usp=sharing>

variance in each of the two groups and 3) the sample size (number of texts in both groups).

A high t-test value indicates a large mean difference, low variance within groups, and a large sample size. This combination suggests strong evidence in the data to reject the null hypothesis and conclude that the two groups are statistically distinct regarding the use of the linguistic variable under investigation.

The next section will present the summarized results of the t-test analysis in tables.

Independent uses of ся

Register	Group mean	Number of cases/texts	Variance	t-value	p-value
CS	2,26063	33	1,61	3,01	0,043
Hybrid	4,2876	12	5,34		

Postfixal ся

Register	Group mean	Number of cases/texts	Variance	t-value	p-value
CS	19,31	33	7,11	2,05	0,045
Hybrid	17,63	12	5,95		

As a result for the independent uses of *ся* I got a t-value 3,01 and for the uses of *ся* as a postfix, the test gave a lower t-value: 2,05.

The final stage of interpreting the t-test results involves assessing their level of significance. This is achieved using a statistical indicator, the p-value (probability value). The p-value represents the likelihood of obtaining the observed results if the null hypothesis was true. The test is considered to be significant if $p < 0,05$. Statistically significant results are considered unlikely to have arisen solely due to chance (STATISTICAL ANALYSIS: URL).

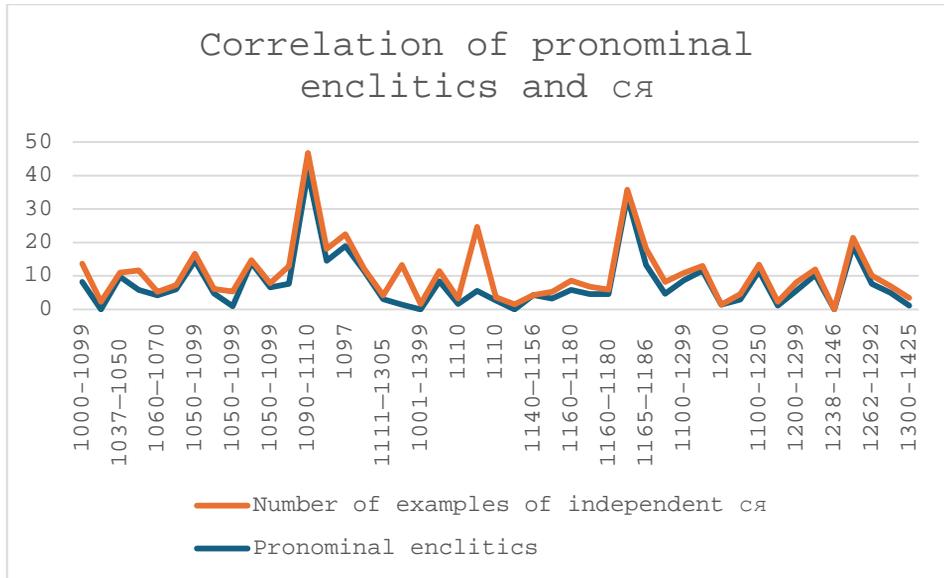
The p-value for the first investigation was 0,043 and 0,046 for the second. Since both p-values are lower than 0.05, we have sufficient evidence to reject the null hypothesis. These values suggest that the difference in the uses of *ся* between the language varieties is statistically significant. We can conclude, therefore, that *ся* was more widely used in the hybrid language than in CS.

4.2. Correlation between the loss of pronominal enclitics and the frequency of *ся*

Zaliznyak (ЗАЛИЗНЯК 2008: 219) proposes a link between the development of the clitic *ся* and the fate of other pronominal enclitics. These

accusative and dative enclitics were replaced by their stressed full-form counterparts and eventually lost. The same occurred to *ся* in combination with prepositions. However, the full reflexive form could not substitute the enclitic for reflexive meaning. Consequently, the enclitic *ся* gradually merged with the verb, ultimately becoming a postfix.

Based on this hypothesis, I investigated whether such a correlation exists in my corpus. Since I already had frequency data for the accusative reflexive clitic, I needed to collect frequencies for other pronominal enclitics (accusative and dative). Due to the unreliability of the RNC parser, I manually checked each enclitic, specifying its form and grammatical features for the search. I then combined the counts and normalized the data by multiplying by 1000 (see Table 2).

Our analysis, visualized in the following diagram, reveals a near-perfect correlation between the two groups of enclitics.

4.3. The position of short form accusative reflexives

The syntactic distribution of short-form accusative reflexive clitics can initially appear erratic: they can precede, as well as proceed their verbal host, or can occupy a medial position inside the clause, often at a distance from the verb they refer to.

Slavic scholarship offers two main approaches to analysing clitic positions: Zaliznyak (2008) focuses on the clitic's proclitic and enclitic nature, while a group of Czech linguists proposes a system with four distinct clitic positions.

4.3.1. The position of *ся* – pre- or postposition

Zaliznyak (ЗАЛИЗНЯК 2008: 174–219) observes that the reflexive particle *ся* appeared in both preverbal (proclitic) and postverbal (enclitic) positions in historical texts. He investigates the frequency of proclitic *ся* across different time periods and text categories (bookish vs. non-bookish) by analysing the ratio of preverbal and postverbal usages. Zaliznyak employs coefficients (percentages) for his analysis. His findings reveal a significant distinction in the evolution of proclitic *ся* between the two text categories. In early non-bookish texts, a high initial frequency of proclitic *ся* steadily declines throughout the 11th and 12th centuries. Conversely, proclitic *ся* was very uncommon even in the earliest bookish monuments.

While Zaliznyak’s research focused solely on the distribution of proclitic *ся*, it provided the impetus for my investigation into the frequency of pre- and postverbal usages in my corpus. This approach allows me to examine the validity of Zaliznyak’s theory within the context of my own data relying on the instruments of corpus analysis.

In my version of the investigation I considered three positional varieties of *ся*: 1) postposition immediately after the verbal host (1); 2) postposition after the verbal host followed by a higher ranking enclitic (2); 3). preposition, preceding the verbal host (3).

(1) <i>и</i>	<i>повелѣ</i>	<i>кр(с)тити</i>	<i>са. /</i>	<i>и</i>
Conj.	order.Aor.sg.3.	christen.Inf.	Cl.	Conj.
<i>єпп(с)ѣ</i>	<i>же</i>	<i>корсуньскѣи</i>	<i>с</i>	<i>попы</i>
bishop.Nom.sg.	Encl.	Korsun.Adj.Nom. sg.masc.	Prep.	priest.Instr. pl.
<i>ц(с)р[ц]ины</i>	<i>шгласивѣ</i>	<i>и /</i>	<i>и</i>	<i>кр(с)ти</i>
Tsaritsyn.Adj.Instr. pl.	announce.Part.act. Past.sg.Nom.	him.Acc.sg.	Conj.	christen. Aor.sg.3.
<i>володимѣра.</i>	ПВЛ по И. списку			
Volodymer.Acc.sg.				

„And he ordered to get christened. And the bishop from Korsun with the priests from Tsaritsyn announced him and the christened Volodymer.”

(2) <i>такѡ</i>	<i>рѣка. /</i>	<i>кобѣ</i>	<i>ми</i>	<i>нѣ</i>
so	say.Part.act.Pres.Nom. sg.	omen.Nom. sg.	I.Dat.sg.	not
<i>дасть.</i>	<i>с</i>	<i>вами</i>	<i>поити. /</i>	<i>воротивѣ</i>
give.Pres.sg. 3.	Prep.	you.pl.Instr.	go.Inf.	turn.Part.act.Past. Nom.sg.

Given the presence of outliers in the overall data, I opted to compare the distribution variations between the two registers (CS and hybrid) using the median of each group. The median is a valuable statistical measure in situations with skewed data. Unlike the mean, the median is not significantly affected by extreme values at the fringes of the distribution. The median is calculated the following way: in case of an odd number of values it is the middle value; in the case of an even number of values, it is the mean value of the two central values. (BREZINA: 2018: 10)

	Median
$\sum V+с\grave{y}$	0*
$\sum V+E+с\grave{y}$	1,77
$\sum с\grave{y}+V$	4,95
CS $V+с\grave{y}$	0* ³
CS $V+E+с\grave{y}$	1,5
CS $с\grave{y}+V$	4,825
Hybrid $V+с\grave{y}$	0,1
Hybrid $V+E+с\grave{y}$	2,25
Hybrid $с\grave{y}+V$	7,4

Based on the analysis, we can draw the following key observations: 1) The most frequent position for *с\grave{y}* across the entire corpus and within both language varieties (CS and hybrid) was prepositional, preceding the verb. 2. The results for the hybrid register partially support Zaliznyak's hypothesis. The frequency of proclitic *с\grave{y}* was indeed highest in this register, suggesting a potential correlation with specific text styles. 3. instances of direct postposition of *с\grave{y}* to the verb were extremely rare. In both the overall corpus and in CS texts, the median frequency was so low that it registered as zero.4) When *с\grave{y}* appeared in postverbal position, it was usually preceded by a higher-ranking discourse enclitic. In these cases, the verb typically occupied the first position in the clause, and the enclitics occupied 2P.

4.3.2. The Czech theory of clitic positions

As regards the position of enclitics in Slavic, in the scholarly literature two canonical positions can be distinguished: the traditional Wackernagel Position – the position after the first stressed word or phrase of the clause and the secondary contact position - directly next to its host, i.e. the verb (KOSEK et al.: 2019).

To navigate the apparent complexity of enclitic placement, a group of Czech linguists (KOSEK et al.: 2019) proposed a theory of four clitic positions based

³ The median was so low, that Excel gave a 0 result.

on their observations of Old Czech enclitics. While observing the „competition“ and/or „cooperation“ between the two possible word order patterns of old Czech enclitics, they distinguish 4 positions. I have adapted this theory for the Old East Slavic (OES) system. We will explore the details of these four clitic positions in the context of OES:

a) The *postinitial contact position* (2PC position). In this position, the enclitic (E) follows directly after the initial word of the clause, which often coincides with the verbal host (H). As *ся* can appear pre- and postpositionally as well, the host in many cases can follow the pronoun. A peculiarity of OES: the initial word is usually followed by other, higher-ranking enclitics.

H+ся

H+E+ ся

[]+ ся+H

[] +E+ ся+H+[]*

(4) is an example for the 2PC position. Here *ся* stands after the initial verb and a second rank enclitic.

(4) ИЗНЕМОГЛЪ	во	СА	бѣ. /	ХОДИВЪ
die.pqperf.sg.3.masc.	Cl.	Cl.	be. Aux.aor.sg.3.	go.Part.Act.Past.No m.sg.
на	воину. /	а	король	УГОРСКИИ
Prep.	war.N.Acc. sg.	Conj.	king.N.Nom.s g.	Ugric.Adj.Nom.sg. masc.
идѣ	во	угры	Киевская летопись	
go.Aor.sg.3.	Prep.	Ugorlan- d- Acc.		

„As he had passed away when going to war, the Ugric king returned to the land of Ugors.”

b) The *post-initial isolated position* (2P position). The enclitic *ся* occurs after the initial phrase of the clause (or a higher ranking enclitic), but is crucially separated from its host (H), and it is not immediately followed by its host either:

[]+ ся+ +H

[]+E+ ся+ +H

(5) exemplifies the post-initial isolated position, where the reflexive pronoun takes the second position following a conjunction. It is separated from its verbal host *уладити* by an auxiliary verb.

(5) а	послалъ	ко	мнѣ /	ѿсюда
Conj.	send.Part.sg.masc.	Prep.	me.Dat.sg.	from here.Conj.
сѧ	бѣхѡ(мъ)	оуладили ·	Владимир Мономах Письмо	
Cl.	be.Aor.pl.1.	settle.Part.pl.		

„And he sent tom e from the place he had settled.”

c) The *non-post-initial contact position* (NPC position). The enclitic occurs anywhere except directly after the initial phrase and is adjacent to its host.

[] []*+Н+ сѧ

[] []*+ сѧ+Н

In (6) *сѧ* takes the 4th place in the clause following its verbal host, occupying thus a non-post-initial contact position. It should be also mentioned, the verbal form itself is defective, as it is merged with a proclitical *сѧ*.

(6) и	начаша	сѧ исповѣдати	сѧ.	и во
Conj.	begin.Aor.pl.3.	confess.Inf.	Cl.	Conj.
ко	игоуменѣмъ. /	дрозии	же	к
Prep.	abbot.Dat.pl.masc.	others.pl.Nom.	Cl.	Prep.
попомъ.	и	дьякономъ.	Вольнская летопись	
priest.Dat.pl.	Conj.	deacon.Dat.pl.		

„And they began to confess their sins to the abbot, and others to the priest and the deacon.”

d) The *non-post-initial isolated position* (NPI position). In this case, the enclitic occurs anywhere except in the post-initial position and it is not adjacent to its host:

[] []*+Н+[]* + сѧ+[]*

[] []*+сѧ +[]*+ Н+[]*

The non-post initial isolated position was the least frequent position for *сѧ*. This position was characteristic of *сѧ* functioning as particles or pronouns. In (7) *сѧ* occupies a middle position in the clause following a pronoun and preceding an adverb.

(7) <i>ТЫ</i>	<i>НАДЪЕШИСА</i>	<i>БЪЖАТИ</i>	<i>В</i>	<i>ПОЛОВЦЪ. /</i>
you.Nom.sg. 2.	hope.Pres.sg. 2.	run.Inf.	Prep.	Cumania.Acc. pl.
<i>А</i>	<i>ВОЛОСТЬ.</i>	<i>СВОЮ.</i>	<i>ПОГУБИШИ. /</i>	<i>ТО</i>
Conj.	county.Acc.sg.	own.Acc.sg.fem.	destroy.Pres.sg.2.	Conj.
<i>К</i>	<i>ЧЕМОУ</i>	<i>СА</i>	<i>ВПЛАТЬ</i>	<i>ВОРОТИШЬ.</i>
Prep.	what.Dat.sg.	Partic.	again	turn.Pres.sg.2.
Киевская летопись				

„You are hoping to flee to Cumania and destroy your own country. So why are you turning again?”

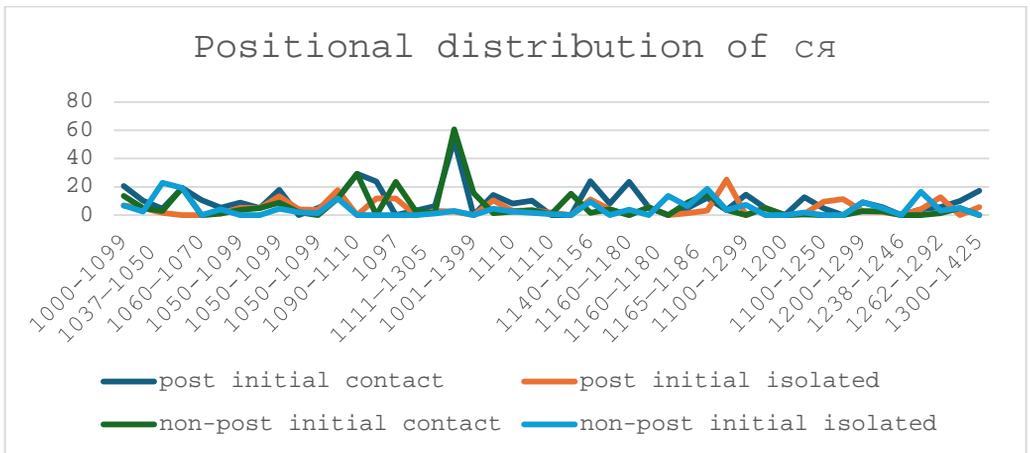
In the next section I will leverage the Czech theory of clitic positions, adapted for OES, to examine the distribution of *ся* in my corpus.

The following search parameters were set for the analysis: [word = “ся”]. The respective positions were determined „manually”.

Table 4. summarizes the findings. The first column lists manuscript titles. Next, I included a column for the time of compilation of the text and another one for the number of words. The following four columns represent the counts for each clitic position (2PC, 2P, NPC, NPI). An additional column captures instances where the context was insufficient to determine the position of *ся*.

Each box in the table displays two figures separated by a slash. The first number represents the raw frequency count, while the second number is the normalized count (multiplied by 10,000 in this case).

The following diagram visualises the chronology of this distribution:

Two facts can be deduced from this quite skewed diagram: 1) a general decline in the overall number of syntactic constructions containing "free" *сѣ* starting from the 12th century 2) a decrease in the uses of *сѣ* in the post initial contact position approximately from the 13th century.

Since the data distribution was skewed again, I calculated the median values to compare the distribution of *сѣ* in the overall corpus and across the two language varieties to explore potential language-specific variations.

	median
Σ post initial contact	6,905
Σ post initial isolated	3,07
Σ non-post initial contact	2,68
Σ non-post initial isolated	2,01
CS post initial contact	5.59
CS post initial isolated	2,415
CS non-post initial contact	3,25
CS non-post initial isolated	2,265
Hybrid post initial contact	8,07
Hybrid post initial isolated	3,4
Hybrid non-post initial contact	1,59
Hybrid non-post initial isolated	1,76

By analysing the medians for each clitic position across the CS and hybrid language variety, we can make the following insights:

1) The post initial contact position emerges as the dominant one as evidenced by its higher median value. The second most frequent position in the overall corpus and in hybrid texts was the post initial isolated, aligning with Wackernagel's law. 2) At the same time CS texts show a tendency for *сѣ* to attach directly to its verb host (non-post initial contact position), making it the second most dominant position based on the median.

5. Conclusions

In the course of the investigation, I looked at the behaviour of *сѣ* in the OES subcorpus of the RNC applying the tools and methodology of corpus linguistics and statistical analysis. This approach enabled the analysis of a vast dataset which thus far hindered the research of this topic.

In the manuscripts *сѣ* appears as an independent word as well as a postfix. Frequency analysis demonstrated a clear dominance of postfixal *сѣ* over independent *сѣ* from the very beginning of the textual record. Notably, the use of independent *сѣ* began to decline from the 13th century onwards.

The OES corpus comprises two language varieties of texts: Church Slavic and hybrid. Interestingly, the frequency of *сѣ* (both postfixal and independent)

displayed a significant difference between these registers. The hybrid register exhibited a higher overall prevalence of *ся* compared to the CS register. This finding supports Zaliznyak's hypothesis, suggesting that *ся* was more widespread in the spoken language.

Next, I checked Zaliznyak's hypothesis regarding the potential correlation between the frequency of *ся* and that of other accusative and dative pronominal enclitics. The results of our corpus analysis revealed a remarkably strong positive correlation, suggesting that the decline of other pronominal enclitics mirrored the decrease in the use of independent *ся* over time.

At first glance, the potential positions for *ся* might appear unpredictable. To navigate this complexity, I carried out a twofold investigation of its positional varieties. First, I studied the pre- and postpositional distribution of *ся*. Analysis revealed a shift in preference over time: prepositional *ся* dominated until the 12th century, followed by a rise in postpositional *ся* occurring after a higher-ranking enclitic. Second, I employed the framework proposed by Czech linguists, which distinguishes four clitic positions. This investigation indicated that the prevailing position for *ся* was 2P adjacent to its verbal host. However, the second most dominant position differed between language varieties: in hybrid texts isolated 2P, in CS the non-post initial contact position prevails. Finally, the non-post-initial isolated position – associated with pronominal and participial functions of *ся* – was the least common position across the whole corpus.

In conclusion, our corpus-based investigation of the reflexive element *ся* has yielded significant insights. While the potential positions for *ся* might initially appear complex, the study revealed a clear underlying order. This order was brought to light by applying the methodologies of corpus linguistics and statistical analysis. These tools facilitated the examination of a vast dataset, enabling us to observe diachronic trends and language-specific variations in the usage of *ся*.

Literature

- BIBER, CONRAD, RAPPEN 1998 = BIBER D., CONRAD S., RAPPEN R. *Corpus Linguistics. Investigating Language Structure and Use*. Cambridge, 1998. DOI: [10.1017/CBO9780511804489](https://doi.org/10.1017/CBO9780511804489)
- BREZINA 2018 = BREZINA V. *Statistics in Corpus Linguistics. A Practical Guide*. Cambridge, 2018. DOI: [10.1017/9781316410899](https://doi.org/10.1017/9781316410899)
- KOSEK et al. 2019 = KOSEK P., ČECH R., NAVRÁTILOVÁ O., MAČUTEK J. Wackernagel's Position and Contact Position of Pronominal Enclitics in Older Czech. Competition or Cooperation? // *Jazykovedný časopis*, 2019. 70, 267–275. DOI: [10.2478/jazcas-2019-0057](https://doi.org/10.2478/jazcas-2019-0057)
- STATISTICAL ANALYSIS = *The Beginner's Guide to Statistical Analysis | 5 Steps & Examples*. <https://www.scribbr.com/category/statistics/>
- T-TEST = <https://www.statology.org/t-test-assumptions/>

- БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1965 = БОРКОВСКИЙ В.И., КУЗНЕЦОВ П.С.
Историческая грамматика русского языка. Морфология. Москва, 1965.
- ЗАЛИЗНЯК 2008 = ЗАЛИЗНЯК А.А. Древнерусские энклитики. Москва, 2008.
- КОЛЕСОВ 2005 = КОЛЕСОВ В.В. История русского языка. Москва, 2005.
- САМОЙЛЕНКО 1962 = САМОЙЛЕНКО С.Ф. Из истории основ и грамматических форм личных местоимений в славянских языках // Филологические науки. № 2. 3–15.
- СЕЛИЩЕВ 1952 = СЕЛИЩЕВ А.М. Старославянский язык. Учебное пособие. Москва, 1952.
- ЧЕРНЫХ 1962 = ЧЕРНЫХ П.Я. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1962.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%81/%D1%81%D1%8F>
- ЯНОВИЧ 1986 = ЯНОВИЧ Е.И. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1986.

IRODALOMTUDOMÁNY
KULTUROLÓGIA

ДЁРДЬ БЕБЕШИ – АТТИЛА КОЛОНТАРИ
(Печ – Будапешт, Венгрия)

**Ранняя социалистическая модель государства и общества.
Утопия Павла Пестеля в 1820-х гг.**

Аннотация: П.И. Пестель был видным деятелем движения декабристов, руководил его радикальным крылом, Южным обществом. В предлагаемой во внимание читателей статье изучается его основная работа, Русская правда, где он излагал свою концепцию кардинального переустройства российского государства. В основе его концепции лежало стремление к созданию гражданского общества с освобождением крестьян и с отменой дворянских привилегий. Кроме этого, Пестель, как убежденный сторонник республики, большое внимание уделяет будущему государственному строю, детально описывает органы управления, их субординацию и полномочия. Система его взглядов представлял собой своеобразную смесь европейского либерального мышления и русских имперских традиций. Предложенные им средства – насильственный захват власти, ликвидация императорской семьи, введение диктатуры и цензуры, тотальное наблюдение за обществом – делают его ранним предшественником большевиков.

Ключевые слова: Пестель, декабристы, Русская правда, равенство, централизация, ассимиляция

Государственно-теоретические, социальные и политические взгляды декабристов были изложены ими во многих работах¹, из которых в настоящей статье нами будет рассмотрена наиболее радикальная концепция – «Русская правда» *Павла Ивановича Пестеля* (1793–1826). Данную работу в определенном смысле можно считать одним из интеллектуальных предшественников большевизма.

Сын генерал-губернатора Сибири, Пестель участвовал в Отечественной войне 1812 года, одним из первых вступил в Союз спасения, основанный в 1816 году, и активно участвовал в разработке его программы. По сути,

¹ Лидер Северного общества Н.М. Муравьев также разработал амбициозный конституционный проект, гораздо более умеренный, чем проект Пестеля, и с принципиально иными соображениями по некоторым вопросам, например, по форме государственного правления. См. об этом: (MURAVJOV 2007: 97–107).

«Русская правда»² является политической программой Южного общества, но она не охватывает полный спектр взглядов Пестеля, например, в ней не обсуждаются способы захвата власти, необходимость ликвидации царской семьи и т.д. Эти идеи он излагал в предыдущие годы в Уставе Южного общества и в своих письмах. Последующим поколениям они известны по мемуарам и воспоминаниям соратников Пестеля в декабристском движении, М.П. Бестужева-Рюмина³ и князя С.П. Трубецкого⁴.

Первый крупный раздел «Русской правды», являющийся наиболее важным с точки зрения нашей темы, разъясняет понятие «государственного благоденствия» (PESZTYEL 2007: 107) и связанные с ним обязанности. Ключевой категорией в теории Пестеля является благоденствие. Он приходит к выводу, что у каждого человека в государстве есть обязанности, но эти обязанности сопровождаются и правом. Эти обязанности могут быть определены, и Пестель обобщает их в *правилах*. Благоденствие общества всегда должно цениться выше благоденствия отдельного человека.

Самой важной политической категорией Пестель считает народ, поэтому теоретически разъясняет его понятие и определяет его отношение к правительству. Согласно определению Пестеля, «народ – это совокупность людей, принадлежащих к одному государству и образующих гражданское общество, имеющее целью своего существования, возможное Благоденствие Всех и каждого» (PESZTYEL 2007: 108). Он пишет о том, что каждое государство состоит из народа и правительства, каждое из которых имеет свои особые обязанности и

² Сам текст документа сохранился частично, его первое венгерское издание вышло в 1954 году, и с тех пор ни на русском, ни на венгерском языках критическое издание не выходило. Для нашего анализа мы использовали в основном эту версию, поскольку она содержит вступительную статью и сжатый отрывок, продиктованный Бестужеву-Рюмину. К этому мы прибавили фрагменты, опубликованные Сергеем Филипповым в 2007 году, но полным вариантом текста мы не располагаем. Пестель работал над рукописью более 10 лет, принимая во внимание мнения многих товарищей-декабристов, и несколько раз перерабатывал материал. Работа была завершена к 1823 году, когда она была принята Южным обществом в качестве программного документа, а в 1824 году ей было дано название «Русская правда».

³ Бестужев-Рюмин писал: «На юге Пестель протестовал против роспуска и реорганизовал Общество по новому плану... Цель осталась прежней, но Пестель заставил большинство согласиться на истребление царской семьи» (BESZTUZSEV-RJUMIN 1954: 128).

⁴ Трубецкой, например, писал о создании Общества благоденствия следующее: «Пестель очень симпатизировал масонским формам и хотел, чтобы мы тоже ввели нечто подобное... [но] он вызвал к себе недоверие у некоторых членов... так, как он утверждал, что Франция была счастлива под управлением Комитета общественного спасения» (TRUBECKOJ 1954: 121–122).

права, но утверждает, что «*правительство существует для Блага Народа*» (PESZTYEL 2007: 108). Пестель также верит в гражданский идеал равенства перед законом. Под этим он подразумевает, что все граждане государства должны иметь равные права (PESZTYEL 2007: 121-122).

Чтобы достичь этой цели, следующий большой раздел «Русской правды» посвящен необходимости реорганизации России и принятия новых законов. Текст разделен на параграфы, и это указывает на то, что автор рассматривал свою работу, как основу будущей конституции. Он не оставляет никакого сомнения в том, что нынешняя государственная система Российской империи не является благоустроенной, а подчиняется прихоти правителей. Русский народ не является и никогда не может быть собственностью какого-либо лица, а должен составлять благоустроенное *гражданское общество*. Отсюда вытекает «*необходимость*» для России полностью перестроить государственный строй и управление, издать новый свод законов, который переводит страну на совершенно новую основу.

Задача преобразования страны, как объясняется в следующем разделе, *возлагается на Временное верховное правление*, которое начнет свою работу с публикации «Русской правды» и на основе ее преобразует государство и общество. Поскольку это огромная задача, необходимо принять переходные меры, чтобы избежать хаоса и беспорядков (PESZTYEL 1954: 180). Представляя переходную систему как необходимый период, автор, возможно, первым, задолго до Маркса и других левых писателей, выдвинул мысль о том, что общество всеобщего благосостояния не может быть создано сразу из данной формы правления и общественного строя, и что нужен переходный период, в котором, уже имея власть в руках, можно преобразовать общество и общественное мышление, в случае необходимости даже насильственным путем. Этот период позже был назван социализмом.

Как должно быть реорганизовано общество новой властью – на этот вопрос ответ дает сама «Русская правда», которая должна быть рассмотрена в качестве «Конституции». Поскольку сам Пестель исходил из того, что переходный период займет около 30 лет, и вовсе не был уверен, что высоко оцененный им русский народ сразу признает величие нового строя, он хотел обеспечить эффективную работу администрации и поддержание общественного порядка в течение всего этого периода. Он хотел создать министерство полиции, которое он назвал «*Департаментом административного управления*», систему внутреннего наблюдения и разведки, напоминающую секретные службы, под названием «*Управление тайных розыскных дел*» (HELLER, NYEKRICS 1996: 449). Необходимо отметить, что идея внутреннего контроля над обществом, идея тотального наблюдения возникла здесь в очень развитой форме

через 100 лет после Петра Великого и за 100 лет до большевиков. Пестель считал необходимым и введение *цензуры*.⁵ По предложению Пестеля страна должна быть разделена на губернии, во главе с генерал-губернаторами, наделенными как военными, так и административными полномочиями. Внутренний порядок будет обеспечиваться создаваемым *корпусом жандармов*, численность которого он определил в 50 000 человек, с расчетом 1 000 жандармов на губернию (HELLER, NYEKRICS 1996: 449). Губернаторства будут разделены на округа, и жителям каждого округа будет запрещено покидать их территорию без разрешения. Государство должно быть централизованным в соответствии с принципами, изложенными в «Русской правде», а идею федерализма, согласно которой во время царствования Александра I польским и финским областям была предоставлена определенная конституционная автономия, Пестель считал ошибочной (PESZTYEL 2007: 115–116). По его мнению, *будущая республика должна быть унитарным, централизованным государством с единым населением и религией*.⁶ Хотя переходный период, как уже говорилось выше, оценивался автором в 30 лет, саму диктатуру он считал необходимым сохранить на 10 лет, в течение которых диктатором был бы сам Пестель, но об этом в документе, конечно, открыто не говорилось.

Следующая большая часть работы посвящена земле и национальностям. Основная идея Пестеля заключается не в увеличении территории Империи любой ценой, а в установлении процветания на существующих территориях. Что касается российской экспансии, автор намеренно избегает употребления термина «Империя», несмотря на то, что, по инициативе Петра Великого после Ништадтского договора, завершившего

⁵ Император Николай I следил за процессом над декабристами, внимательно читал показания декабристов и писал свои комментарии от руки на полях, как это было принято у русских царей. Будучи, как и большинство обвиняемых, военным человеком, император выслушивал их предложения и некоторые из них воплощал в жизнь, но не для того, чтобы демократизировать или модернизировать страну, а чтобы сохранить свой собственный самодержавный строй. Он поручил А.Д. Боровкову, главе Следственной комиссии, подготовить для него резюме взглядов декабристов на состояние России. Он с особой симпатией отнесся к мерам, разработанным Пестелем и его единомышленниками для обеспечения переходного периода. См. об этом: (BOROVKOV, TATYISCSEV 2007: 129–137).

⁶ Польские масонские группы, с которыми был установлен контакт, должны были начать параллельное восстание в Варшаве и убить великого князя Константина Павловича, генерал-губернатора Варшавы. Поскольку поляки требовали признания независимости Польши в обмен за поддержку, Пестель после захвата власти был готов согласиться на это при условии, что только те губернии могут войти в состав польского государства, которые выражают готовность присоединиться к независимой Польше (PESZTYEL 2007: 113–114).

Северную войну, страна стала официально называться «Российской империей» (PESZTYEL 1954: 183) В то же время Пестель, как военный офицер, соглашается с колониальными устремлениями империи. Согласно этой теории, сильнейшее государство в политическом регионе объединяет живущие в нем государства, то есть подчиняет их своей власти. Видно, что Пестель был проникнут идеей имперского превосходства, побежденным малым народам он предлагал «*сообщество народов*» и право на благоденствие в обмен на добровольную ассимиляцию⁷. В четвертом параграфе своей работы он четко и однозначно заявил, что «*Россия является единым и неделимым государством*» (PESZTYEL 2007: 114).

Интересна его позиция в *отношении евреев*, он также предлагал им либо ассимиляцию, что автоматически положило бы конец их дискриминации, либо возможность уехать на Ближний Восток, где они могли бы создать свое собственное государство (PESZTYEL 2007: 118–119). Пестель ясно заявил: «*Все племена должны быть слиты в один народ*» (PESZTYEL 2007: 119).

В следующих главах рассматриваются различные слои российского общества и их проблемы. Пестель в их отношении употребляет термин «*сословие*», хотя в России не было сословного развития в западно-европейском смысле слова.

Первый слой, положение которого он описывает – это дворянство, которое он считает обособленным от «народных масс» сословием. Их привилегии он суммирует в 5 пунктах. Первое: дворяне владеют другими людьми как своей собственностью; второе: не платят налоги; третье: не подвергаются телесным наказаниям в судах; четвертое: не подлежат рекрутской повинности, но занимают все важные государственные должности, и, наконец, имеют право пользоваться дворянским титулом и родовым гербом. Пестель подчеркивает, что эти права не основаны на каких-либо предварительных обязательствах, следовательно они фактически являются *привилегиями*. Далее автор приводит подробную аргументацию, почему эти привилегии больше не могут быть сохранены: например, тот факт, что человек имеет других людей в качестве собственности, «*противоречит человечности, противоречит естественному праву, противоречит святой христианской вере*» (PESZTYEL 1954: 187). Что касается системы наказаний, то Пестель выдвигает очень важный и современный принцип, а именно, что одно и то же преступление должно наказываться одинаково, независимо от того, кто

⁷ Пестель написал отдельный параграф о кавказских народах, различая их на две группы – на «*мирных и буйных*». Первым будет дозволено остаться на прежнем месте под общим российским правительством и режимом, пока вторые – это те, которые он считал нужным насильно переселять в глубь страны (PESZTYEL 2007: 117).

его совершил. Цель наказания, объясняет Пестель, состоит не в том, чтобы «мучить виновного, а в том, чтобы исправить его и его примером удержать других от совершения подобных преступлений» (PESZTYEL 1954: 188). Против четвертой привилегии дворян – освобождения от рекрутирования – Пестель приводит, что рекрутирование воинов необходимо для безопасности государства⁸. Что касается титулов и званий, то, по его мнению, они возникли в те времена, когда они были связаны еще с конкретными должностями или определенной степенью власти. Он считает, что доверие и уважение общества можно завоевать не наследственными титулами, а личными заслугами.

В следующих параграфах «Русской правды» рассматривается положение различных групп земледельцев, среди которых Пестель различает свободных крестьян, дворянских крестьян, дворовых людей и заводских крестьян⁹. Пестель учитывает то обстоятельство, что сам класс свободных крестьян очень разнообразен: среди них есть действительно вольные крестьяне, малороссийские казаки, панцирные бояре, однодворцы, колонисты и другие, все они отличаются друг от друга своими привилегиями и свободами. Рецепт тут тот же, что и раньше: все свободные крестьяне, независимо от их сословия, должны присоединиться к общему корпусу российских граждан.

Следующим слоем, положение которого он изучает в деталях, является *дворянское крестьянство*, и именно здесь он сталкивается по сути с проблемой освобождения крепостных. Он считает это делом совести и на принципиальной основе утверждает, что никто не может распоряжаться другими людьми как своей собственностью, о чем он уже упоминал в предыдущей части своей работы. Точный способ освобождения крепостных он излагает в другой части «Русской правды», здесь же он считает необходимым заявить, что этот вопрос должен быть решен «Собраниями образованных дворян» после захвата власти. Тем самым он сам себе противоречит, так как ранее он говорил об упразднении дворянского сословия¹⁰. В целом он считает необходимым зафиксировать три основ-

⁸ Это был тот период в российской истории, когда солдат «запрягали», то есть сельские общины были обязаны отправить на службу в армию определенное количество крестьян. Всеобщая воинская повинность, решившая эту проблему, была введена Александром II только в 1864 году.

⁹ Само сословие вольных крестьян было создано в результате ранних реформ Александра I. В 1803 году в Негласный комитет, разрабатывавший реформы, было внесено предложение о возможности добровольного выкупа для крестьян, и для того, чтобы выкупившихся крестьян можно было записать в какое-то сословие, было создано сословие вольных крестьян.

¹⁰ Хотя Пестель этого не объясняет, но можно предположить, что под термином «дворяне» он подразумевает тех граждан, которые в силу своих способностей, достоинств, преданности своей родине, то есть своими заслугами выделяются из

ных принципа: освобождение крестьян от рабства не должно лишать дворян доходов, которые они получают от своих поместий; процесс освобождения не должен приводить к восстаниям и бунтам; освобожденные крепостные действительно должны попасть в лучшее положение и не довольствоваться какими-то фиктивными уступками¹¹.

В параграфе №12 автор продолжает анализировать положения различных слоев крестьянства; следующим слоем, на котором он останавливается, являются дворовые люди. По его мнению, они находятся «в самом жалком положении во всем Российском государстве» (PESZTYEL 1954: 200).

В 13-м параграфе речь идет о *фабричных крестьянах*, которые работают на промышленных предприятиях, частично принадлежащих государству, частично дворянству. По мнению Пестеля, их следует вернуть к их первоначальному сельскохозяйственному статусу, даже путем переселения.

Раздел и использование земли является новым и ключевым моментом в его работе. Он предлагает создание деревенских районов, населенных свободными крестьянами. Затем земля делится на две части; одна часть принадлежит всей общине или деревне, а другая – частным лицам. В другой главе своей работы, в параграфе под заглавием «*О народе в политическом отношении*», он объясняет, как именно он представляет перераспределение земель и какую функцию он намерен придать новым видам земли. Общинные земли, как следует из названия, будут находиться в свободной собственности самого местного сообщества, они служат для удовлетворения *потребностей* местной общины и не могут быть проданы или отданы в заклад. Частная земля будет принадлежать частным лицам или государству, и эти земли предназначены для обеспечения *изобилия*. Перераспределение земли должно быть совершено постепенно, в соответствии с ранее описанным переходом, в течение

общей группы граждан и на этой основе они имеют право на членство в указанном органе.

¹¹ Когда в середине двадцатых годов Пестель изложил свои идеи на бумаге, он уже был знаком с планом *Аракчеева* по освобождению крепостных, в котором скандально известный политик предложил довольно рациональный способ выкупа крестьян. Последний рассматривал дворянское имение как банковский вклад, а налог, который платили крестьяне, как процент, и наоборот, налог крестьян как процентную ставку на сумму, и из этого «капитализировал» выкупную сумму. Ставка банковского процента в то время составляла 5%, то есть если крестьянин платил, например, 5 рублей налогов, то выкупная сумма должна была исчисляться в 100 рублей. Идеи Аракчеева тогда не были реализованы на практике вследствие его опалы, но примерно через 40 лет, во время царствования Александра II, они стали одной из теоретических основ для определения выкупной суммы.

примерно 15 лет. В каждом районе должны быть созданы банк и страховая компания. Имеющаяся земля должна быть распределена в первую очередь между членами местного общества, а посторонние могут претендовать на земельный участок только после того, как местные потребности будут полностью удовлетворены. Все это должно быть официально задокументировано, чтобы в будущем никто не смог поставить под сомнение новое право собственности на землю.¹²

Интересно, что о духовенстве Пестель пишет удивительно коротко и лаконично. Оно – по его мнению – «не может быть рассмотрено ни отдельным социальным сословием, ни особой ветвью государственного чиновничества» (PESZTYEL 1954: 202). Их судьба такая же, как и у всех других привилегированных классов: согласно концепции Пестеля, они должны быть «слиты с общим корпусом российских граждан» (PESZTYEL 1954: 202). Это новое сословие будет называться *гражданским обществом*. В политическом отношении наиболее важное сообщение Пестель делает в конце этого раздела, оно сводится к тому, что раз после преобразования общества уже все люди стали равноправными гражданами, все они будут находится под юрисдикцией тех же самых законов.

Следующая глава, параграф №18, называется «*О народе в гражданском отношении*». Под гражданскими ценностями Пестель подразумевает духовную свободу, сюда он относит главным образом свободу издания книг, газет, периодических изданий, картин, гравюр и создания типографий. Любопытно, что о других фундаментальных ценностях он не считает нужным упоминать¹³.

Одной из самых важных и впоследствии наиболее часто цитируемых частей «Русской правды» является изложение основных принципов *новой конституции*. Уже в самой заглавии Пестель констатирует, что он считает Конституцию незыблемым основным законом нового государства – *республики*. Он делит правительство на верховную власть и фактическое правительство. Верховная власть состоит из *Народного веча* и *Государственной думы*, причем первое отвечает за законодательную власть, а второе – за исполнительную. Пестель также считает необходимым создание надзорного органа власти. Политический контроль должен осуществляться *Верховным собором*, состоящим из 120 членов. Народное вече будет состоять из представителей, избираемых народом на пятилетний срок, оно будет своего рода коллективной главой государства.

¹² К самому методу распределения земли, как уже упоминалось выше, Пестель вернется в совершенно другой главе своей работы. Эту сложную, детально проработанную систему, пытающуюся учесть, как и дворянские, так и крестьянские интересы, мы не будем затрагивать в данной статье.

¹³ Эти ценности включали в себя право на свободу слова, собраний, печати, совести, религии, право на занятие должности и т.д.

Согласно проекту Пестеля, одна пятая часть представителей ежегодно подлежала переизбранию. В этой системе нетрудно обнаружить положение и режим работы Сената США¹⁴. Вече избирает своего председателя из числа своих членов с наибольшим стажем, само определяет свою повестку дня, является однопалатным органом, решает вопросы войны и мира и никем не может быть распущено. Между сессиями его функции исполняет «Временный комитет». В этом мы видим интересную предпосылку будущей советской модели; когда «советский парламент» не заседал, вместо него власть осуществлял Президиум Верховного совета СССР. Государственная Дума состоит из пяти членов, избираемых народом на пять лет. Каждый год один из членов уходит в отставку и вместо него избирается новый член. Дума заседает под председательством того члена, который находится на пятом году своего срока. Данная система напоминает Директорию Французской революции, также состоящую из пяти членов, и представляющую исполнительную власть в послереволюционной Франции. Члены Думы делегируются Народным вечем из числа выдвинутых губерниями кандидатов. Министерства и правительственные учреждения находятся под управлением Думы, которая имеет отдельную канцелярию. Сам Верховный собор состоит из 120 членов, называемых боярами, с пожизненным сроком полномочий. Опять же, кандидатуры выдвигаются губерниями, а из кандидатов вече выбирает бояр. Собор не принимает участия ни в законодательной, ни в исполнительной власти, а выступает в качестве надзорного органа, Вече же направляет ему законы на утверждение перед обнародованием. Собор не изучает содержание представленных документов, но определяет их формальное соответствие законам, Конституции. Здесь тоже нетрудно заметить влияние американской политической системы, где Верховный суд, состоящий из девяти членов, действует одновременно как высший апелляционный форум и как конституционный суд. Именно эту вторую функцию Пестель включил в полномочия Собора. Помимо этого, Верховный собор осуществляет контроль над министерствами и губерниями. В каждую губернию Собор направляет генерального прокурора для обеспечения законности и порядка, без одобрения которого никакие центральные или местные постановления не могут вступить в силу. Идея здесь восходит к Петру Великому, который поставил Священный Синод под контроль государства, подчинив его обер-прокурору.

¹⁴ В Конгрессе США сенаторы избираются на шестилетний срок в верхнюю палату Конгресса, и каждые два года треть из них подлежит переизбранию, как и члены Вече.

Подведение итогов

«Русская правда» Павла Пестеля 1824 года является своеобразным представлением о будущем России. В ней мы можем найти отголоски западных либеральных, социалистических идей того времени, особенно в отношении человеческих свобод и благоденствия личности, равенства перед законом и т.д. Эти представления смешиваются с идеологией российского имперского превосходства, идеей экспансии и завоевания. В воображаемой Пестелем России все рождаются равными, процветание и благоденствие каждого человека очень важны, но это процветание должно быть достигнуто гражданами под строгим государственным надзором. Дух «Русской правды» пропитан религиозной моралью, которая смешивается с идеей свободы западной философии и с заимствованным из практики российского самодержавия требованием преданности государству. Каждый имеет право на счастливую жизнь, свободное предпринимательство, даже покоренные народы, при условии их ассимиляции с основной русской массой: для этого они должны отказаться от своей религии, и тогда они смогут пользоваться правами, предоставляемыми всем гражданам России.

Социально-философская логика Пестеля заключается в создании однородного гражданского населения с едиными правами и обязанностями: социальные слои и сословия, отказавшись от своих прежних привилегий или освободившись от прежнего бремени, должны интегрироваться в это унитарное общество. Однако все члены этого нового гражданского общества будут пользоваться едиными правами, при условии, конечно, что они выполняют свои обязательства перед государством в области уплаты налогов, военной службы и т.д. Таким образом, Пестель хочет *гомогенизировать* российское общество, но не всегда имеет четкого представления о том, как это должно быть реализовано.

Проблемы, которые он видит, но не может решить теоретически, он оставляет на усмотрение будущего Верховного временного правительства или созданных в отдельных районах «Собраний образованных дворян». Он осознает, что для создания задуманной модели общества и государства потребуется много времени. Пестель предусматривает 30-летний переходный период, и на первые 10 лет считает необходимым введение военной диктатуры для успешного проведения перехода. Это будет переходный период, так как он уверен, что некоторые люди будут приветствовать его идеи, но неграмотный, уважающий батюшку-царя русский народ придется заставить силой перейти к новой системе, и это опять-таки является задачей Временного правительства. Хотя Пестель об этом нигде прямо не заявляет, но из всего сказанного вытекает, что он сам хочет управлять этим процессом в качестве диктатора и это было хорошо известно и его революционным товарищам.

Идеальная форма государства для Пестеля – это централизованная одноязычная республика с единой верой и единственным центром управления. Перед нами вырисовывается своеобразная смесь американской государственной модели, идей французской революции и унаследованных из царского прошлого терминов и традиций. В целом описанное Пестелем государство более демократичное, чем царское самодержавие, несмотря на то, что он категорически отвергает любую форму федерализма.

Пестель во многих отношениях опередил свое время, и в этом смысле он является *предшественником* разных политических групп и течений. Захват власти путем военного восстания или переворота, уничтожение царя и его семьи, частичная или полная отмена привилегий дворянства и привилегированных классов общества, введение диктаторского режима после прихода к власти для установления идеальной модели государства, разделение страны на военные округа, идея тотального наблюдения за обществом, специфические формы цензуры – эти идеи были осуществлены на практике разными диктаторскими режимами последующих эпох. Однако его благонамеренная нравственная наивность, стремление к лучшему, видение более справедливого общества и более эффективно функционирующего демократического государства являются неоспоримой исторической заслугой, как и несомненен тот факт, что как военный офицер он не мог выйти из тени русского национального величия и имперского мышления. Пестель – дитя своего времени, так же, как и его мысли являются продуктом той эпохи, смесью современной западной мысли и русских традиций, и со всей своей эклектичностью и наивностью, радикализмом и смелостью являются достойной для изучения частью истории русской и общечеловеческой мысли.

Литература

- BESZTUZSEV-RJUMIN 1954 = BESZTUZSEV-RJUMIN A.A. (MARLINSZKI). Adatok a politikai társaságról // TRÓCSÁNYI GY. (ford.), NIEDERHAUSER E. (szerk.) Dekabristák válogatott írásai. Budapest, 1954. 127–130.
- BOROVKOV, TATYISCSEV 2007 = BOROVKOV A.D., TATYISCSEV A. Összefoglalás a dekabristáknak az Orosz Birodalom állapotára vonatkozó vallomásai alapján // SZVÁK GY., FILIPPOV SZ. (szerk.) Az újkori orosz történelem forrásai. XIX. század. Budapest, 2007. 129–137.
- HELLER, NYEKRICS 1996 = HELLER M., NYEKRICS A. Az Orosz Birodalom története. Budapest, 1996.
- MURAVJOV 2007 = MURAVJOV N.M. Alkotmánytervezete // SZVÁK GY., FILIPPOV SZ. (szerk.) Az újkori orosz történelem forrásai. XIX. század. Budapest, 2007. 97–107.
- PESZTYEL 1954 = PESZTYEL P.I. Az Orosz Igazság // TRÓCSÁNYI GY. (ford.), NIEDERHAUSER E. (szerk.) Dekabristák válogatott írásai. Budapest, 1954. 178–208.

PESZTYEL 2007 = PESZTYEL P.I. Az Orosz Igazság // SZVÁK GY., FILIPPOV SZ. (szerk.) Az újkori orosz történelem forrásai. XIX. század. Budapest, 2007. 107–122.
TRUBECKOJ 1954 = TRUBECKOJ SZ.P. Emlékirataiból // TRÓCSÁNYI GY. (ford.), NIEDERHAUSER E. (szerk.) Dekabristák válogatott írásai. Budapest, 1954. 120–126.

An Early Socialist Model of State and Society. Pavel Pestel's Utopia in the 1820s. Pavel Pestel was an outstanding member of Decembrist movement, a leader of its radical wing, the Southern Society. The article offered to the readers' attention studies his main work, *Russkaya Pravda* (Russian Truth), where he outlined his concept of radical reorganisation of the Russian state. In addition, Pestel, as a convinced supporter of the republic, pays great attention to the future state system, describes in detail the organs of government, their subordination and powers. His system of views was a peculiar mixture of European liberal thinking and Russian imperial traditions. The means he proposed – violent seizure of power, liquidation of the imperial family, introduction of dictatorship and censorship, total surveillance of society – make him an early predecessor of the Bolsheviks.

Keywords: Pestel, Decembrists, *Russkaya Pravda*, equality, centralization, assimilation

ИОСКЕВИЧ МАРИНА МИХАЙЛОВНА
(Гродно, Беларусь)

Мифологический подтекст «мессианской» деятельности героя в трилогии «На ростанях» Я. Коласа

Аннотация: В статье раскрывается мифологическая последовательность функций главного героя в трилогии «На ростанях» Я. Коласа, которая признается одним из значимых белорусских произведений революционной тематики. Полная реализация представленной функциональной последовательности формирует мифологический подтекст «мессианской» деятельности героя, усиленный библейскими аллюзиями и реминисценциями на эксплицитном уровне художественного текста, что способствует внедрению социального мифа о необходимости революционных преобразований в читательское сознание.

Ключевые слова: структурная мифокритика; социальный миф; трилогия Я. Коласа «На ростанях»; Великая Октябрьская социалистическая революция

Социальная мифология обеспечивает «процесс порождения действительности» (ГРИЦЕНКО 2006: 84), выступает как система «онтологизированных семиотических ценностей, которые актуальны в данной конкретной социокультурной общности» (СОБОЛЕВА 1999: 148). Исследователи говорят об «очевидной регулятивной функции мифа, который является одним из *важнейших механизмов организации социальной, хозяйственной и культурной жизни коллектива*. Миф представляет целостное знание о мире, миропонимание, с его помощью организуется и регламентируется жизнь общественного человека. Миф обуславливает правила социального поведения и систему ценностных ориентаций» (НЕКЛЮДОВ 2005: 17–38), способствует гармонизации и единению общества. Без идеологии, которая предстает как «национальная мифология», нация перестает быть нацией и рискует «вовсе прекратить свое историческое бытие даже как народ» (ПОЛОСИН 1999: 207).

Художественное произведение может выступать одним из средств внедрения социального мифа, оказывать идеологическое воздействие на читательское сознание, обладая ярко выраженной воспитательной функцией. Ярким примером подобных книг выступают произведения советской эпохи, созданные в русле социалистического реализма. Тематика подобных произведений определялась социальным заказом.

По мнению А. Иванова, архаический пласт представляет собой основу социального мифа, «совокупность устойчивых мифологических архетипов, которые имплицитно присутствуют на уровне менталитета» (ИВАНОВ 2017б: 26). На уровне конъюнктурного компонента социального мифа, в основе которого лежит архаический пласт, «происходит рационально-теоретическая обработка исходных мифологических архетипов и их трансформация в четко сформулированные идеи, концепты, программы действия, в конечном счете, идеологии» (ИВАНОВ 2017а: 16).

Как мы полагаем, подобную структуру, состоящую из архаического пласта, на который «наслаивается» актуальный идеологический компонент, имеют и произведения, транслирующие социальный миф в читательское восприятие. Писатели советской эпохи не могли избежать воздействия социального мифа (это невозможно для авторов любой эпохи – «трудно порвать с мышлением государства, которое присутствует даже в сокровенных наших мыслях» (БУРДЬЕ 2007: 221) и необходимости отражать основные идеологические установки, что было условием прохождения цензуры и нашло отражение на различных уровнях поэтики художественных произведений.

Архаический миф о сотворении мира отразился в представлении о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эры в истории человечества. Утверждалось, что в царской империи царила власть капиталистов, трудящиеся сталкивались с общественным неравенством и притеснением. По словам С. Рязановой, «начиная от листовок РСДРП – “Всякий победный шаг революции спасет сотни тысяч и миллионы людей от смерти, от разорения и голода”» (РЯЗАНОВА 2009: 19), и «вплоть до программ КПСС дается описание революционного события как архетипического, с обязательной функцией мироустройства» (РЯЗАНОВА 2009: 138). Соответственно, в результате свершения Великой Октябрьской социалистической революции образовалась новая коммунистическая общественно-экономическая формация.

Как мы полагаем, представление о революции как сотворении нового мира закономерно отразилось в литературе. Создание книг революционной тематики было вызвано необходимостью оправдать появление нового мира, неизбежность перехода к иному государственному строю. Образ героя-революционера несет значимый воспитательный посыл, «обладает мифологическим подтекстом мессии, несущего “новую веру”, ведущего подготовку и осуществление “акта творения” – революции» (ИОСКЕВИЧ 2023б: 501), которая приведет к возникновению справедливого общественного устройства. Революционный мессианизм стал основой советской социальной мифологии, что закономерно отразилось в литературе социалистического реализма. Наличие в революционных произведениях библейского подтекста некоторые исследователи связывают с традициями житийной литературы. Так, Ю. Борев

отмечает, что «роман Н. Островского “Как закалялась сталь” по своей внутренней структуре напоминает житие» (БОРЕВ 2008: 124–125). Г. Хазагеров пишет о том, что авторы, развивающие в своих произведениях революционную идею, «явно опирались на традиции жития» (ХАЗАГЕРОВ 2000: 85).

Как мы полагаем, произведения, обладающие способностью транслировать социальный миф в читательское восприятие, имеют определенную последовательность функций, составляющих мифологическую композиционную основу: «Функция 1 (F1) – герой оказывается в “мертвом мире”. Функция 2 (F2) – герой испытывает “недостачу” (термин В. Проппа). Функция 3 (F3) – деяния героя по преобразованию “мертвого мира”. Функция 4 (F4) – герой “претерпевает” (испытания, страдания, смерть). Функция 5 (F5) – “возрождение” героя» (ИОСКЕВИЧ 2021a: 162). Эта последовательность функций отражает композицию библесского мифа как одного из вариантов мономифа об умирающем и возрождающемся божестве, который также выступает в качестве смысловой основы многих религиозных культов (Осириса, Диониса, Аттиса, Митры, Христа). Придание герою божественных черт является к тому же распространенной социально-политической практикой, призванной возвышать, сакрализовать образ героя и его деяния, побуждать следовать его примеру. Указанная последовательность функций характерна для произведений революционной тематики, представляющих царскую империю как мифологический «мертвый» мир и оправдывающих необходимость революционных преобразований. Таким образом, исследование будет осуществляться в русле структурной мифокритики, ставящей целью раскрыть структуру мифа (к примеру, в работах В. Проппа и Дж. Кэмпбелла), а также обосновать типологическое сходство художественных произведений на основе мифологического структурного построения.

Цель данной статьи – раскрыть мифологическую композиционную основу одного из значимых белорусских произведений революционной тематики – трилогии «На ростанях» Я. Коласа, эпоса о судьбах крестьян и интеллигенции в начале XX в. Первая книга автобиографичной трилогии Я. Коласа «На ростанях» вышла в печать в 1923 г. и определялась автором как бытовая повесть. В двух последующих повестях события, происходящие с главным героем, Лобановичем, отражают путь в революционное движение самого Я. Коласа. Однако исследователи отмечают, что «нельга поўнасьцю атаясамліваць аўтара з яго героем» (ШАМЯКІНА 2010: 38).

Герой оказывается в «мертвом мире» (F1). Учитель Андрей Лобанович приезжает в глухую полесскую деревню, окруженную лесами и болотами, мифологическими границами «живого» и «мертвого» миров. Учитель рад приступить к работе, познакомиться с местной интелли-

генцией и полешуками, однако ощущает «адарванасць ад жыцця і свету» (КОЛАС 1972: 19), чувствует себя «як бы чымся звязаным, як бы на ім была надзета цесная адзежына» (КОЛАС 1972: 16), оказавшись в метафорическом «мертвом пространстве» полесской глуши.

Временами «мертвый» пейзаж оказывается созвучен внутреннему состоянию героя, оторванного от родных и друзей, – его мучают мысли о бессмысленности жизни и даже самоубийстве. Глушь, которая сперва прельщает Лобановича возможностью работать спокойно, без помех, со временем начинает оказывать воздействие на психологическое состояние героя. При встрече со старым другом Турсевичем он признается: «Вельмі добра хоць зрэдку сустракацца з *жывым* (курсив наш. – М. И.) чалавекам, пагаманіць, адвесці душу. А то жывеш у глушы, дзе *жывога* (курсив наш. – М. И.) слова не пачуеш, жывеш адзін. І думкі розныя бываюць; мігатнуцца ў тваёй галаве, як цень на зямлі ад легкой хмаркі, і забудуцца, як бы асуджаныя на зніштажэнне. А гэты дробны клопат штодзённага жыцця, нецікавага, часта пустога і нікчэмнага, прыніжае цябе, выціскае з цябе ўсе больш вартоўнае» (КОЛАС 1972: 72).

Деревня, где оказывается учитель, построена беспорядочно, во всем видятся следы неряшливости, улицы полны грязи. Это описание противоречит образу обычной белорусской деревни, в которой, по словам повествователя, царят лад и порядок, подтверждая принадлежность Тельшино к «мертвому миру»: «На ўсім ляжала пячаць нядбаласці і нейкай недаробленасці, як бы тутэйшыя гаспадары будаваліся на скорую руку і ўсё рабілі да часу і яшчэ не управіліся даць той лад і парадак, якім, наогул, адзначаецца беларуская вёска» (КОЛАС 1972: 16). По словам Турсевича, здесь даже люди отличаются своим характером: «І дзеці ў школе не тыя. У іх больш сардэчнасці. Больш, ведаеш, гэтай чалавечнасці, а твае палешукі – проста звяркі» (КОЛАС 1972: 73). Эта разница в характерах, обусловленных локально-региональными различиями, призвана, с одной стороны, подчеркнуть неоднородность белорусского общества, обозначить различные ментальные типы, которые требуют к себе различных подходов в просветительской деятельности, а с другой стороны, свидетельствует о его разобщенности и, как результат, низком уровне общественного сознания.

Образ «мертвой» глухой деревни призван не только усилить читательское восприятие ее оторванности от внешней жизни, но и раскрыть «темноту» крестьянского сознания. Крестьяне живут в замкнутом самодостаточном мире, в котором не изжиты языческие представления. Бабка Марья рассказывает учителю о нечистой силе, в существование которой верят и другие полешуки. Накануне церковного праздника возникает путаница в датах, которую не могут разрешить всей деревней, незнакомой с существованием календаря. Зачастую крестьяне вступают в перепалку и даже драку со священником, не обнаруживая почтения к его сану.

Лобанович знакомится с местной интеллигенцией, которая проводит дни в застольях, разговорах о женщинах, игре в карты. «Ну, будзем служыць набажэнства» (КОЛАС 1972: 201), – говорит Помахайлик, тасуя колоду карт. Сравнение игры в карты с богослужением призвано подчеркнуть духовную нищету и порочность так называемой интеллигенции, которая пребывает в «грязи» низменных интересов. Ее основной интерес можно охарактеризовать как материально-телесный: «Рука прагавітасці кладзе на іх свае пячаці і выводзіць звера з глыбінь вашае істоты» (КОЛАС 1972: 211). Хозяйство, достаток, выгодная женитьба – вот основные стремления сельского «общества».

За внешним фасадом благопристойности может скрываться распущенность и даже насилие. Помощник начальника разъезда Суховаров похвальноется, что на днях «залучыў ён да сябе адну маладзіцу» (КОЛАС 1972: 65). Максим Горошко рассказывает Лобановичу про связь с женой отца Кирилла. В семье подловчего рано умирает первая пани Баранкевич, не выдержав издевательств и побоев мужа. Вторая пани подловчая может поведать о невзгодах своей жизни только приезжему Лобановичу, не находя в себе сил оставить семейство, для которого она так и не стала родной. Редактор Бухберг, которого считают сумасшедшим, обращается к «мертвому» панямонскому обществу со словами, стилизованными под речь библейских пророков: «бо вы замкнуліся ў цесныя сцены, вы прыйшлі ў катух, поўны смуроду, вы атруцілі яго сваім дыханнем» (КОЛАС 1972: 210), «я бачу трупныя цені на ваших тварах» (КОЛАС 1972: 211). Ограниченность большинства представителей интеллигенции, которые узостью своих взглядов, а иногда и поведением, мало чем отличаются от необразованных крестьян, осуждается и героем, и автором. Не случайно Лобанович заявляет, что местечко, средоточие местного общества, – еще большая глушь, чем его деревня.

В противоположность местечковой интеллигенции, учитель принадлежит «живому» миру, читает книгу о звездных мирах, мечтает о путешествиях, «живой» исследовательской и общественной работе: «Яго цягнула вольная праца ў невядомых прасторах людскога жыцця, яму хацелася пашырыць свой круггляд, набыць тыя веды, якіх яму так бракавала. Яго, наогул, захапляла і вабіла жыццё з прынаднымі малюнкамі і таемнымі чарамі» (КОЛАС 1972: 84). По словам И. Науменко, «жыццёвымі пошукамі, імкненнямі, нарэшце, асабістым ўдзелам у рэвалюцыйным змаганні Лобановіч выявіць у сабе перш за ўсё натуру грамадскую, для якой аснова шчасця ў “дзеянасці для ўсіх”. <...> Лобановіч з самага пачатку жыццёвай дарогі адмаўляе соннае балота абывацельскага існавання» (НАВУМЕНКА 1982: 149).

Со временем Лобанович начинает понимать, что в нем растет неудовлетворенность жизнью, в душу все чаще закрадывается чувство одиночества. Даже работа в школе, к которой молодой человек подходил

очень ответственно, начинает казаться бессмысленной. Учитель осознает, что может сделать больше для народа на стезе просвещения, чем заниматься только служебной деятельностью, что означает «павольнае ўміранне душы і зацягванне балотам» и как результат – «грамадзянскую смерць» (КОЛАС 1972: 132).

Герой знакомится с революционными идеями (F2). «Прозрение» героя трилогии «На ростанях» происходит посредством нелегальной брошюры. Знакомство с молодой учительницей Андросовой, ее обещание снабдить Лобановича нелегальной литературой, свести с членами революционной организации мы рассматриваем как реминисценцию на библейский сюжет соблазнения Адама Евой, что приводит к утрате первыми людьми райского блаженства. Для Лобановича рушится привычное миропонимание, социальный порядок и образ царя раскрываются с иной стороны. Идея искушения отражена и во мнении священника о нелегальных прокламациях: «*Калі злы дух намерваецца спакусіць чалавека, ён абяцае яму залатыя горы*» (КОЛАС 1972: 298). Дьячок на уроке Закона Божьего в вольном комическом пересказе также знакомит детей с этой библейской историей. Как мы полагаем, Я. Колас придавал большое значение раскрытию данного подтекста «проницательным» читателем. Ольга Андросова с неприязнью относится к учительскому делу, поскольку не верит в его смысл, ведь учительская профессия направлена на утверждение социального мифа царизма, забивание детских голов «казенной трухой». Иных сторон в профессии учителя она не видит, а во время социальных волнений признается, что и вовсе забросила школу, полностью сосредоточившись на нелегальной деятельности, которая для революционеров выходит на первый план, подавляя идею просвещения народа. По словам А. Петрушкевич, «гэта чалавек з іншага свету, “перакуленага”, карнавальнага, цынічнага у сваёй аснове» (ПЕТРУШКЕВІЧ 2021: 159).

Если Ольга Андросова приводит героя к «новой вере» в необходимость свершения революции, то новая учительница Панямони Тамара Алексеевна устанавливает комический обряд посвящения в «языческую веру», что также соотносится с мотивом соблазнения: «*настаўніца падышла блізенька, працягнула руку і ўзяла Садовіча за вуха і павяла яго вакол стала пад громкі смех прысутных*» (КОЛАС 1972: 201). В мифологической традиции стол является неотъемлемым атрибутом ритуалов, а ухо – каналом связи между внешним и внутренним миром человека. Этот шуточный ритуал мы интерпретируем как приведение Садовича в «веру» всех присутствующих – жить материально-телесными интересами, ради собственной выгоды, что после отразится во внезапном отъезде Садовича в Америку. Очевидно противопоставление «языческой веры» материальных интересов, соотносящейся с местечковым укладом, и «новой веры» (действовать во благо народа), несущей иную систему ценностей.

Лобанович-«пустельник» сопротивляется посвящению в «языческую веру», подобно Христу в пустыне, которого искушал дьявол.

«Як той старажытны біблейскі прарок» (КОЛАС 1972: 209) выступае і Бухберг, рэдактар «Панямонскіх вядомасцей», які прабудзіць свядомасць мясцовай інтэлігенцыі. Рэч Бухберга, адрасаваная ігракам за зеленым сталом, стылізаваная пад біблейскі тэкст: «Вы, у каго ёсць вушы, каб чуць, і вочы, каб бачыць! Ідзіце на прастор, разніміце крылле мыслі, каб пазнаць парадак рэчаў і атрэсці фуз, бруд і пыл, бо імі заслеплены вочы вашы» (КОЛАС 1972: 210). Рэдактара лічаць юродзівым, сумасшедшым, пазней ён трапляе ў дом для умалішаных, што з'яўляецца адной з разнавіднасцей сімвалічнай смерці, претэрпвання рады «новай веры».

У сваёй аўтабіяграфіі Я. Колас адзначае, што нелегальная літаратура «зрабіла ва мне цэлы пераварот, даўшы ход маім разважанням у зусім новым напрамку. Газеты радыкальнага характару, японская вайна, гутаркі настаўнікаў, землякоў, якіх сустракаў летам, накіравалі мяне на рэвалюцыйны шлях. У 1905 годзе я быў ужо заўзатым ворагам самадзяржаў і ў гэтым напрамку вёў работу» (КОЛАС 1963: 289). У трылогіі нелегальная брашура прыносіць Лобановічу радасць пазнання «новай праўды, той праўды, што ў няяснай постаці вякамі жыве ў мужыцкім сэрцы, бунтуючы дух і падымаючы яго на паўстанні, той праўды, за якую лепшыя дзеці народа марнелі па астрогах, гібелі і чэзлі ў ссылках, на катарзе або ў росквіце жыцця складалі галовы па цёмных сутарэннях. І ўсе гэтыя мучанікі за праўду выклікалі здзіўленне і глыбокае спачуванне і з непераможнаю сілаю хілілі на тую цяжкую пуціну пакуты (біблейская аллюзія – *М. І.*), па якой ішлі яны» (КОЛАС 1972: 294). Данная фраза, адсылаючая чытацеля да выявы хрысціянскіх мучанікаў, безумоўна, породжана рэвалюцыйнай эпохай і ўводзіцца для дэманстрацыі канчатковага фарміравання сістэмы цэннасцей галоўнага героя. Отныне настаўнік будзе супраўмерваць сябе з такімі прадстаўнікамі інтэлігенцыі, для якіх сэнсам жыцця стала вера ў рэвалюцыю.

Герой займаецца рэвалюцыйнай дзейнасцю (F3). Першая кніга трылогіі, згодна змыслу аўтара, была прысвечана праблеме народнага просвятання, настаўніцтва і не змяшчала астрой сацыяльнай праблематыкі. Аднак яна правдзіва раскрывала гісторыю роднага краю, жыццё беларускага народа, сялян і інтэлігенцыі.

У другой кнізе трылогіі Лобановіч займаецца нелегальнай работай, вядзе размовы з сялянамі аб нясправядлівасці існуючага строю, спрабуе разбурыць сацыяльны міф, прадполагаючы веру ў «справядлівага» цара, роўна заботяцца аб усіх сваіх падданных, ацця народа («царь-батюшка»). Як вядома, ідэалагічнай платформай царызма быў лозунг «праваславіе, самодержавіе і народнасць», дзе пад «народнасцю» разумелася паважанне ўладам і спакойнасць. Трылогія

демонстрирует, как эта истина внедряется в народное сознание при помощи средств массовой печати, визуальных образов – портретов, висящих в каждом учреждении, а также через систему образования. Между тем Лобанович видит разницу между реальной жизнью и идеологическими установками, что побуждает его задуматься о необходимости собственного вклада в разрушение социального мифа царизма посредством просветительской работы с крестьянами. Крестьяне же твердо убеждены, что «прижим» ведется исключительно со стороны панов-помещиков, а царь является народным заступником и воплощает идею справедливости.

Крестьяне, ради которых социал-демократы идут на жертвы, настоятельно относятся к их идеям. Именно крестьянин выдает Лобановича и Тукалу уряднику. Здесь очевидна библейская аллюзия, ведь именно толпа народа обрекла Христа, пришедшего спасти человечество от греха, на распятие. Крестьяне вовсе не мечтают о кардинальных переменах, их волнует лишь разрешение частных вопросов. Безусловно, читатель времен создания романа должен был относиться к мнению крестьян критически, ведь эти необразованные люди не осознавали важности происходящего, не способны были разобраться в политической ситуации, оценить старания революционеров, готовых погибнуть ради народного блага. Однако эта точка зрения может рассматриваться как способ разрушения социального мифа, намеренно или неосознанно используемый автором.

Герой «претерпевает»: попадает в тюрьму, ссылку, на каторгу либо гибнет (F4). Для всех повестей трилогии «На ростанях» характерна единая структура хронотопа. Пространство связано с тремя деревнями, в которые попадает Лобанович, время – циклично, соотносится с учебным годом, между тем первые две книги заканчиваются символической смертью героя. Первая часть, в которой важна любовная сюжетная линия, повествует о «смерти» героя как невозможности оставаться в глухом Тельшино, прекращении его отношений с любимой девушкой, что преломляется в шуточном диалоге: «Я памёр ужо, – трагічна прамовіў Лабановіч. – Дык гэта вас хаваць тут будуць? – жартавала яна. – Можа, пабегчы пасклікаць баб, каб паплакалі па вас?» (КОЛАС 1972: 136).

Вторая книга трилогии, в которой все громче заявляет о себе социальный контекст, также заканчивается символической смертью главного героя – его арестом за помощь крестьянам в обращении к помещику. Связь с Лобановичем для законопослушных граждан становится опасной, и его ученицу Лиду не принимают в городскую гимназию, несмотря на отличные знания. Появление опальных учителей в доме Широкого вызывает у Тараса Ивановича беспокойство и страх, с которыми он, впрочем, очень быстро справляется и не подает виду, что подвергается

опасности. Другие панямонцы смотрят на гостей, «нібы яны прыйшлі з таго свету» (КОЛАС 1972: 549) (курсив наш – М. И.).

В третьей книге трилогии символическая смерть также имеет место – это заключение героя на три года в крепость по несправедливому обвинению в написании нелегального воззвания к учителям. В суде внимание Лобановича привлекает помост, который он мысленно называет Голгофой – местом страдания. Показания экспертов при сверке почерков Лобановича и автора воззвания расходятся, однако, по словам прокурора, «самым аўтарытэтным экспертам ёсць суд» (КОЛАС 1972: 659). В царской империи человеку, выступившему против установленного миропорядка, невозможно добиться справедливости. Все старания адвоката и свидетельства экспертов в пользу Лобановича оказываются напрасными, поскольку обвинительный приговор был подписан заранее. Сам Я. Колас с горечью вспоминал это судебное заседание: «Лістоўку бралі на экспертызу двойчы. Першы раз эксперты далі патрэбныя суду звесткі. Другі раз прызналі, што рука не мая. Пракурор як усхопіцца! І давай: “З прычыны разыходжанняў у поглядах экспертаў, гаспада суддзі, патрабую Міцкевіча асудзіць”. Так што ў іх усё было вырашана загадзя. Не ўдавалася пасадзіць за падабенства, дык пасадзілі за разыходжанне паміж экспертамі...» (МАЛЯЎКА 2011: 35).

Лобанович страдает за «грехи» своих друзей и претерпевает символическую «смерть» в заключении. «Свои» предают главного героя, подобно тому как Петр отрекся от Иисуса. После учительского съезда спасаются бегством в Америку Алесь Садович и Ничыпар Янковец. Друг Янка Тукала, который раздобыл прокламацию, перестает писать Лобановичу после появления в газетах сообщения о постановлении Виленской судебной палаты и «умирает» для Лобановича: «Эх, Янка! Ці гадаў ты, што я паеду з ураднікам каля твае хаты і не зайду ў яе? Але цябе тут няма, і ты маўчыш, не прамовіш мне ніводнага слова! Няўжо ж ты памёр для мяне?» (КОЛАС 1972: 646). Родные Андрея, предчувствуя беду, относятся к нему как к «вялікаму, хоць яшчэ невядомому пакутніку» (КОЛАС 1972: 652).

«Мертвый мир» острога, который выглядит как грязная трущоба, сперва пугает Лобановича. Учитель не раскаивается в своих поступках, осознавая неизбежность заключения, хотя и сожалеет о трех годах жизни, которые будут потрачены впустую. Однако и здесь течет жизнь, хоть и иная, чем на воле. Аллюзия на мученический подвиг Христа, необходимость «нести свой крест» отражены в шуточном письме, которое Андрей с друзьями отправляют своему другу, написавшему призыв к учительскому сходу. На рисунке изображен молодой человек в одежде сельского учителя с огромным деревянным крестом на плечах. Под рисунком слова пророка Исайи: «Той грехи наши понесе, и язвою его мы исцелихомся» (КОЛАС 1972: 685). Учителя в остроге уподобляются

Христу, пострадавшему за новое учение, но они не раскаиваются, полагая, что народное счастье нельзя добыть без страданий и потерь.

Возрождение героя (F5). Трилогия «На ростанях» заканчивается выходом Лобановича из тюрьмы, его «воскресением», «возрождением» для новой жизни: «Смерць – пачатак новага жыцця» (КОЛАС 1972: 532). Герой направляется «насустрач жыццю і яго прыгодам» (КОЛАС 1972: 694). Лобанович, по его собственным словам, находится «на ростанях», он еще не решил, к какой политической партии примкнет в дальнейшем. Однако повествователь утверждает, что в своей жизни Лобанович будет руководствоваться заветом Голубовича, революционера-большевика, выступающего в роли проповедника о единственно верном учении – марксизме, который будет указывать герою путь, словно маяк. Для героя революционное движение – это «живая вода», которая таится в сердцах людей.

Таким образом, композиция трилогии «На ростанях» Я. Коласа основана на последовательности функций главного героя, которая раскрывает мифологический подтекст его «мессианской» деятельности, готовности к самопожертвованию ради народного блага. В трилогии мессианский подтекст усиливается с помощью библейских аллюзий и реминисценций. Это формирует его положительный образ в читательском восприятии и способствует внедрению социального мифа о необходимости общественных перемен.

Литература

- БОРЕВ 2008 = Боров Ю.Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. Москва, 2008.
- БУРДЬЕ 2007 = Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства. Москва – Санкт-Петербург, 2007. 220–254.
- ГРИЦЕНКО 2006 = Гриценко В.П. Социальная семиотика. Екатеринбург, 2006.
- ИВАНОВ 2017а = Иванов А.Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями политических мифов // Изв. Саратовского ун-та. 2017. Т. 17, вып. 1. 13–18. DOI: [10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18)
- ИВАНОВ 2017б = Иванов А.Г. Социальная мифология в политике // Logos et praxis, 2017. Vol. 16, № 3. 23–31. DOI: [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.4](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.4)
- ИОСКЕВИЧ 2021а = Иоскевич М.М. Социальный миф и повседневность на сюжетно-композиционном уровне дилогии В. Карпова «За годом год» // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия: сб. ст. Чебоксары, 2021. 161–166.
- ИОСКЕВИЧ 2023б = Иоскевич М.М. Травмирующее воздействие социального мифа на авторское сознание (на материале романа «Сын» Р. Мурашко) // Энергия травмы: сб. ст. Гродно, 2023. 499–509.
- КОЛАС 1963 = Колас Я. Аўтабіяграфія // Пяцьдзесят чатыры дарогі. Аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. Мінск, 1963.

- КОЛАС 1972 = Колас Я. На ростанях: трылогія. Мінск, 1972.
- ЛЕНИН 1967 = Ленин В.И. Воззвание к солдатам всех воюющих стран // Голос Великой революции: сб. Москва, 1967. 16–25.
- МАЛЯЎКА 2011 = Маляўка М. Коласаў абярэг: дзецям пра Якуба Коласа. Мінск, 2011.
- НАВУМЕНКА 1982 = Навуменка І. Якуб Колас: нарыс жыцця і творчасці. Мінск, 1982.
- НЕКЛЮДОВ 2005 = Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология: сб. ст. Москва, 2005. 9–26.
- ПЕТРУШКЕВІЧ 2021 = Петрушкевіч А.М. Жаночыя вобразы ў трылогіі Якуба Коласа «На ростанях» // Слова класічнай вышніы: (да 130-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа): зб. навук. прац. Гродна, 2021. 153–160.
- ПОЛОСИН 1999 = Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. Москва, 1999.
- РЯЗАНОВА 2009 = Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности: моногр. Пермь, 2009.
- СОБОЛЕВА 1999 = Соболева Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект // Социологические исследования. 1999. № 10. 145–148.
- ХАЗЕГЕРОВ 2000 = Хазагеров Г.Г. *Введение в русскую филологию*: учеб. пособие для высш. шк. *Екатеринбург, 2000.*
- ШАМЯКІНА 2010 = Шамякіна Т.І. Трылогія Якуба Коласа «На ростанях» // Беларуская мова і літаратура. 2010. № 4. 37–49.

The Mythological Implication of the “Messianic” Activity of the Hero in the Trilogy “At the Crossroads” by Ya. Kolas. The article reveals the mythological sequence of the main character’s functions in the trilogy “At the Crossroads” by Ya. Kolas, which is recognized as one of the most significant Belarusian literary works on revolutionary theme. The full realization of the presented functional sequence forms the mythological subtext of the “Messianic” activity of the hero, reinforced by biblical allusions and reminiscences at the explicit level of the literary text, which contributes to the introduction of the social myth of the need for revolutionary transformations into the reader’s consciousness.

Keywords: structural mythocriticism; social myth; the trilogy “At the Crossroads” by Ya. Kolas, the Great October Socialist Revolution

ЯНА ЯНОВНА ПЕКАРЬ
(Гродно, Беларусь)

**Автор и рассказчик в книге Э. Лимонова
«Мои живописцы»: маска или подлинное Я?**

Аннотация: В статье исследуется проблема авторской маски. Особую актуальность эта давняя традиция приобретает в настоящее время, что связано с изменившейся социокультурной ситуацией. У массового читателя, находящегося под воздействием внетекстовой реальности, сформировалось клиповое мышление, что обусловило весьма тривиальный интерес читателя к искусству. Запрос аудитории на сокращение и упрощение смыслов вынуждает автора скрывать свое лицо за маской. На примере книги Э. Лимонова «Мои живописцы» показано, как практика текстопостроения ориентируется на определенного читателя и соотносится с коммерческой спецификой текста. Э. Лимонов, снижая историческую ценность известных полотен, переосмысливает возвышенный мир искусства, представляя его перед читателем как повседневную, наполненную осязаемыми элементами быта жизнь, в то время как символическое значение произведений художников разного времени им не учитывается.

Ключевые слова: автор, рассказчик, маска, ирония, экфрасис, современная русская литература

В литературных произведениях разных эпох способы проявления индивидуальной авторской позиции меняются. К примеру, в эпоху классицизма, для эстетики которого характерно возведение конкретных явлений к абстрактному и общему, творец художественной реальности авторитарен, его видение понятно читателю по однозначной системе персонажей. С течением времени голос автора нередко устраняется, заменяясь несколькими нарраторами из усложненной системы персонажей. Возникает больше точек зрения, и текст становится не авторским нравоучением, а полем для размышления читателя.

Автор, который «умирает» в эпоху модернизма, в постмодернизме «возрождается», вступая в уникальную игру со своим читателем. Несмотря на то, что игра с фигурой автора не является исключительно постмодернистской чертой (вспомним, например, «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина), именно в эту эпоху развития литературного текста данная категория переосмысливается, получая новую смысловую нагрузку и уникальные способы выражения. Писатели

отказываются от традиционных концепций авторства, больше внимания уделяя созданию своей уникальной авторской маски.

Термин «авторская маска» был введен американским критиком К.Д. Малмгреном в 1985 г. (MALMGREN 1985). Сам прием авторской маски имеет достаточно долгую историю, ведь необходимость введения в повествование образа автора появлялась во все литературные эпохи. Авторская маска соотносится с образом, созданным писателем для представления себя в литературном произведении или за его пределами, в общественной жизни. Такая маска может представлять собой гиперболизированную черту личности автора или роли, в которой он считает нужным предстать перед публикой.

Автор может прятать определенные черты своего видения, «подсвечивая» другие качества, важные для раскрытия авторской концепции. Авторская маска не тождественна автору, но традиционно занимает первостепенное положение по отношению к другим персонажам, если таковые появляются. Таким образом, текстовое пространство становится полем для авторской ролевой игры, в рамках которой проявляются индивидуальные особенности мироощущения, мировоззрения, стиля.

О.Ю. Осьмухина утверждает, что авторская маска выступает как «форма репрезентации (автоинтерпретации, самоописания) автора в пределах художественного произведения, воплощенная в образе фиктивного автора-нарратора, мистифицирующего читателя игровым тождеством/несоответствием (биографическим и стилистическим) с автором “реальным”» (ОСЬМУХИНА 2009: 158). Помимо этого, маска фигурирует не только в рамках непосредственно текста, но и выходит за его рамки: «Маска, ее использование, становится неким культурным фактом, выходя за рамки собственно художественной биографии отдельных писателей и поэтов и выступая темой “общекультурной”» (ОСЬМУХИНА 2009: 137).

«Надевая» такую маску, автор преследует осознанную цель – создать у читателя определенное представление о себе. Обыватель соотнесет биографического автора произведения с включенным в текст автором, что говорит об определенном режиме коммуникации в триединстве автор – герой – читатель. Неподготовленный читатель будет «обманут», сбит с толку авторской маской.

О.Ю. Осьмухина отмечает: «Авторская маска, также как и вымышлена, подлинна в своей основе, поскольку соотносится с писательским образом мышления, жизни, соответственно, с его мировоззренческими, политическими и культурными ориентирами, она является результатом осознанного самоопределения автора как реальной личности» (ОСЬМУХИНА 2008: 158). Маска не обязательно тождественна проявляющемуся в тексте авторскому взгляду, однако автор конструирует маску, близкую собственной личности, отражая в ней определенную грань собственного авторского «я».

Сознательное дистанцирование или, наоборот, сближение собственного образа с представленным в произведениях постмодернистских авторов связано с запросами аудитории на сокращение и упрощение смыслов.

Современные прозаики и поэты активно обращаются к приему создания авторской маски. Таким, например, является Владимир Сорокин, использующий разные типы письма и стилистические манеры, и Виктор Пелевин, предпочитающий существование в виртуальном пространстве и минимальное взаимодействие с реальной публикой.

Авторская маска воплощает, помимо прочего, опыт внутреннего взаимодействия различных точек зрения автора на собственный образ, создаваемый текст и моделирует сложную диалектику авторского видения, что становится просторным полем для исследований современного литературоведения, в котором проблема точки зрения в произведении остается одной из самых дискуссионных.

В качестве примера стремления автора вступить в своеобразную игру с читателем рассмотрим книгу Эдуарда Лимонова «Мои живописцы» (2018).

Личность Э. Лимонова и его провокационное творчество часто оказывались в эпицентре литературной полемики. Современный читатель, нуждающийся в расширении привычных рамок художественной литературы на ее жанровом, тематическом и проблемном уровнях, не смог не заинтересоваться творчеством Э. Лимонова. Резкость и чрезмерный субъективизм автора вызывает самые разные критические оценки: похвальные и оскорбительные, восторженные и возмущенные.

Книга «Мои живописцы» представляет собой двадцать шесть «википедийно» пересказанных биографий знаменитых художников, которые смешиваются с псевдоисторическими фантазиями и личными воспоминаниями писателя. Писатель достаточно резко отзывается о картинах, которые принято считать шедеврами мирового искусства.

Т.Е. Автухович предлагает обратить внимание на оба слова в названии: «В определении “мой” имплицитно акцентируется, что именно эти художники стали фактом жизни автора книги, более того, Лимонов периодически подчеркивает сходство некоторых деталей своей биографии с соответствующими фактами биографии своих героев» (АВТУХОВИЧ 2021: 120). «Своими» Э. Лимонов называет представленных в книге художников и в связи с отказом от «традиционного пиетета перед гениями (своеобразное панибратство, хлестаковское самовозвеличение), от общепринятых оценок и истолкований картин» (АВТУХОВИЧ 2021: 120).

Клиповое мышление современного читателя побуждает писателей прибегать к использованию визуальных элементов. Одним из таких интертекстуальных приемов в литературных произведениях выступает экфрасис, который в творчестве современных писателей, в том числе у Э. Лимонова, утрачивает свои функции.

Экфрасис – это перевод с языка изображения на словесный язык. Перефразируя известное определение Дж. Хеффернана, который понимал экфрасис как словесное представление визуальной образности (*verbal representation of visual representation*) (HEFFERNAN 2004), Ю.А. Башкатова пишет, что «слово пытается приобрести свойство образительности, а изображение получает свойства повествовательности» (БАШКАТОВА 2006: 262).

Шедевры художников в книге «Мои живописцы» представлены как элемент действительности, как декорация, утратившая свое семиотическое значение. Смещение внимания с полотен и их скрытого смысла метафорически свидетельствует об «исчезновении» традиционного искусства, о смене социокультурной ситуации, в которой индивидуальная эмоциональная реакция превалирует над общепринятыми представлениями о значимости того или иного произведения.

По мнению Э. Лимонова, у «Мадонны Евхаристии» Сандро Боттичелли «лицо усталой и озабоченной служанки» (ЛИМОНОВ 2018), а Джоконда Леонардо да Винчи – «стареющая библиотекарьша в шали» (ЛИМОНОВ 2018). Историческая ценность полотен намеренно снижается индивидуальным впечатлением. При этом важно отметить, что Э. Лимонов прекрасно знаком с историей искусства, понимает эстетическую и культурную значимость описываемых им полотен, но, чтобы спрятать свое «я», прибегает к использованию авторской маски, интересной, доступной и, главное, близкой современному читателю.

Авторская маска Э. Лимонова создается писателем при помощи иронии. По Ю. Бореvu, ирония – это «притворство, намерение в шутку или в насмешку сказать нечто противоположное тому, что человек думает, но сказать так, чтобы явить истинный смысл ситуации» (БОРЕВ 2002). Читатель, не знакомый с личностью Э. Лимонова, или, напротив, тесно взаимодействующий с его маской, не сможет выявить элемент иронии, своего рода дистанцирования от подлинного авторского Я, что позволяет говорить о нескольких уровнях понимания размышлений писателя в «Моих живописцах».

Неоднократно в процессе своих размышлений Э. Лимонов упоминает массового зрителя: «У зрелого Боттичелли такая танцевальная, плавающая в воздухе постановка фигур, что меня раздражает. А вот и его современникам нравилось, и сегодняшним толпам нравится» (ЛИМОНОВ 2018). Далее: «Ван Гог – это поэтизация обыденного, поэтому он нравится простолюдинам» (ЛИМОНОВ 2018).

Читатель наивно полагает, что не соотносится с этой толпой, не является частью массы. Сам Э. Лимонов в одном из интервью замечает: «Современность принадлежит всем» (ЛИМОНОВ 2020: URL). Писатель активно пользуется материалом свободной энциклопедии «Википедии», включая ее текст в свою книгу. «Что позитивно с современными нам живописцами, так это обилие информации об их жизнях. Что можно

говорить не только об их шедеврах, но и о том, как они пришли к этим шедеврам. Что подвигло их к созданию именно тех образов, какие они создали» (ЛИМОНОВ 2018).

Несмотря на то, что творческое эго Э. Лимонова, безусловно, возвышает его над «сегодняшними толпами», что проявляется в его авторской маске, писатель во многом считает себя частью тех явлений, которые происходят в общественном процессе, в отличие от сатирика, который ставит себя выше того, что осмеивает.

В этом случае уместно говорить о том, что для авторской маски Э. Лимонова, проявленной в «Моих живописцах», характерен не только иронический, но и карнавальный смех. По Ю. Бореву, отличие карнавального смеха от сатирического заключается в том, что «народ не исключает себя из становящегося целого мира» (БОРЕВ 2002: 59).

Э. Лимонов переосмысливает возвышенный мир искусства, посредством иронии и карнавального смеха представляя его перед читателем как повседневную, наполненную осязаемыми элементами быта жизнь, в то время как символическое значение произведений художников разного времени им не учитывается.

Картины, которые вспоминает Э. Лимонов, отсылают его не столько к размышлению о природе творчества, сколько к воспоминаниям о собственной жизни: «Моя мамка по характеру, наверное, была Ева, по масштабам, конечно, не вышло, Ева-то – праматерь человечества» (ЛИМОНОВ 2018). Далее: «Ван Гог – это наше милое бабушкино прошлое. Потому его адаптировал обыватель» (ЛИМОНОВ 2018). Таким образом во многом мистифицированные жизнь и творчество художников снижаются, чтобы быть ближе к читателю.

Э. Лимонов ставит себя рядом с творческими гениями: «С Врубелем я лежал в одном сумасшедшем доме» (ЛИМОНОВ 2018). Между фрагментами биографии художника Э. Лимонов вспоминает историю о том, как ему повстречались двое калек на костылях. Однофамильцев Врубеля судили за «запутанное криминальное кровавое дело» (ЛИМОНОВ 2018).

«Переселение душ» живописного гения у Э. Лимонова выражено лишь фиксацией сходных черт в творческой манере художников. Ранее недоступный обывателю творческий путь художника опускается до частного, фрагментарное описание полотен пересекается с бытовыми заметками.

Художники уже не гении далекого прошлого, а такие же люди, во многом, по мнению Э. Лимонова, бесталанные: «Периоды гениальных озарений в живописи сменяются периодами свинцовой глупости и механического изготовления однажды сложившихся форм. Сколько тупых Мадонн с жирными резиновыми младенцами оставила после себя эпоха так называемого Возрождения? Десятки тысяч. Сколько вполне бездарных икон появилось после Андрея Рублева? (Их спасает только поврежденность временем.) Также – десятки тысяч» (ЛИМОНОВ 2018).

Священный образ матери с ребенком подвергается критике. В частности, это касается изображенных младенцев: «Мадонны Беллини не хуже и не лучше мадонн других художников, а вот младенцы у него подкачали, жирные, как у всех мастеров того времени, но еще и лоснящиеся как резиновые пупсы. Явно неживые» (ЛИМОНОВ 2018). Писатель критикует «воистину пластмассовых голышей» (ЛИМОНОВ 2018).

«Мадонна из Сенегаллия» кисти Пьеро делла Франчески «похожа на монгольскую молочницу» (ЛИМОНОВ 2018). В то же время «Мона Лиза, в сравнении с беременной Мадонной» того же художника – «просто торговка рыбой» (ЛИМОНОВ 2018).

На одной картине Венера Сандро Боттичелли «стоит в искусственной раковине, в таких поставляют китайцы свои фальшивые морепродукты на российский рынок» (ЛИМОНОВ 2018), на другой она похожа на «Эвелину Шацкую, телеведущую канала "Россия-24", рубрика "Мнения"» (ЛИМОНОВ 2018).

Как видим, Э. Лимонов неоднократно вспоминает популярных личностей современности. Например, маркиз Квинсберри, с сыном которого у Оскара Уайльда был роман, «такой грубиян с физиономией актера Брюса Уиллиса, штаны под коленку» (ЛИМОНОВ 2018).

Смены этих периодов «гениальных озарений» и «свинцовой глупости», по наблюдениям Э. Лимонова, цикличны. У писателя не возникает трепета перед гениями прошлого и пренебрежения к современному искусству. В иконах Андрея Рублева он видит мазню, хоть и гениальную, и в то же время называет работы Энди Уорхола современными иконами, считая, что иконописцем его сделало фиксирование на своих картинах популярных у современного зрителя продуктов. Такой иконой, например, становятся «Зеленые бутылки кока-колы» (1962). Примечательно, что на работе Энди Уорхола не видно содержания бутылки. Это отсылает к обществу потребления, для которого привлекательная оболочка значительно важнее качества употребляемого популярного продукта.

Знаменитости тоже становятся героями икон: «Занявшись изготовлением Мао, Мэрилин Монро, Джона Кеннеди как изготовлением икон, Уорхол по сути дела возводил Мао, Мэрилин Монро, Кеннеди в Богов. Как богиня любви чем, собственно, Мэрилин плоше Афродиты, а щекастый Мао слабее Зевса?» (ЛИМОНОВ 2018).

В то же время Э. Лимонов резко отзывается о Петре Павленском, «пожелавшем протиснуться в двери бессмертия без картин, только с отрезанной мочкой уха» (ЛИМОНОВ 2018). Ван Гог в глазах Э. Лимонова является гением, в то время как Петр Павленский с его отрезанным ухом – «отчаянье от неталантливости» (ЛИМОНОВ 2018).

Пока одни современники Э. Лимонова становятся иконописцами текущей реальности, другие хотят «примазаться двумя строчками к чужой невыносимо увлекательной книге» (ЛИМОНОВ 2018), ведь «это

современная тенденция – влезть в бессмертие задешево» (ЛИМОНОВ 2018).

Сам Э. Лимонов называет себя творцом современного романа, который «необходимо безжалостен, революционен, безумен, пошл и вульгарен» (СКАТОВА 2005: 434). «Мои книги живые... К такой литературе близок был уже Максим Горький, в этом направлении развивались Леонид Андреев, Замятин, Пильняк, Платонов, Шолохов. Они шли... ко все большей жестокости и искренности...» (СКАТОВА 2005: 434)

Таким образом, Э. Лимонов не ставит своей задачей разгадать тайну художника, мотивировку выбора им сюжетов и образов, прочесть визуальный текст. Экфрасис, призванный установить диалог с культурой, углубить, дополнить, разъяснить эмоциональное и эстетическое переживание, больше не фиксирует изменения в культуре и искусстве перелома эпох, не выполняет метапоэтическую функцию, а выступает в произведениях как минус-прием (термин Ю.М. Лотмана): реально существующие полотна упоминаются в тексте, даже описываются, но их понимание снижено до обывательского, буквального и наивного. Экфрасис как минус-прием является одним из выгодных способов взаимодействия с клиповым мышлением современного читателя.

Такое видение мира, выхватывающее интимные подробности изображенного на картинах или биографии самих художников, становится интересным для читателя, привыкшего к отсутствию пиетета перед общепризнанными гениями.

Авторская маска выводит на первый план повседневность с ее бытовыми проблемами и личными переживаниями, близкой к читателю, что позволяет говорить о переходе к новому художественному языку, ориентированному на исследование и отражение реальной жизни.

Для коммуникации со своим читателем Э. Лимонов выбирает иронию и карнавальный смех, что становится основными признаками его авторской маски в книге «Мои живописцы».

В то же время авторская маска становится способом самопознания и самовыражения, элементом своеобразной ролевой игры с читателем и, если смотреть шире, с самой окружающей писателя реальностью. Новая авторская идентичность позволяет писателю «подстроиться» под читателя и продать – в прямом и переносном смысле – ему свой текст.

В эпоху постмодернизма использование авторской маски становится одним из важных элементов авторской стратегии.

Литература

- HEFFERNAN 2004 = Heffernan J.A.W. *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, 2004. 191.
- MALMGREN 1985 = MALMGREN C.D. *Fictional Space in the Modernist and Postmodernist American Novel*. Lewisburg: Bucknell University Press, 1985.
- АВТУХОВИЧ 2021 = АВТУХОВИЧ Т.Е. «Мои живописцы» Э. Лимонова: конец экфрасиса и/или декларация нового художественного языка? // *Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: кол. моногр.* Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы. Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 118–127.
- БАШКАТОВА 2006 = БАШКАТОВА Ю.А. *Интертекстуальность словесно-художественного портрета*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006.
- БОРЕВ 2002 = БОРЕВ Ю. *Эстетика*. Москва: Высшая школа, 2002.
- ЛИМОНОВ 2018 = ЛИМОНОВ Э. *Мои живописцы*. Санкт-Петербург, 2018.
- ЛИМОНОВ 2020 = ЛИМОНОВ Э. *Интервью*. https://smotrim.ru/video/2006264?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp.
- ОСЬМУХИНА 2008 = ОСЬМУХИНА О.Ю. *Маска как средство авторского самопознания: к постановке проблемы* // *Альманах современной науки и образования*. № 2 (9); в 3-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2008. 157–159.
- ОСЬМУХИНА 2009 = ОСЬМУХИНА О.Ю. *Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия*. Саранск, 2009.
- СКАТОВА 2005 = СКАТОВА Н.Н. (ред.) *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био.-библ. словарь в 3 т. Т. 2. 3-О*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005.
- ЦАРЕВА 2016 = ЦАРЕВА Н.А. *Модернизм и постмодернизм: обзор трактовки понятий в современной литературе* // *Научное обозрение. Реферативный журнал*, 2018. № 6. 112–119.

Author and narrator in E. Limonov's book «My Painters»: mask or true self? The article explores the creation of an original mask. This long-standing tradition is acquiring particular relevance at the present time, which is associated with the changed sociocultural situation. The mass reader, under the influence of extra-textual reality, has developed clip thinking, which has led to a very trivial interest of the reader in art. The audience's request to shorten and simplify meanings forces the author to hide his face behind a mask. Using the example of E. Limonov's book "My Painters" it is shown how the practice of text construction is oriented towards a specific reader and correlates with the commercial specifics of the text. E. Limonov, reducing the historical value of famous paintings, rethinks the sublime world of art, presenting it to the reader as everyday life, filled with tangible elements of everyday life, while he does not take into account the symbolic meaning of works by artists of different times.

Keywords: author, narrator, mask, irony, ekphrasis, modern Russian literature

**KÖNYVISMERTETÉS
RECENZIÓ**

MÁGOCSI NYINA
(Будапешт, Венгрия)

**Публикации Института славянской и балтийской филологии
факультета гуманитарных наук университета имени
Лоранда Этвеша (Будапешт) за период 2020–2023 гг.**

Обширное представление о научной работе института или университетской кафедры всегда можно обрести по количеству и исследовательскому профилю научных публикаций членов данной специализированной мастерской. Среди этих работ наиболее важными являются отдельные сборники, будь то монографии или материалы конференций и исследований. Ниже приводится краткое описание отдельных сборников, изданных сотрудниками Института славянской и балтийской филологии на гуманитарном факультете Университета имени Лоранда Этвеша в Будапеште за последние четыре года, в алфавитном порядке фамилий авторов и редакторов.¹ Институт славянской филологии – уникальный в мире специализированный исследовательский и учебный центр, отвечающий за 13 славянских и балтийских языков и культур: белорусский, болгарский, македонский, латышский, литовский, польский, русский, сербский, словацкий, словенский, украинский, хорватский, чешский.

DUDÁS Mária. Magyar-bolgár kontrasztív világgép. Összevető frazeológiai elemzések [Сравнительная характеристика венгерско-болгарской картины мира. Сопоставительный фразеологический анализ]. Budapest, ELTE BTK Szlav Filológiai Tanszék, 2022. 287 pp. В монографии, которая вышла в свет в серии изданий Opera Slavica Budapestinensia, отражены результаты многолетних исследований автора в области сопоставительной фразеологии, осуществленные на основе принципов контрастивной фразеологии. Целью автора является сопоставление фразеологических единиц венгерского и болгарского языков. Работа состоит из трех глав: теоретической части, исследований, осуществленных на основе эквивалентности и сопоставлений на основе значения. Результаты обобщены в заключении. Научное издание дополняют резюме на болгарском и английском языках, а также указатель. В теоретической части монографии представлены типы и характеристики фразеоло-

¹ Выражаем благодарность сотрудникам Института славянской и балтийской филологии при Университете им. Лоранда Этвеша за любезное предоставление материалов для этого отчета.

гических групп слов, описаны отличия пословиц и поговорок, приведены критерии сравнительного анализа фразеологических единиц, а также типы эквивалентности. В ходе анализа фразеологических единств на основе эквивалентности основное внимание уделяется тем фразеологизмам, которые имеют полную или частичную эквивалентность в другом языке, однако представлены и те случаи, в которых эквивалентность полностью отсутствует. В этой части работы отражены основные фразеологические единства со значением цвета (черный, белый, красный, синий, зеленый, желтый, серый), эмоций (радость, грусть, гнев, страх, удивление, отвращение), понятия огня и спорта (мяч). Сопоставления на основе значения осуществляются на основе фразем, не имеющих эквивалентов в двух языках. В данной главе развернуты две основные темы: человек (мужчина/женщина) и национальные/народные стереотипы. Автор рассматривает не только употребляемые в наши дни фраземы, но и устаревшие, что позволяет проследить происшедшие в языках и образе жизни изменения. В заключительной части автор приходит к выводу о том, что венгерский язык богаче фразеологизмами, чем болгарский, что, возможно, объясняется среди прочего и тем, что сбор материала в Венгрии начался раньше. Идентичных идиом и пословиц между двумя языками выявлено не слишком много, кроме того их скорее следует считать транснациональными, так как они встречаются и в других языках.

DUKKON Ágnes. *A veszélyes szépség útjain. Eszmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában* [На путях «ужасной красоты». Идеи, темы и связи в мире классической русской литературы]. Budapest, L'Harmattan Kiadó – Uránia Ismeretterjesztő Társulat, 2021. 358 pp. Настоящий сборник состоит из трех объемных частей: первая и вторая содержат эстетические, поэтические, филологические, компаративистские анализы в хронологическом порядке (от эпохи романтизма до второй половины XIX века), в третьей исследуется восприятие русской литературы в Венгрии от начала до 1940 г. Часть первая делится на три раздела: в разделе под заглавием «Любовь, судьба и история в пушкинском лабиринте текстов» анализируются лирические стихотворения и поэмы Пушкина в контексте мировой литературы; главы раздела «В напряжении глубины и высоты» рассматривают ночные пейзажи и «подземную географию» Тютчева и Гоголя, а в центре внимания следующего раздела («Встречи в мире духа») – эстетические, поэтические и филологические аспекты в произведениях Лермонтова, Кьеркегора, Белинского, Тургенева, Достоевского и В. Соловьева. В Части второй автор посвящает пять глав Достоевскому, в которых исследует философские, психологические, богословские, педагогические и антропологические проблемы в творчестве писателя («Метафизические перспективы духа, души и общественности»). Также в пяти главах

разбираются взаимосвязи между искусством и жизнью, искусством и религией на основе анализа произведений Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Николая Лескова и Владимира Соловьева. Четыре главы Части третьей сообщают интересные факты об истории венгерской славистики, в том числе о восприятии Гоголя и Достоевского в Венгрии до 1940-х гг., а также представляют зарисовки портретов выдающихся венгерских славистов XX века.

GYÖNGYÖSI Mária, JÓZSA György Zoltán, KALAFATICS Zsuzsanna, RÁCZ Ildikó Mária, ZOLTÁN Dominika (szerk.). *Nonum Annum. Köszöntő-kötet Hetényi Zsuzsa professzor tiszteletére* [*Nonum Annum. Сборник в честь профессора Жужи Хетени*]. Budapest, ELTE BTK Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék, 2020. 511 pp. В фештирифте объемом в полтысячи страниц коллеги, ученики и друзья поздравляют профессора Жужу Хетени с днем рождения. Вместо предисловия сборник открывается игриво перепи-санным поэтом Иштваном Гати «Онегиным» в духе Даниила Хармса («Даниил Хармс. Вольный пересказ Евгения Онегина»), завершается библиографией научных работ и переводов «виновницы чествования», основной же стержень сборника представлен 39 исследованиями на венгерском, русском и английском языках, в которых как венгерские, так и зарубежные коллеги и друзья Жужи Хетени выражают признательность ей и ее творчеству. Редакторы представляют богатый и разнообразный материал в алфавитном порядке фамилий авторов. В соответствии с профессиональными контактами и направлениями исследований Жужи Хетени в сборнике также развернуто полотно актуальных тем отечественных и зарубежных исследований русской литературы. Большинство работ сборника посвящено рассмотрению определенного момента в истории русской литературы сквозь призму видения на микро- и макроуровнях в рамках методологически разнообразных анализов произведений художников русской литературы XVIII и XIX веков, XX века и современности. Так, тема статьи Дьёрдя Золтана Йожи – творчество Сумарокова, Каталин Кроо – Лермонтова, Агнеш Дуккон – Лескова, Василий Щукин пишет о Достоевском, в центре исследовательского внимания Леонида Геллера – Лев Толстой, Петера Михая – Чехов, Доминики Золтан – Тургенев и Чехов, Александра Банченко пишет о творчестве Любови Достоевской, Ильдиико Регеци – о феномене современного русского переписывания Чехова, Иштван Надь – об интерпретации произведений и творчества Цветаевой, Михаил Вайскопф – о Маяковском. Ибоя Баги рассматривает творчество Платонова, Елена Толстой – Алексея Толстого, Елизавета Гроссман – Шиллера, Эржебет Янчикити – Улицкой. Ряд исследований также связан с проблемами творчества Набокова, например, работа Лайоша Хорвата посвящена роману «Лолита», в работе Ильдиико Рац речь идет о романе «Машенька», в исследовании Дьёнды Миколы рассматривается набоковская концеп-

ция иллюзии. Жужанна Калафатич указывает на влияние Набокова в романе современного российского писателя Виктора Пелевина. Сборник дополняют работы Ксении Гаал о феномене Калининграда–Кенигсберга, Дьёрдя Галича о российском имперском менталитете, Жужанны Димеши о Циолковском и Жофии Калавски о культуре Пушкина с интерпретацией явлений российской культурной истории в более широком смысле. В области межкультурных отношений Агнеска Янец-Нитраи и Евгений Рашковский раскрывают различные аспекты польско-российских культурных связей, Роберт Киш Семан обсуждает словацко-российские отношения, а Магдалена Орос – немецко-российские культурные связи. Дьюла Свак (история России), Ференц Эрош (психология) и Ласло Имре (история венгерской литературы) уделяют свое исследовательское внимание вопросам истории науки, а Юдит Бардош разворачивает исчерпывающий обзор российского формалистского подхода к киноискусству. Исследование Агнеш Петер дает представление об истории английской культуры, а исследование Гезы Комороци – об изучаемой в настоящее время области гебраистики. Два коллеги-лингвиста Ласло Ясаи и Петер Патрович рассматривают методiku преподавания аспекта глагола в русском языке (Ласло Ясая) и в сопоставительном со славянскими языками (Петер Патрович) соответственно. Несколько докладов посвящены теории и практике литературного перевода: Аранка Лацхази делится своим профессиональным опытом венгерского переводчика современного литовского романа, Виктория Лебович – повествует о своем переводческом опыте на венгерский рассказов одного из современных украинских писателей, Зая Шаркозине Вандан – о монгольском переводе «Братьев Карамазовых», а Мария Дьёндьёши анализирует немецкий перевод поэмы Пауля Целана «Двенадцать» Блока.

Zsuzsa HETÉNYI. *Сдвиги. Узоры прозы Набокова.* Boston, Academic Studies Press, 2022. 463 pp. Тематический сборник русскоязычных статей венгерской исследовательницы Жужи Хетени содержит 22 статьи. Автор вводит термин «эротекст» и ставит эротические мотивы Набокова в контекст порнографии, экстаза, мифов, потусторонности, номадизма и либертинизма. Ею рассмотрены явления нарушений границ в широком смысле – в топосе инициации, в акте воспоминаний, в синестетическом восприятии языка и в связи пошлости и тоталитарных режимов. Исследование ставит Набокова и в мировой контекст, от Гомера и Данте до Лермонтова, Пастернака и Хармса, в попытке открыть «некоторые закрытые ящики большого письменного стола творчества Набокова».

Жужа ХЕТЕНИ (ред., сост. и комм.) *Собрания сочинений Шимона Маркиша. 7 томов.* Budapest, ELTE – MűMű, Budapest, 2020–2022. «Собрание сочинений Шимона Маркиша» (1931–2003) охватывает все творчество Маркиша филолога-классика, исследователя эпохи гуманизма–

ренессанса–реформации и основателя активно развивающейся исследовательской области русско-еврейской литературы. «Собрание» представляет Маркиша как ученого, публициста и переводчика одновременно, и – в отличие от первых изданий его текстов и последующих нелегальных переизданий – все тексты выправлены на основе материалов его архива. Тексты были сверены с рукописными и машинописными оригиналами, также с исправлениями, сделанными автором в уже опубликованных в журналах и книгах текстов. В «Собрание» вошли и архивные, никогда не печатавшиеся материалы, или печатавшиеся только на других языках, а тексты, сокращенные при первых публикациях, публикуются полностью. Том 1. Античность. 2020. 474 стр.; Том 2. Эразм и его время. 2021. 420 стр.; Том 3. Русско-еврейская литература. Часть 1. Три отца-основателя. 2021. 382 стр.; Том 4. Русско-еврейская литература. Часть 2. Читая «Восход». 2021. 339 стр.; Том 5. Русско-еврейская литература. Часть 3. Примеры и выборы. XX век. 2021. 361 стр.; Том 6. Эссе о литературе. XX век. 2022. 555 стр.; Том 7. О переводе. 2022. 204 стр.

HETÉNYI Zsuzsa, KONTRA Miklós (szerk.). „Csupa arany, fény, ragyogás”. Emlékkönyv Kontra Györgyné magyar- és latintanár tiszteletére [*«Полна золота, света и блеска». Книга памяти в честь Илоны Козма, преподавателя венгерской и латинской литературы и языка*]. Budapest, ELTE – MűMű, 2023. 143 pp. В этом эксклюзивном юбилейном сборнике тридцать известных авторов вспоминают выдающегося венгерского педагога второй половины XX века Илону Козму (в замужестве Дьёрдьне Контра, 1926–1997). Большую часть своей профессиональной деятельности она посвятила преподаванию венгерского языка и литературы, а также латинского языка и литературы в гимназии имени Морица Жигмонда в Будапеште, а затем в течение нескольких лет в гимназии Трефорт при университете им. Лоранда Этвеша. Учителям средней школы не часто посвящается памятный сборник при жизни, а тем более посмертно, спустя десятилетия. Легендарный педагог Илона Козма оставила неизгладимый след в жизни многих поколений учеников благодаря своим выдающимся знаниям и исключительному таланту к преподаванию. Вместе со своим мужем Дьёрдем Контра, врачом, биологом и педагогом, человеком со знаниями и трудами полигистора, они не только входили в венгерскую интеллектуальную элиту своего времени, но и формировали ее преемников. Об этом свидетельствуют написанные тексты тридцати бывших учеников Илоны Козмы в различных жанрах (исследования, эссе, мемуары об эпохе), в том числе таких известных деятелей искусства и науки, как Тамаш Ашер, Вильмош Гриллус и Золтан Фюреди. Жизнь выдающихся философов, гуманистов, ученых, инженеров и художников формировалась под влиянием этих замечательных учителей. В предисловии к данному сборнику писатель Дьёрдь Шпиро вспоминает о так называемом «квартирном семинаре», литературном

салоне супруг Контра 1970–80-х годов, и раскрывает ценную информацию о неформальной культуре того времени.²

Róbert KISS SZEMÁN (ed.). *Jiný Kollár – Kollár versus Jiní* [Другой Коллар – Коллар и другой]. Budapest, ELTE BTK Szlav és Balti Filológiai Intézet, 2021. 238 pp. Представляемый сборник исследований являет собой попытку стать важной вехой в рецепции творчества Коллара. Заглавие «Другой Коллар – Коллар и другой» указывает на двойственность рассмотрения творчества Коллара в ракурсах, которые ранее редко выбирались. Сборник также фокусируется на изучении национального, языкового и культурного самоопределения, игравшего огромную роль во всем творчестве Коллара, которое в основном воплощалось в противопоставлении другим. Таким образом, в книге предпринята попытка исследовать творчество Коллара с помощью средств современной культурологии, одновременно с выявлением смысловых пластов, которые на протяжении прошедших столетий добавлялись к первоначальным авторским замыслам. Новизна сборника заключается в том, что, в отличие от традиционных исследований, представляемых словацкие и чешские национальные перспективы, в настоящем сборнике делается попытка применить центральноевропейское измерение к интерпретации творчества Коллара в третьем тысячелетии: важная роль отводится чешским и словацким ученым с центральноевропейской перспективой исследований (Петер Каша, Вероника Факторова, Эдита Приходова), польским (Йоанна Гоциньска, Анна Кобылинска) и венгерским славистам (Роберт Киш Семан), которые рассматривали творчество этого художника с точки зрения сравнительной, ареальной культурологии. Сборник ориентирован на то, чтобы нехудожественные жанры творчества Коллара, которые в последние столетия оставались вне поля зрения исследовательской и читательской аудитории, обрели надлежащую значимость – его лингвистические работы (Мари Янечкова, Эва Часари, Тамаш Тёльдеши), путевые очерки (Анна Иштван), его культурные программы, учебники и проповеди (Эрика Бртанова, Габриэла Михалкова, Мартина Петрикова). Исследования в сборнике также посвящены прошлой и современной рецепции произведений Коллара, то есть тому, как они стали и могут стать частью постоянно меняющегося культурного

² Лекция профессора Андраша Фёльди, прочитанная на презентации книги, доступна в педагогическом интернет-журнале <https://www.tani-tani.info>, а сама книга по ссылке: <https://szlav.elte.hu/media/df/0d/09c5fbe7fda7a2bf5dde4d88dbc34c7806a812bcc775cf4beb93378e5ecf/1-Kontra%20Gyorgyne%20Kozma%20Ilonka%20kotet%20nyomdai%20boritoval%201-144%202023%20jul%2010.pdf>

канона (Ласло Матуш, Барна Абрахам, Агнешка Янец-Нитраи, Роман Кендра, Андор Месарош, Аделаида Мезеова).

КРОО К., ФАУСТОВ А. А., САВИНКОВ С. В. *Перевоплощения смысла в творчестве Достоевского. Семиотические заметки.* Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2022. 395 с. Авторы коллективной монографии создают картину поэтики Ф. М. Достоевского по трем основным тематическим узлам в рамках интерпретации произведений Достоевского «Двойник» (как стержневой текст), «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы», «Записки из подполья» и др. – «вокруг идей» 1) неопределенности и двойственности, 2) целого: часть – середина, единство – асимметрия, 3) времени. Историко-литературный подход (традиция, генезис художественного текста, его связь с публицистикой, социальный контекст персонажа и т. д.) и семиотическая постановка вопросов (актантная модель, дисперсия, метонимия, инклюзивность, функция синекдохи, роль экфрасиса и т. д.) позволяют проследить текстовую динамику, характерные для поэтики Достоевского дискурсивные стратегии перевоплощений смысла. В этом духе изучаются цикличность и линейность повествования, сдвиги в повторах и разного рода трансформации, асимметричные смысловые структуры взамен дихотомических смыслов и т. д. Метод чтения многосоставен, а постижение предмета складывается из деталей, представляющих разнообразные перспективы. Исследование проблемы времени, например, идет от нарративного вопроса, через выяснение предсказуемости и ретроспективности, к формам культурной пре- и посттемпоральности.

KROÓ Katalin. *Korunk hőse – Korunk irodalomszemiotikája? Karakterpoétika és olvasásszemiotika Lermontov regényében* [«Герой нашего времени» – Семиотика литературы нашего времени? Поэтика персонажа и семиотика чтения в романе Лермонтова]. Budapest, L'Harmattan, 2020. 288 pp. Согласно утверждению самого автора, цель ее работы двояка: 1) создать интерпретацию романа Лермонтова, основанную на *close reading*, учитывая широкий историко-литературный фон (в том числе и лирическую поэзию писателя в качестве двух интертекстов «Героя нашего времени»); 2) разработать метод чтения, который, предоставляя и концептуализируя семиотическое толкование художественного текста, ставит вопрос о его интерпретационной способности и силе, и тем самым стремится способствовать формированию набора научных критериев для определения дисциплинарной идентичности семиотики литературы. Двойной ориентации соответствуют основные направления исследования, которые автор выделяет в качестве бесспорных семиотических областей интерпретации изучаемого произведения: 1) нарратологические, 2) герменевтические – связанные с онтологией и эпистемологией культуры – перспективы и 3) изучение поэтики литературного персонажа, заданной

в семиотической своей обусловленности возникновения–медиации–восприятия знака. Семиотическая проблематика рассматривается как тематический материал и идейный замысел в романе, с точки зрения *семантического* моделирования. Толкуется и метапоэтика лермонтовского текста со своим жанровым определением. Характер Печорина представлен в контексте семантических инвариантов и вариантов, благодаря чему открывается новая перспектива для переосмысления концептуального клише «лишнего человека».

KROÓ K., JURACSEK K., with the contribution of OJAMAА M. (eds.). *Intersemiotics & Cultural Transfer* [Интерсемиотика и культурный трансфер]. Budapest–Tartu, Eötvös Loránd University: Intersemiotics & Cultural Transfer Research Group, University of Tartu: Transmedia Research Group, 2023. 316 pp. «Intersemiotics & Cultural Transfer» является первым томом книжной серии с тем же названием, инициированной одноименной исследовательской группой (Университет имени Лоранда Этвеша). Соответственно, в четырех разделах книги, концептуализирующей задачи научных поисков, представлены важнейшие направления, на которые ориентирован венгерский исследовательский проект, и которые реализуются в данной коллективной монографии в сотрудничестве с исследовательской группой Transmedia Research Group Тартуского университета. В первом разделе (I. Концептуализация – исследовательское поле) во вступительной статье Каталин Кроо поднимает проблему взаимосвязанных исторических изменений в художественном и научном дискурсах в свете «культурного поворота», определяет литературно-семиотический контекст исследований венгерской группы и описывает работы, вошедшие в сборник. Пеэтер Тороп исследует концептуальное поле «интерсемиотики», давая широкий исторический и методологический обзор, выявляя и нюансируя различие и сближение соответствующих понятий (интерсемиотический перевод, транс-, интер- и метатекстуальность, интерсемиозис, интерсемиотика). В следующей статье Каталин Кроо проводит исследование понятия «интерсемиотическая транспозиция», уточненного применительно к семиотике литературы. Маарья Оямаа определяет семиотический феномен «литература на экране» в теоретических и практических рамках в контексте семиотики культуры. Александр Фадеев и Александра Милякина в совместной работе рассматривают возможности и вызовы, предлагаемые культурными трансферами в цифровую эпоху, сводя образование к рискам и преимуществам обучения по цифровым платформам. Во втором разделе (II. Интердискурсы – газета, фотография, перформанс) Доминика Золтан представляет культурное пространство газеты в качестве дискурса и выявляет его интердискурсивные аспекты – фокусируясь на рекламных объявлениях – в связи с поэтикой ранней прозы Чехова. Ката Юрачек исследует взаимосвязь литературы и фотографии, сначала рассматривая

фотографию с культурно-исторической точки зрения, а затем, создавая типологию, с точки зрения функции появления темы фотографии в русской литературе XIX века. Шарольта Кристина Тотпал вчитывается в так называемые сцены перформанса в романе Достоевского «Идиот», рассматривая их как примеры поэтической переводческой практики; в ее второй работе, отвечающей духу третьего раздела книги, она приступает к изучению дальнейших трансмедиальных переводов уже интерпретированных переводческих сцен в киноадаптациях. Третий раздел (III. От литературной поэтики к фильмовым транспозициям – макро- и микроконтексты) предлагает статьи, посвященные дальнейшим характеристикам фильмовой трансмедиальности. Каталин Кроо ставит вопрос о природе «трансмедиальной мотивации», располагая ее между внутренней литературной поэтикой (исходный текст) и внетекстовой историей изобразительного искусства (язык портрета). Ката Юрачек выбирает материал для анализа из корпуса «Анна-текстов» Чехова, чтобы сравнить их повествовательные решения с теми, что присутствуют в некоторых экранизациях. Петер Бали-Фаркаш берет сцену из экранизации «Преступления и наказания» Л. Кулиджанова, чтобы интерпретировать в ней письмо Раскольниковца, – помимо других его особенностей, таких как нарративная декомпозиция, визуальная репрезентация, диалогизм и т.д., – с точки зрения его хромотопического замысла. В заключительном, четвертом разделе книги (IV. Межъязыковой/интерлингвистический и интерсемиотический перевод – текст, сцена, образ) Марк Мураньи проводит сравнительный анализ пяти английских переводов «Анны Карениной», занимая позицию поэтологического чтения при рассмотрении верности, системности и аутентичности развития мотивных линий (воды и огня) в переводных произведениях. Нора Варга обращается к венгерской балетной адаптации того же романа Толстого, освещая проблему танцевальной адаптации в ее теоретических разветвлениях и в контексте истории интерпретаций. Таулант Салихи, взяв первую футуристическую оперу «Победа над солнцем», рассматривает ее «живописно-трансмедиальные» (см. painterly transmediality) и интерсемиотические аспекты на фоне творческой эволюции К. Малевича и художественной поэтики супрематизма. Эдит Уйвари в своей статье исследует интермедиальные отношения средневекового театра и изобразительного искусства, контекстуализируя этим семиотический феномен интериорности.

LACZNAZI Aranka (переводчик) – Kortárs lett irodalom [*Современная латышская литература*]. *Tempevölgy*, 2021/1. 27–68. Опубликованный обширный материал представляет читателям современную латышскую литературу. Подборка составлена издательством Latvian Literature. Во вступительной статье Джейда Уилла (Jayde Will; перевод Агнес Габриэллы Надь, Ágnes Gabriella Nagy) подчеркивается, что латышская

литература сегодня чрезвычайно разнообразна, в связи с тем, что в литературной жизни активно участвуют как авторы, начавшие свою карьеру до распада Советского Союза (среди них поэт и писатель Эдуард Айварс [Eduards Aivars], поэтесса и переводчица Аманда Айзпуриете [Amanda Aizpuriete] и писательница Гундега Репше [Gundega Repše]), так и молодое поколение последнего десятилетия (писатель Янис Йоневс [Jānis Jonevs], писательница и поэтесса Яна Эгле [Jana Egle], поэтесса и писательница Катрина Рудзите [Katrīna Rudzīte], поэтесса, драматург и актриса Агнесе Руткевича [Agnese Rutkēviča]). Более того, литература Латвии также охватывает произведения, написанные латышскими авторами либо на русском языке, либо на языках небольших языковых обществ Латвии – на латгальском и ливском языках. Перевод опубликованных в журнале латышских рассказов и стихотворений выполнен Аранкой Лацхази.

LACZNÁZI Aranka (переводчик) – Laura Sintija Černiauskaitė. Lélegzet a márványon [Дыхание в мрамор]. Budapest, Typotex, 2021, 172 pp. Роман литовской писательницы и драматурга Лауры Синтии Черняускайте в 2009 году получил премию Европейского союза по литературе. Это психологический роман, написанный в лирическом тоне и представляющий необыкновенные и сложные взаимоотношения между членами одной обычной литовской семьи.

LEBOVICS Viktória (переводчик) – Szerhij Rudenko: Zelenszkij smink nélkül [Зеленский без грима]. Budapest, Helikon. 2022. 270 pp. 9 августа 2022 года вышла в свет первая книга на венгерском языке о шестом президенте Украины под названием «Зеленский без грима» в переводе преподавателя Кафедры украинской филологии Будапештского Университета им. Лоранда Этвеша, Виктории Лебович. И ровно через неделю, 16 августа, была опубликована книга французского журналиста Галлахера Фенвика «Зеленский и кровоточащая Украина». О том, какой образ украинского президента вырисовывается из произведений двух журналистов, наглядно свидетельствует заголовок рецензии, опубликованной в венгерском журнале HVG: «В биографии украинского президента – как будто речь идет о двух разных людях, однако тайна Зеленского остается тайной». Книга Сергея Руденко состоит из 38 глав-явлений, ведь в ней речь идет об актере и президенте, сыгравшем и играющем множество разных ролей. Известный украинский журналист и публицист начал писать свое, рассчитанное в основном на украинского читателя, произведение еще в 2021 году. Когда началась война, он добавил новые главы-явления, которые писал в Киеве в убежище уже в то время, когда на город падали бомбы. Вот несколько глав-явлений для иллюстрации: «10 покушений на президента Зеленского», «Стадион, так стадион!», «Зеленский и 42 миллиона президентов», «Заглянуть Путину в глаза и...»,

«Кто превратил Зеленского в наркомана», «Команда мечты Зеленского», «Кто предсказал судьбу Зеленского...»

István LUKÁCS. *Krležine nepokretne i pokretne slike* [*Неподвижные и движущиеся образы Крлежи*]. Maribor, Zora, 2023. 164 pp. Последняя работа автора на хорватском языке предлагает результаты малоизученной в ее основном контексте тематики с целью систематизации и учета разнообразной художественной проблематики. Творчество Мирослава Крлежи интерпретируется в свете пересечения разных отраслей искусств (живопись и литература, кино и литература), с особым ударением на осознанное восприятие «пограничных явлений». Для книги характерна ориентация на существенные совпадения, параллельные явления и сопряженные характеристики. Она представляет целостный обзор, весьма полезный для исследований в области истории формы и критики стиля, теории жанра и философии изображения/образа, в результате чего может стать плодотворной предпосылкой для новых стратегий систематизации знаний.

MENYHÁRT Krisztina. *Magyarországi bolgárok – néprajz, nyelv, gazdaságtörténet* [*Болгары в Венгрии – этнография, язык, история экономики*]. Budapest, Bolgár Kulturális Fórum, 2021. 259 pp. Болгарская община в Венгрии, которой посвящен этот сборник, является одной из самых малочисленных исторических национальностей в стране и единодушно рассматривается исследователями как «нетипичное меньшинство». Большинство предков ныне проживающих в Венгрии болгар прибыли сюда в качестве экономических мигрантов (болгарских садовников) в XIX веке и были преимущественно молодыми мужчинами. Книга состоит из четырех основных глав. В ней описывается венгерская, болгарская и «своя» литература о болгарских садоводах, некоторые экономические и политические аспекты этого явления, языковые особенности сообщества, языковой ландшафт и отражение отсылок к садоводчеству во фразеологии двух народов, а также современные этнографические характеристики болгар в Венгрии, от структуры семьи и обрядов социализации до народных танцев. Цель монографии – представить различные точки зрения, с которых венгерские, болгарские исследователи и проживающие в Венгрии болгароведы рассматривают местное болгарское сообщество. Кроме того автором сборника предпринимается попытка прояснить некоторые экономические и политические феномены и описать местные болгарские культурные проявления, от языка до народных танцев, раскрывая их роль в сохранении и формировании идентичности. Возвращаясь к историческим корням, автор пытается представить более объективное описание процесса эволюции болгарской общины в национальность, в результате чего создается картина общины, которая

постоянно перестраивается своими членами, изменяясь и приспосабливаясь к обстоятельствам.

MENYHÁRT Krisztina. *Szettek, szövegek, vallási kapcsolatok. Bolgár-magyar összehasonlító folklorisztikai tanulmányok* [Святые, тексты, религиозные отношения. Болгаро-венгерские сравнительные фольклористические исследования]. Budapest, ELTE BTK Szlav Filológiai Tanszék, 2021. 233 pp. Настоящий сборник представляет собой обобщающий итог исследований одной из выдающихся научных тем, которая является предметом научного интереса автора на протяжении нескольких десятилетий, результатом многолетних исследований. Во введении дается краткий обзор болгарских путевых очерков венгерских путешественников XIX и XX веков, от Феликса Каница до Адольфа Штрауса, поведовавших о болгарских этнографических особенностях. В этих путевых очерках и этнографических исследованиях содержатся наблюдения путешественников, в которых подчеркиваются самобытность болгарского фольклора, народной медицины, погребальных обычаев и народных песен. Сборник разделен на четыре основные главы. Раздел «Религиозные отношения в эпоху раннего Нового времени» состоит из двух подразделов, первый из которых описывает некоторые аспекты религиозной жизни болгар, основываясь на текстах путевых заметок, а второй – католические, протестантские и православные религиозные отношения на Балканах. В главе «Кульст святых» автор сравнивает культ святых в Венгрии и Болгарии, уделяя особое внимание народным обычаям, церковным обрядам и чудотворным иконам, связанным с церковными праздниками. Исследования посвящены таким святым, как Дева Мария, Святая Маргарита/Святая Марина Мученица, Пророк Илия, Святой Антоний и святые покровители лошадей. Глава «Тексты и истории» включает сравнение различных типов преданий. Венгерские тексты являются частью архива Хегедьюша. Архив содержит беседы, сказки, предания, чтения, семейные истории, к которым автор добавил болгарские параллели. В главе «Взгляд на перспективу» представлены возможности и методические особенности преподавания болгарского фольклора в университетах. Цель работы – раскрыть новое измерение многовековых венгерско-болгарских культурных и религиозных связей, начиная с роли религиозных мостов в отношениях Восток–Запад, через общие моменты культа святых, до параллельных историй устного творчества.

PÁTRÓVICS Péter (szerk.). *Arcana Linguarum. Köszöntő könyv a 80 éves Bańcerowski Janusz professzor tiszteletére* [Arcana Linguarum. Сборник в честь 80-летия профессора Януша Банчеровского]. Budapest, ELTE BTK Szlav és Balti Filológiai Intézet, Lengyel Filológiai Tanszék, 2021. 517 pp. Кафедра польской филологии Института славянской и балтийской

филологии преподнесла монументальный сборник в знак признательности и уважения юбиляру кафедры, профессору Янушу Банчеровскому, чье имя за последние десятилетия стало почти синонимом кафедры. Юбиляра поздравили своими научными статьями по вопросам языка, литературы и истории культуры 39 его друзей и коллег. В сборник вошли также четыре поздравления личного характера (Петер Патрович, Йоанна Урбаньская, Дорота Дзевоньская-Киш, Конрад Сутарский). Геза Балаж, Вильмош Бардоши, Аттила Бенё, Иштван Шандор Надь и Элод Дудаш, Мария Дудаш, Жужанна Фабиан, Мария Гоши, Юлия Хамшовски, Ласло Ясаи, Илона Коутны, Тибор Лешфалви, Дьёрдь Мандич, Кристина Меньхарт, Имре Пачаи и Иштван Шандор Надь, Жужанна Радуй, Ежи Снопек, Веслав Томаш Стефанчик, Кристина Щесняк, Штефан Ухриняк, Иштван Виг, Казимеж Вольный-Зморжиньский, Андраш Золтан и Мария Жилак выразили свои поздравления работами, темы которых затрагиваются в лингвистических исследованиях уважаемым юбиляром. Сборник дополнен литературными исследованиями Гизеллы Чистаи, Чиллы Гизиньской, Марии Дёнъдёши, Агнешки Янец-Нитраи, Анны Януш-Ситарц, Каталин Кроо, Иштвана Лукача, Оршои Немет, Эльжбеты Савердо и Дороты Варнай. Помимо вышеупомянутых авторов, в сборнике представлены исследования Гжегожа Бубака, Гезы Чебы, Тибора Геренчера, Кароя Капронцаи и Кальмана Ласло Надя. Большинство работ в книге написаны на венгерском или польском языках. Монография завершается небольшой картинной галереей и «Таблицей благодарностей» (*Tabula gratulatoria*).

PÉTER Mihály. *Tyutsev-breviárium* [Тютчев. Изборник]. Szerk. NETÉNYI Zsuzsa. Budapest, ELTE VTK Műfordítói Műhelye (MűMű), 2020. 93 pp. Михай Петер суммирует суть мировоззрения Тютчева (о творчестве которого он опубликовал уже 7 статей) так: для него «за воспринимаемым миром [...] зияет хаос, которому противостоит одинокий человек, покинутый в мир, с мучительным беспокойством» (с. 5). За биографией и творческим путем поэта (с. 8–10) следует изборник: приблизительно одна десятая выбранных лирических стихотворений Тютчева и их анализ. Книга состоит из шести тематических разделов: I. Мир светлый и хаос, II. Одинокая душа, III. Природа и человек, IV. Времена года и дня, V. Любовь и траур, VI. Русские пейзажи и люди. В VII. разделе автор представляет разработку двух тем у Тютчева и Пушкина. Монография в девяносто три страницы, доступная на сайте института, предназначена Михаем Петером не только тем, кто «профессионально» или «из увлечения» занимается русской поэзией (последним в помощь составлены глоссарии), но автор хочет обратить на Тютчева также внимание переводчиков поэзии. Михай Петер анализирует «плоть» стихотворения на основании метра, рифмовки, звуковых повторов, лексики, синтаксиса и т. д. (этот аспект является доминирующим), а из этого разбора вырастает интерпретация (ее

объем обычно меньше), то есть становится видна «душа» стихотворения. Анализы охватывают также венгерские переводы (хорошо известна деятельность Михая Петера в этой области). В ходе анализа переводов он занимается, с одной стороны, переложениями Лёринца Сабо и, в меньшей степени, Арпада Галгоци, временами сравнивая их работы. Тютчевский стих о том, что «мысль изреченная» – «ложь», стала крылатым выражением в русской литературе. Книга М. Петера предлагает читателю и убедительную трактовку изреченной мысли Тютчева, и тонкий анализ сокровенных движений души поэта.

URKOM Aleksander. *Srpsko-madžarska leksikografija. Kategorizacija – ogleđi – terminologija* [*Сербско-венгерская лексикография. Категоризация – перспективы – терминология*]. Budapest, ELTE BTK Szláv Filológiai Tanszék, 2022. 257 pp. В своем последнем томе автор представляет некоторые аспекты сербско-венгерской лексикографии, основываясь на собственном опыте, накопленном за последние годы работы в качестве главного редактора венгерско-сербского словаря, составленного на отделении сербского языка и литературы Института славянской филологии при гуманитарном факультете Университета имени Лоранда Этвеша в Будапеште. Книга состоит из трех основных глав (1. Категоризация в лексикографии, 2. Точки зрения в лексикографии, 3. Терминология в лексикографии), которые далее делятся на более мелкие разделы. В главе «Категоризация в лексикографии» представлена история сербско-венгерской лексикографии, начиная с первых сербско-венгерских и венгерско-сербских двуязычных словарей и заканчивая новейшими электронными словарями. Остальная часть главы содержит информацию о структуре словарных статей и использовании словарей в сфере образования. Вторая глава, «Точки зрения в лексикографии» посвящена проблеме обработки юмора, фразеологии и историографии в словарях. Общим моментом в различных точках зрения является сравнение нового венгерско-сербского основного словаря с предыдущими двуязычными словарями. Наконец, в главе о терминологии в лексикографии рассматривается появление и обработка различных терминологий (религиозных, экономических, спортивных и медицинских) в словарях.

ZOLTÁN Dominika, BALI-FARKAS Péter, TÓTHPÁL Sarolta (szerk.). *Műértelmezés – fordításkritika – transzmedialitás* [*Интерпретация художественного произведения – критика перевода – трансмедальность*]. Budapest, ELTE Orosz Irodalom és Irodalomkutatás – Összehasonlító Tanulmányok Doktori Program [Olvasatok/Readings 7.], 2022. 184 pp. Седьмой том книжной серии «Чтения/Readings», издаваемой докторской программой «Русская литература и литературоведение – сравнительные исследования» при университете им. Лоранда Этвеша, включает работы двух преподавателей и восьми нынешних аспирантов и выпускников. За

исключением одного русскоязычного исследования, книга написана на венгерском языке. Данный сборник, как и сама серия, отражает научную активность названной докторской программы. Тройное название «Интерпретация – Критика перевода – Трансмедиальность» также обозначает три основных направления проводимых здесь исследований: помимо актуальных вопросов классической сопоставительной поэтики (интерпретация произведений Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова и Блока), вторая и третья части названия указывают на то, что, авторы связывают интерпретацию классических русских литературных произведений с проблемами перевода в широком смысле (перевод произведений и передача смыслов между медиумами или дискурсами), тем самым вовлекаясь в современные течения в гуманитарных науках. Петер Бали-Фаркаш анализирует первые десять минут фильма Льва Кулиджанова «Преступление и наказание» 1969 года с точки зрения того, как фильм переводит на язык пространственности появление в романе письма от матери. На примере четырех чеховских рассказов Ката Юрачек рассматривает случаи, когда в литературном произведении появляется перевод с другого медиума (интермедиальность): текст являет собой произведение изобразительного искусства или использует технику живописи или скульптуры; затем Ката Юрачек дополняет этот материал анализом советских киноадаптаций анализируемых четырех рассказов, уделяя особое внимание средствам новейшего трансмедиального перевода. Каталин Кроо также размышляет об интерсемиотических отношениях между литературными текстами и кино, рассматривая второй фильм из дилогии Артура Войтецкого, «Историю одной любви» (1981), и представляя трансмедиальные переводческие формации, которые, помимо прочих приемов, обеспечивают связность кинотекста, опирающегося на несколько чеховских повествований. Марк Мураньи сравнивает два венгерских перевода «Анны Карениной» с оригиналом с точки зрения поэтики образа Анны. Елизавета Сочивко предлагает взглянуть на взаимосвязь средств психологии и литературоведения, исследуя междисциплинарные ситуации, когда, например, психология заимствует у литературоведения нарративный анализ или когда литературоведение использует феномен когнитивной иллюзии, описанный в когнитивной психологии, в качестве метафоры для обозначения явления в процессе рецепции текста. Шарольта Тотпал в романе Достоевского «Идиот» объектом своего исследования определяет перформативные сцены специфической мышкинской коммуникации, интерпретируя главного героя как «переводчика-посредника», который с помощью воображения и страдания способен воплотить свои внутренние ощущения-образы в мысли и, благодаря перформативному акту, сделать их переживаемыми для других. Наряду с проблемами по трансмедиальности и переводу поэтическая традиция интерпретации искусства продолжается и в других работах этого сборника. Река Цумфт рассматривает поэтику неопреде-

ленности в главе «Черт. Кошмар Ивана» романа «Братья Карамазовы», фокусируясь на специальной литературе о двойниках. Мария Дёньдёши, исходя из заключительных строк пролога поэмы Блока «Возмездие», исследует комплекс мотивов, связывающих поэзию Блока с художественным миром Ибсена, Ницше, Томаса Манна, Новалиса и Вагнера. Эва Надь анализирует возникновение «тургеневских тем» и вымышленной фигуры Тургенева в романе Достоевского «Бесы» на нескольких структурных уровнях. Нора Варга сравнивает повесть Тургенева «Первая любовь» и рассказ Чехова «Ариадна», исследуя появление женского образа нового типа в обоих произведениях.

ТЮНДЕ САБО
(Печ, Венгрия)

The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture
(Edited by Marek Tamm & Peeter Torop. Bloomsbury Academic, London,
2022. – 528 pp.)

Рецензируемая книга была опубликована к юбилею Ю.М. Лотмана, «одного из наиболее оригинальных и плодотворных теоретиков культуры и историков литературы второй половины XX века» (стр. 1).¹ Сборник статей *The Companion...* является первой попыткой представить интеллектуальное наследие ученого, его концепцию о семиосфере системно и междисциплинарно на английском языке. Язык и место издания имеют особое значение, поскольку восприятие работ Лотмана в англоязычном мире было сложное и амбивалентное, отчасти именно из-за запаздывающих переводов.

Сборник содержит 35 статей, полную библиографию работ Лотмана, переведенных на английский язык, а также список англоязычной литературы о нем. Состав авторов авторитарный. В сборнике участвуют 43 специалиста из разных отраслей гуманитарных, общественных и естественных наук 13 стран. Структура сборника и статей прозрачна и строго выдержана. Все статьи примерно одинакового объема и включают обширный список литературы. В каждой из них четко определены цель исследования и его итоги, а изложение разделено на части с помощью подназваний, что значительно облегчает восприятие текстов, осмысляющих в основном теоретические проблемы.

Кроме «Предисловия» и обзорной статьи о жизни и творчестве Лотмана, книга разделена на три больших раздела. Первый раздел под названием «Лотман в контексте» составляют статьи, посвященные тем исследователям и направлениям, которые оказали основополагающее влияние на научное мышление Лотмана. Во втором разделе «Лотман в концептах» рассматриваются основные концепты семиосферы. В третьем разделе «Лотман в диалоге» раскрываются области, в которых уже активно используются или потенциально могут быть использованы идеи, положенные в основу концепции семиосферы.

Тема первого раздела обоснована в «Предисловии» тем, что для Лотмана «начиная с его первых научных трудов „контекст” был важным концептуальным ресурсом и одновременно одним из главных объектов

¹ Цитаты из сборника здесь и в дальнейшем даются в моем переводе – Т.С.

исследования» (стр. 3). В этом разделе выделяются четыре источника основных идей и методологии ученого. Это, во-первых, структурная лингвистика и семиология Ф. де Соссюра, элементы идеи которого в той или иной мере проявляются во всем творчестве Лотмана. Согласно утверждению автора статьи, посвященной этой теме, Лотман в своих размышлениях о знаках из двух «отцов» семиотики – Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса – отдавал явное предпочтение системному подходу Соссюра и опирался на его же соображения при разработке концепта «текст».

Второй источник – это представители русской формальной школы. Автор статьи об отношении Лотмана к формалистам утверждает, что Лотман актуализировал их наследие, а также учения своих бывших преподавателей в Ленинградском университете как ответ на методологический кризис в литературоведении 60-х годов XX века, и формировал собственную концепцию на стыке «динамической модели Ю. Тынянова и механистической В. Шкловского» (стр. 53).

Отдельная статья посвящена взаимоотношению научной деятельности Лотмана и Р. Якобсона – третьего источника формирования концепции о культуре и семиосфере. Известная коммуникативная модель Якобсона оказала большое влияние на восприятие Лотманом культуры. Он впоследствии переработал эту модель и на ее основе развил идею об автокоммуникации как одной из наиболее важных функций человеческой культуры.

В меньшей мере поддается описанию отношение Лотмана к четвертому источнику, выделенному в первом разделе – творчеству М. Бахтина. Бахтин и Лотман – две знаковых фигуры гуманитарных наук второй половины XX века были скорее антиподами, несмотря на то, что – как утверждает автором статьи – Лотман пытался переводить на свой язык идеи Бахтина. Их отношения к категориям времени и пространства в статье получают интересное, но несколько сомнительное объяснение, основанное непосредственно на определенных моментах биографий двух ученых.

Первый раздел завершается двумя работами, рассматривающими непосредственные микро- и макроконтексты научной деятельности Лотмана. Первая из них фокусируется на Тартуско-московской школе² как академическом и историческом феномене. В ней подчеркивается парадоксальный характер этой школы: именно отсутствие общей методологии, разнообразие метаязыков и объектов исследования обеспечивали почву для диалога между участниками и служили «унифицирующим фактором» для школы (стр. 91). Во второй работе научная деятельность Лотмана рассматривается с точки зрения транснациональных трансферов научной мысли, пересекающих всевозможные границы идентификаций, как наци-

² Данная версия названия (вместо «Московско-тартуской школы») подчеркивает огромную роль Тарту и Тартуского университета в развитии научной деятельности Лотмана и формировании всей школы.

ональных, так и научных. В таком ракурсе до сих пор недооцененная роль Тартуско-московской школы в «синтезе Западной и Восточной традиций» становится несомненной (стр. 113).

Если в первом разделе сборника рассматриваются тот современный контекст и та традиция, с которыми сам Лотман вступал в диалог, то в третьем разделе «Лотман в диалоге» помещены статьи о тех научных отраслях и направлениях, которые уже вступили, или могут быть вовлечены в диалог с лотмановским наследием. Работы, включенные в этот раздел, отражают разные степени «диалога», поскольку, как предупреждают составители в «Предисловии» к сборнику, «мы должны различать актуальное и потенциальное воздействие Лотмана на современные исследования» (стр. 9).

Так, являясь не только теоретиком, но и историком культуры, Лотман своими исследованиями заложил основы современной культурологии. В ней наиболее перспективными оказались, как утверждает в статье No. 25, «поэтика повседневного поведения» и концепция «театральности», позволяющие говорить о «поведенческом тексте» (стр. 338). Лотман безусловно оказал огромное влияние и на русскую филологию. Его методологические соображения – среди прочих, «динамика порождения смысла» в художественных текстах (стр. 356), «креативная открытость» произведений или «креативный характер трансгрессии» (стр. 358) – активно используются в общем литературоведении (см. статью No. 26), но в связи с современной ему «Французской теорией» можно говорить только «о некоторых похожих моментах и также о существенных различиях в их главных интеллектуальных позициях» (статья No. 23, стр. 313). И если работы Лотмана 70-х и 80-х годов содержат несколько ссылок на труды французских теоретиков, то говорить о прямом диалоге с «деконструкцией» (статья No. 24), с «новым историзмом» (статья No. 27) или «с британской культурологией» (статья No. 30) невозможно. В работах, посвященных этим направлениям, делается попытка сравнить их с лотмановской концепцией и указать на соприкосновения идей и на сходные моменты – то есть, диалог состоится лишь на уровне метаязыка авторов статей.

Остальные работы третьего раздела относятся к более далеким, на первый взгляд, от лотмановских исследований научным направлениям, но в которых, тем не менее, заложены или могут быть применены идеи ученого. Это исследования памяти (статья No. 28); политическая теория (статья No. 29); изучение массовой культуры, масс- и социальных медиа (статьи No. 31, 32, 33); науки о жизни и когнитивная нейробиология (статьи No. 34, 35). В статьях, посвященных этим отраслям науки, показано, каким образом могут быть применены определенные категории семиосферы – чаще всего, «динамика», «граница», «символ», «непереводимость» – к новым явлениям человеческой культуры и также к естественным наукам, которые в свое время также послужили источником для лотмановской концепции.

Среди этих работ заслуживает особого внимания статья, в которой рассматривается отношение политической теории к концепции о семиосфере. Несмотря на то, что Лотман и его коллеги пытались создать аполитичное научное направление и избегали любой идеологической манифестации, оказывается, что многие из лотмановских категорий могут быть использованы для концептуализации явлений политической жизни и сферы власти. Согласно формулировке авторов этой статьи, «связь семиотики и политической теории способствует подходу к властным отношениям как к сфере производства, коммуникации и распределения знаков» (стр. 390).

Во втором большом разделе сборника рассматриваются такие основные концепты семиосферы, как «Язык», «Текст», Культура», «Коммуникация», «Моделирование», «Наррация», «Пространство», «Символ», «Образ», «Память», «История», «Биография», «Власть», «Взрыв» и «Семиосфера».³

Выделение и отдельный анализ концептов, однако, кажется нам не вполне удачным подходом к лотмановской концепции. Главная причина этого указана уже в «Предисловии» к сборнику: «В работе семиотизации Лотман был по-настоящему системным и всеохватывающим. Он, однако, не ставил перед собой цель создать формализованный метаязык или развить собственную концептуальную систему. У семиотики Лотмана есть собственный метод, но почти нет терминологии» (стр. 6). На отсутствие четкой терминологии также указывается в нескольких работах второго раздела. Как утверждает автор статьи No. 11, «лотмановские концепты коммуникации и автокоммуникации неотделимы от его других ключевых концептов, в том числе языка, диалога, культуры, перевода и семиосферы. Часто эти концепты определены как коммуникация и *vice versa*» (стр. 161).

Другая причина сложности осмысления отдельных концептов лотмановской семиосферы упомянута в статье No. 10. Ее автор обращает внимание на то, что основные категории семиосферы присутствуют уже в ранних работах Лотмана, они эволюционируют, поэтому при их осмыслении неизбежен учет хронологического фактора (стр. 149). В этой же работе названа еще одна причина – целостность исследований Лотмана. В связи с этим в статье No. 1 прямо говорится о том, что «работы Лотмана в этот последний период [жизни] можно сравнить с одним единым текстом...» (27) – что кажется релевантным для всего творчества ученого.

И если исходить из характера моделирования, как его понимал Лотман, из «схожести модели и моделируемого объекта» (статья No. 12, стр. 177), то во втором разделе несколько нарушен именно системный подход, основной для всего творчества Лотмана. Статьи раздела свидетельствуют о том, что осмыслить отдельные концепты семиосферы в отрыве от

³ Этот подбор, конечно, отражает и точку зрения составителей. Можно, например поставить вопрос о выборе категорий «наррация» и «власть», или указать на отсутствие категорий «дискретное–континуальное» или «перевод».

других невозможно. Об этом говорят, во-первых, многочисленные повторы в статьях.⁴ Во-вторых, поскольку в каждой работе акцент ставится на одной из категорий системы, тем самым целостность системы, ее структура и пропорции могут подвергаться невольным искажениям. Тем более, что отдельное осмысление концептов, в-третьих, не отражает ни их иерархическую (или неиерархическую) взаимосвязь, ни тот, подчеркнутый в «Предисловии» факт, что «для лотмановской семиотики культуры имело большое значение описание одного и того же явления одновременно и как часть, и как целое; как знак и система знаков; как ограниченное, структурированное и нечто аморфное с размытыми границами» (стр. 6).

Решить эти проблемы в коллективном труде, наверно, невозможно в силу комплексности изучаемого материала и также разнообразия точек зрения и подходов к нему. Тем не менее, статьи, включенные во второй раздел, все без исключения теоретически обоснованы на высоком уровне, насыщены богатым фактическим материалом, и поэтому хорошо ориентируют читателя в отдельных вопросах.

А в итоге, *The Companion...* как семиотическое целое отлично демонстрирует основные принципы работы семиосферы. Каждая статья представляет собой особый «текст» с четко обозначенными границами и собственным языком – подсистему сборника как целого. Статьи являются на самом деле «переводами» «текстов» (идей) Лотмана, и при переводе – в диалоге двух/нескольких систем и двух/нескольких языков – рождается новый смысл, новое (и более глубокое) понимание наследия Лотмана. Границы статей, как любая семиотическая граница, являются проницаемыми, о чем свидетельствуют многочисленные общие моменты и созвучия в изложениях, а также некоторые сдвиги в использовании оригинальных терминов Лотмана. В сборнике тексты Лотмана, дискретные (и метаязычные) по отношению к континуальности изучаемых им явлений, превращаются в континуальный материал, на основе которого созданы дискретные статьи с особыми метаязыками. Сборник, объединяющий эти статьи в определенную структуру и создающий сферу для их полилога, сам является сложной семиотической системой, производящей, хранящей и распространяющей богатый контингент информации, и представляющей собой новый «текст», новую подсистему семиосферы.

К его восприятию рекомендуется продвинутый уровень в изучении наследия Ю.М. Лотмана.

⁴ Некоторые созвучия общего характера отмечены в текстах и составителями.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛЬМЕЗОВА
(Лозанна, Швейцария – Тарту, Эстония)

**Антропология в междисциплинарном измерении: о книге
А.Г. Козинцева *Язык – реальность – игра – смех*
(*Антропологические фрагменты*)
(Издательский Дом ЯСК, Москва, 2024 – сс. 367)**

Междисциплинарность – одно из ключевых слов современных гуманитарных исследований, задающих ориентацию многим направлениям интеллектуальной работы. Новая книга известного ученого Александра Григорьевича Козинцева, автора многочисленных работ и плодотворных размышлений в области истории, физической и культурной антропологии, этологии, семиотики, лингвистики, – наглядный пример исследования, которое не только отвечает тенденции к диалогу наук, но и фактически само может стать в ней ориентиром, важной вехой, определяющей тон многих гуманитарных работ уже в самом ближайшем будущем. Опубликованная в издательстве «Языки славянской культуры», эта книга носит название *Язык – реальность – игра – смех (Антропологические фрагменты)* и включает в себя тексты, «написанные или произнесенные за последние четверть века» (стр. 13; самый ранний из публикуемых текстов относится к 1999 году). Книга разделена на несколько больших частей, в свою очередь поделенных на главы. Большие части посвящены сразу нескольким научным темам, о чем свидетельствуют уже их названия, вписывающиеся в несколько дисциплинарных полей – это (перечисление далеко не исчерпывающее) и антропология, и лингвистика, и семиотика, и психология, и история и эпистемология идей... Об очевидной междисциплинарной направленности книги свидетельствуют уже названия ее больших разделов: «Религия глазами антрополога», «Коммуникация, семиотика и языковой Рубикон», «Эмоции и свобода воли», «В чем (еще) был неправ Фрейд?», «Уничтожение содержания формой: от Шиллера до русского формализма», «Смех, плач и прочие паралингвистические знаки», «Общие проблемы комического», «Жанры комического: трикстериада, (анти)паремия, анекдот, телешоу».

В посвященной «религии глазами антрополога» первой части книги речь заходит о «вечной» проблеме происхождения человека, к которой автор подходит с интересной позиции вступившего в диалог (именно в диалог, а не в яростный «спор») с богословием (как справедливо отмечается в книге, еще несколько десятилетий назад такой диалог едва ли мог состояться [стр. 15]). В настоящее же время речь идет о «двух разных модусах

восприятия мира» (стр. 16), и автор апеллирует прежде всего к теории эволюции, затрагивая, в частности, проблему грани между человеком и животным. Эти рассуждения дополняются замечаниями о «необъясненной религии»: это выражение – аллюзия на заглавие книги французского эволюционного психолога и антрополога П. Буайе, с которым А.Г. Козинцев также вступает в диалог, постепенно вовлекая в него – через ссылки на соответствующие работы – и других исследователей (из такого диалога фактически родилась и рецензия А.Г. Козинцева на книгу Буайе, опубликованную в русском переводе в 2018 году).

Название второй части книги – «Коммуникация, семиотика и языковой Рубикон», – несомненно, многообещающе, и в этом смысле ожидания читателя оказываются совершенно оправданными. В первой главе теории «классиков» современной биосемиотики Я. фон Икссюля и Ч.С. Пирса обсуждаются в свете кажущегося провокационным вопроса «Существует ли биосемиотика?». Ни в коей мере не умаляя различий в концепциях «сочувствующего дарвинизму» «логика» Пирса и «антидарвиниста»-«виталиста» Икссюля, А.Г. Козинцев ищет и в их подходах, и в последующих интерпретациях их работ и общее – недаром обоим этим мыслителям порой считают, как он пишет, «отцами-основателями» биосемиотики (отношение автора к которой оказывается, впрочем, очень критичным: по его мнению, «эта мнимо-универсальная псевдонаука как была миражом, так им и остается» [стр. 42]). В главе «Два интерпретанта» автор возвращается к уже затронутой ранее проблеме структуры знака, рассматривая ее не только в семиотическом, но и в философском аспекте. За ней следуют главы «Редукционистское понимание глоттогенеза: Дарвин против Декарта» (анализ споров вокруг коммуникации животных и используемых ими типов знаков), «Языковой Рубикон, сальтационизм и антидарвинизм: необходимая связь?» (размышления по поводу дискуссий о «языковом пороге» как особом виде «порога семиотического»), «От Павлова и Выготского к Дикону и Томаселло» (автор излагает здесь свою точку зрения, в частности, на то, что «павловская теория второй сигнальной системы при всей ее незавершенности показывает, что идея языкового Рубикона нисколько не противоречит дарвинизму», что было «блестяще продемонстрировано Терренсом Диконом» [стр. 74]) – и размышления эти продолжают отчасти и в главе «Семиотический треугольник и вторая сигнальная система». Завершают эту часть книги главы «Язык и СКЖ [системы коммуникации животных]: слом барьера, а не усовершенствование», «Вперед к Выготскому: язык как социальное явление» и... «Возникновение языка», в которых А.Г. Козинцев анализирует ряд теорий, посвященных все тому же «языковому Рубикону» в связи с другими важными проблемами семиотики и коммуникации.

Следующая часть книги («Эмоции и свобода воли» в рамках категорий «врожденных программ и/или культурных моделей») – рассуждения

А.Г. Козинцева, представленные в рамках его довольно критичной (но при этом неизменно доброжелательной) рецензии на вышедшую в русском переводе в 2018 году книгу немецкого историка Я. Плампера *История эмоций*.

Во «фрейдистской» (или скорее «антифрейдистской» по своей направленности) части книги речь фактически заходит об этиологии человека: автор рассказывает о своих наблюдениях за поведением детей, и один из интересных напрашивающихся здесь выводов состоит в том, что агрессии и конфликтности человека может противостоять отнюдь не культура (как это считал З. Фрейд), а животное происхождение человека. Другой оспариваемый в этой части книги тезис Фрейда – о вытесненном запретном (социально неприемлемом) в природе анекдота. Как резюмирует автор, «вопреки Фрейду, не комизм представляет собой фасад, за которым скрыт серьезный смысл, а, наоборот, то, что притворяется серьезным (иногда и черным) смыслом комических текстов, – фасад, за которым скрывается чистейшая бессмыслица. Смех настаивает и нейтрализует серьезное отношение к предмету, каким бы оно ни было и где бы ни находилось – в сознании или в бессознательном. Это не всегда ему удается, но такова, по крайней мере, его цель» (стр. 131).

Эстетика и проблемы восприятия «формы» и «содержания» произведения искусства (в том числе и литературного текста) – в центре следующей части книги, посвященной «уничтожению содержания формой». Широта охвата материала заявлена уже в названии этой части – «от Шиллера до русского формализма», и ожидания читателя в очередной раз оказываются вполне оправданными. Впрочем, как резюмирует автор, затрагивая в рассуждениях одну из любимых своих научных тем – тему комического, – лишь «в чистом комическом искусстве шиллеровский принцип – уничтожение содержания формой – реализуется целиком и безоговорочно» (стр. 137).

Этот вывод позволяет А.Г. Козинцеву органично перейти к разделу книги, посвященному, в частности, смеху как «паралингвистическому знаку», – и тем самым уже непосредственно затрагивая семиотическую проблему знака. Неудивительно поэтому, что открывается эта часть публикацией переписки (февраль 2005 г.) автора со специалистом по невербальной, в частности, семиотике Григорием Ефимовичем Крейдлиным – переписки, в которой затрагивается целый ряд проблем, стоящих перед современными гуманитарными исследованиями (как, например, проблема смеха и комического в свете языка как коммуникационного инструмента особого вида; вопросы, связанные с понятием картины мира, и т.д.). За перепиской следует глава, посвященная «смеху, плачу, зевоте» как особым сигналам (рефлексы? выражения эмоций?..) в свете этиологии общения и их биологических и культурных истоков. Несмотря на различия между тем, что мы традиционно обозначаем как смех, плач и зевота, то, что их объединяло уже давно, – это возможность «временно

блокировать речь и действие у возможно большего числа людей» (стр. 161). Однако в ходе социогенеза их функция изменилась: они стали «паралингвистическими средствами общения», «обогатив нашу духовную жизнь» (стр. 165): «А раз так, перед нами прекрасная иллюстрация того, что этологические знания о человеке не только не посягают на психологию чувств, но напротив, служат для нее необходимой основой» (стр. 165). Отдельная глава этой «паралингвистической» части книги посвящена феномену «смех-плач» и возможности рассматривать его в единстве двух, казалось бы, таких разных его составляющих (А.Г. Козинцев делится здесь своими размышлениями, возникшими в общении с этнографом и фольклористом Т.А. Бернштам, памяти которой и был изначально посвящен этот текст). В последней же главе этой части книги речь заходит ни много ни мало «о сущности и культурных смыслах смеха и плача», рассуждая о которых автор напоминает об онтологии и феноменологии как возможных философских подходах к реальности: А.Г. Козинцев обращается и к онтологии, и к феноменологии (знаковости) плача и смеха (по мнению исследователя, и более древнего, и лучше исследованного).

Эти размышления естественно подводят читателя к следующей части книги, в которой обсуждаются «общие проблемы комического». Начинается она главой «Кант и смех», и А.Г. Козинцев обсуждает в ней несколько «концепций» смеха и юмора, представленных в текстах И. Канта («концепций» – в отличие от сколь бы то ни было законченной теории, которой можно было бы ожидать). Смех и юмор рассматриваются здесь, в частности, в связи с их происхождением, и эта тема затрагивается и в следующей главе данного раздела, посвященной еще недостаточно изученной проблеме «С.М. Эйзенштейн и теория комического» (А.Г. Козинцев пишет в этой связи о теории Эйзенштейна как о «единственной полноценной гегельянско-марксистской теории» «в мировой эстетической литературе» [стр. 197-198]). За этим следует, по сути, целый трактат «Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора», состоящий из нескольких частей и завершающийся выводом о том, что «юмор – не отношение человека к миру и к другому человеку, а отношение его к собственному меняющемуся во времени отношению. “Другим” в этом метаотношении оказывается сам субъект на другой стадии развития – индивидуального, исторического и, вероятно, также эволюционного» (стр. 236). Это заключение очевидно противостоит тому «традиционному» взгляду на юмор, с которого автор начинал в данном случае свои рассуждения, сразу же от него отстраняясь («Юмор – особое отношение человека к противоречивому миру либо противоречивое отношение его к миру» [стр. 217]). Этим выводом можно было бы, наверное, и завершить эту часть книги – но читателя ждет еще одна глава, своеобразный постскрипtum к изложенному выше: публикация переписки (май-июнь 2019 г.) А.Г. Козинцева с лингвистом К.М. Шилихиной «об

иронии и юморе». Начало этой переписке было положено откликом автора рецензируемой книги на соответствующий фрагмент диссертации его собеседницы.

Наконец, последняя часть книги, речь в которой заходит о разных «жанрах комического», объединяет главы, посвященные «функции трикстера», «русским антипословицам», «анекдотам о Сталине», переписке с известным эстонским фольклористом А. Крикманном, а также телепрограмме «Куклы», вышедшей в России в 1994-2000 гг. Рассуждая в первой главе о «функции трикстера», автор разграничивает несколько «миров референции» и специально выделяет так называемую «антиреферентивную» функцию, сопоставляя ее с языковой «поэтической» функцией и подчеркивая, что цель «антиреферентивной» функции состоит в «разрушении смысла» и даже в «подрыве языка» (стр. 253). В каком-то смысле «подрывом языка» (или же языкового узуса) можно считать и появление рассматриваемых во второй главе этой части книги «русских антипословиц» – видоизменений «традиционных» паремий, превративших последние в особый «жанр» комического. Так как «антипословицы» иногда считаются мини-анекдотами, из этой главы кажется логически вытекающей следующая, посвященная рассматриваемым в свете общей «теории комического» «анекдотам о Сталине». «Об анекдотах и их персонажах» А.Г. Козинцеву посчастливилось в августе 2008 и в марте 2011 года переписываться с исследователем «народного юмора» А. Крикманном, чему посвящена следующая глава. Благодаря этим письмам сегодня можно было бы реконструировать и концепцию юмора двух известных исследователей в целом, так как затрагиваемые в их переписке сюжеты не ограничиваются исключительно анекдотами. Наконец, известная в свое время программа «Куклы» изначально также замышлялась как развлекательно-юмористическая, однако довольно быстро она приобрела сатирическо-карнавальныи характер, что во многом и обусловило ее судьбу. При этом осмеивала эта программа, как показывает А.Г. Козинцев, «не только [...] российский политикум, но и [...] весь мир, нуждающийся в периодическом карнавальном обновлении» (стр. 308).

Очевидное тематическое разнообразие текстов, собранных под одной обложкой современной научной книги, – несомненно, редкость. Объясняя читателю некоторые *raison(s) d'être* своего труда, автор предваряет книгу «Предисловием», в котором коротко представляет ее содержание и дает читателю общую путеводную нить, которая и в самом деле может казаться необходимой для того, чтобы не заблудиться в тематическом богатстве собранных в книге текстов. После прочтения этого «Предисловия» возникает ощущение – в конечном итоге подтверждающееся и после прочтения всей книги, – что за разнообразной тематикой представленных в ней текстов стоит во многом общая проблематика, задаваемая автором при изучении интересующих его явлений. К этому

выводу отчасти отсылает и «Послесловие» книги, в котором автор возвращается к идее *антропологического подхода* к явлениям, традиционно относящимся к разным областям знания. В этом смысле данное книге название – *Язык – реальность – игра – смех (Антропологические фрагменты)* – и в самом деле кажется оптимальным, и язык поставлен здесь на первое место отнюдь не случайно. В самом деле, прежде чем задаваться вопросом о *реальности* и ее онтологичности, имеет смысл обратиться к тому *языку* (или к тем *языкам*), на котором или на которых эти вопросы задаются и обсуждаются. Язык передает (и задает) *смыслы*, а бесконечный характер нашего познания совершенно оправдывает и *игру*, и *смех* – причем не только в смысле объектов изучения, но и в смысле порой весьма желательных, а иногда даже необходимых методологических подходов, помогающих и соблюдать нужную дистанцию по отношению к изучаемому, и сохранять неизменное уважение к потенциальной непознаваемости изучаемого в рамках не только отдельных книг и проектов, но и всей человеческой жизни, и даже жизни не одной. И тем более оправданными кажутся в этой связи последние строки книги, выражающие ее квинтэссенцию – гораздо более широкую по своей направленности, чем чисто академическое содержание, и позволяющую «надеяться, что и сегодня лучшая сторона человеческой природы способна, как и прежде, находить общий язык с лучшим, что есть в человеческой культуре» (стр. 311).

Книга А.Г. Козинцева адресована разностороннему и начитанному интеллектуальному собеседнику, которому не нужно специально рассказывать о работах Ю.Е. Берёзкина, объяснять, что такое теория «эгоистичного гена» Р. Докинза или чем – при спорном характере их содержания – все же могут быть сегодня интересны книги С. Пинкера. И даже если не со всеми выводами автора можно безусловно согласиться (как быть, к примеру, с предлагаемыми однозначными ответами на кажущиеся сегодня сложнейшими – в позитивистском смысле – вопросы? можно ли совершенно отрицать современное биосемиотическое направление исследований?..), это кажется вполне естественным: истина рождается в диалоге, а по своему характеру, и в том числе порой и по стилю изложения, книга подчеркнута диалогична: недаром некоторые ее главы представляют собой тексты выступлений автора на семинарах и конференциях, рецензии на написанное другими или же фрагменты переписки (отметим здесь и характер писем, которыми А.Г. Козинцев обменивается с коллегами – это в самом положительном смысле слова необычные для нашей эпохи вечной нехватки времени замечательные, пространные и богатейшие по интеллектуальному содержанию тексты)... Все это – свидетельства интеллектуальной щедрости автора и его внимания к академической работе своих коллег, чего очень хотелось бы пожелать и современным исследователям-гуманитариям в целом.

В аннотации к книге отмечено: «Ввиду содержательной и стилистической разнородности текстов книга не имеет единой целевой аудитории. Но мы надеемся, что по крайней мере некоторые ее разделы заинтересуют специалистов, работающих в разных областях гуманитарной науки, а также непрофессионалов, задумывающихся о природе человека». Надеемся, что так и будет, и книга А.Г. Козинцева многих вдохновит на размышления и дискуссии и о *языке и реальности*, и о *игре и смехе*.